

Дорога Огны

Raymond Abudjan

После смерти лучшего друга, я будто проснулся от долгого сна и увидел Университет Магии таким, каков он есть на самом деле: жестоким, опасным местом, где за каждой дверью — тайна, где волшебство рождается из боли, а люди страшнее чудовищ.

Я должен отомстить. Изменить уклад ордена — возглавив его по праву крови, хоть всемогущий Совет и не захочет поделиться властью. Путь к вершине долог, и достаточно одной ошибки, чтобы оказаться за воротами Университета, лишившись памяти о магии и прожитых годах. Я обязан попытаться. Ради мертвых, ради живых — сколько их еще исчезнет в лабораториях? Сколько людей потребуется, чтобы сломать веками функционирующую систему?

Хватит ли одного?...

Часть 1

Университет оживает с приходом ночи. Собирает магов на учения, совещания, бумажную работу — зовет спрятаться от скучного мира под прикрытием граффити и плюща, ржавых железных ферм, побитых временем стен заброшенного завода. Они насквозь пропитаны волшебством, эти стены: заклинания вплетены в камень, магические выбросы от ритуалов уходят в землю, на которой я стою. Запрокинув голову к золотому фонарю над крыльцом, рассматриваю бабочек и мошек — последних в этом году. Осень здесь короткая, и вот-вот грянут холода. Ветер уже остыл. Дергает за ветки, грубой рукой ерошит кроны деревьев, засыпая желтыми листьями рытвины от боевых чар на дорожках. Вдыхаю запахи костра и влажной земли, самой тьмы, оплетающей здания вокруг густыми тенями. Здесь — мой дом. Я пришел сюда пятнадцать лет назад растерянным и испуганным, а сейчас — капитан блока искателей, член младшего совета, доверенное лицо Советника Байры, допущенный к главному оку, бесчисленно награжденный за успешную работу...

Даниель Эрлах.

Мне уже приходится потрудиться, вспоминая старую фамилию. В Университете мы выбираем новое имя. Прошое я помню, но если позвать — не обернусь. Привычным стало:

— Эрлах, — из лазарета выходят двое из блока охотников. Навещали раненных товарищей. Киваю и прохожу наконец внутрь.

В коридоре остро пахнет спиртом и мятой, белизна стен режет глаз. Бликуют сквозные окна в палатах — обычно занавески задернуты, но сейчас голые стекла преломляют свет ламп, и кажется, будто в воздухе парят десятки белых шаров. Встречаюсь взглядом со своим отражением. Бледный, растрепанные волосы полыхают медью, пальто обтягивает напряженные плечи, ворот рубашки небрежно замялся. Поправляю, но все равно выгляжу усталым и задерганным. Нужно срочно привести себя в порядок.

Все решится в ближайшие сутки. Я должен собраться.

Шаги гулко звучат в тишине коридора. Суета после драки в тренировочном зале уже улеглась. Через открытые двери палат видны спящие пациенты. Дежурные медики развалились на диванах в ординаторской, перед тихонько бубнящим телевизором. Прохожу мимо. Механически отвечаю на приветствия. Тревога ворочается за ребрами, мешая дышать ровно, царапается внутри. Опускаю поднятую было к груди руку. Кожа под рубашкой горит огнем, жар опалает щеки и сушит губы — облизываю, ощущая горечь выпитого кофе. Дерьмовый, как всегда.

Висия любил такой.

Воспоминание колет сердце: сколько раз я навещал его здесь, обессиленного после ритуалов? Сколько вечеров провел у больничной койки?...

Сжимаю кулаки: слишком много.

Повторяю про себя:

— Завтра все изменится.

Останавливаюсь возле нужной палаты.

Вот они.

Меня замечает только Наас. Блекло улыбается, нервные пальцы теребят кончик рыжей косы. Мой союзник наклонился над магом огня, а та — над Книгой, выбирает новое имя. Капитан охотников Кан Александер положил ей руку на плечо. В жесте больше флирта, чем

поддержки. Криво улыбаюсь: чего еще ждать от главного повесы Университета? Уже тут как тут, стоило появиться симпатичной мордашке. Нина, его сестра, садится на кровати. Хмурится и кусает губы. Тоже знает: теперь ничего не будет прежним.

Я рассматриваю огненную, пытаюсь понять — что она такое. От этой девушки зависит успех моего плана и жизни многих людей.

— Пришел за лекарством? — Вздрогнув, оглядываюсь на стоящего в дверях кабинета Гийота Кайруана.

— Да, — соврав, иду навстречу. Мужчина пропускает внутрь. Он пахнет хвоей и еловым перегноем, как все целители со стажем. Кажется уставшим: под светлыми глазами залегли синяки. Тем не менее, волосы аккуратно причесаны, халат без единой складки и сияет белизной. Глава медицинского блока указывает на диван, сам занимает кресло напротив:

— Выглядишь... ужасно. Тебе бы не помешало отдохнуть, — Гийот смотрит пристально, как всегда — не поймешь, врач он сейчас или друг. — Таблетки не работают?

— Не особо, — сажусь. — По-прежнему жжется.

— А настроение? Приступы тревоги? Панические атаки? Суицидальные мысли? — Морщусь и потираю переносицу. Лицо печет ужасно, будто я по-прежнему в горячей комнате. Огонь разлился по груди и животу, предплечьям и ладоням. Сжимаю кулаки, запоздало понимая, что Гийот заметит жест.

— Нет, ничего особенного. Просто кожа горит и бессонница.

— Тебе давно пора сменить картинку, — мужчина подается вперед и сплетает пальцы в замок. — Поехать куда-нибудь. Хоть бы по заданию.

— Только не сейчас, — комната надежно защищена чарами, но я произношу одними губами:

— Пора.

Гийот переводит взгляд за мое плечо. Он часто так делает, хочется обернуться, проверить — одни ли мы.

— Она сильная. Очень, — говорит целитель.

— Она испугана, только и всего. Успокоится — показатели упадут.

— Валентин говорит, что нет, — он снова смотрит на меня. Хмурится, на мгновение я вижу волнение, что обычно прячется за непроницаемой сталью глаз. — Она сильнее Илая и гораздо стабильнее Манतिकоры. Она сложнее, чем нужно нам. Быть может, понадобится время, чтобы уговорить девушку. А времени нет: Гофолия видел ее свет.

— Не волнуйся, Наас найдет к ней подход, — сила в парне так и рвется наружу, даже я чувствую тепло и желание приблизиться. Магия крови соединит наследников пламени вернее любых ухищрений с нашей стороны. — Она согласится. Ты хочешь ждать следующего мага огня? Вдруг пройдут годы прежде, чем мы найдем другого?

— Я понимаю. Но меня тревожит ее мощь.

— Так даже лучше: чары сработают наверняка.

Откидываюсь назад, воскрешая в памяти формулу. Сложная система сигиллов восхитила бы даже Байру. Нужно проверить каждый этой ночью. У нас нет права на ошибку. Завтра все случится.

Скрипнув, открывается дверь. Заглядывает Нина. Роняет:

— Зарин Аваддон.

Итак, у огненной появилось имя.

Я открываю глаза, когда небо начинает синеть. Ветер задувает в открытое окно, приносит пение птиц из парка, холодные запахи ила и стоячей воды. Не лучший аромат, не лучшая комната, особенно для капитана блока искателей, но я привык: мы с Висией жили здесь зелеными новичками. Стены хранят отголоски его смеха, наших разговоров, бесчисленных дней — тогда казалось, что впереди еще больше, еще целая жизнь.

— Я скучаю, — произношу в пустоту зеркала. В отражении изогнулись тени, и будто виден силуэт. Не то человека, не то твари. Криво улыбаюсь:

— Привет.

Память подкидывает картинку из прошлой жизни: Висия потерянно застыл посреди начерченного кровью знака, заходится писк сигнализация лабораторий, ученые в белых халатах столпились вокруг, ожидая — когда парень упадет на пол, забьется в конвульсиях, когда его тень станет чернее ночи и поменяет форму, оживая...

Морщусь. Я был с ним во время ритуала лишь однажды, и больше не смог.

Слишком страшно, и дело не в созданном чудовище. Я встречал множество тварей. Нас заставляют охотиться на них, доставлять живыми в Университет для исследований. Огненных магов вроде Висии используют для рождения новых: лишь пламенная стихия способна творить монстров — и подчинять, как следует из древних трактатов. Сейчас уже никто не знает способа управлять тварями, и ученые пытаются открыть его заново.

Страшно было после ритуала, когда яростно сопротивляющегося монстра спеленали чарами и поместили в клетку, а Висия остался лежать в крови знака сломанной куклой. Медики опаздывали, а ученые равнодушно вернулись к работе, к забитым графиками и цифрами мониторам, и только я подбежал, упал на колени, привел в чувство сплетенным с третьей попытки заклинанием... и встретил пустоту не узнавания в светлых глазах.

Тогда я не знал, что твари выходят из магии и осколков памяти, каждая забирает кусочек — души, личности, прошлого. Ритуал за ритуалом, Висии становилось все меньше, а я был слишком слеп, чтобы замечать, как быстро он исчезает.

Я не думал, что ученые убивают моего друга. Я... доверял Университету, подобно остальным, считал это место домом.

А потом стало слишком поздно.

Сажусь на кровати.

Спина замерзла, с трудом разгибаюсь. Рука, на которой я спал, затекла и обмякла. Листки с частями проклятия сбились у лампы, шелестят на сквозняке. Кажется, я успел закончить проверку знаков.

Со стоном разминаю плечи, провожу по волосам — рассыпаются тонкими медными прядями. Дрожь пробегает по позвоночнику. Мне нужно согреться.

Взяв полотенце и чистую одежду, выхожу в темный коридор. Редкие светильники горят едва заметным лунным светом — магия куда лучше электричества, не жжет глаза, в которые будто песка засыпали. Тихонько дребезжат холодильники с напитками, мигает рекламой растворимого дерьма автомат с кофе. Так и не починили или опять сломался? Нужно выяснить. Завтра.

Нет, сегодня: давай займемся мелкими, бытовыми делами, чтобы никто не запомнил этот день чем-то особенным.

Особенной будет ночь.

Корпус еще спит. Душевые свободны. Выбрав дальнюю, включаю горячую, до кипятка, воду. Пар клубами поднимается к потолку, а жалящие струйки разгоняют кровь. Закрываю

глаза и задерживаю дыхание, прячусь с головой в раскаленном потоке. Пальцы — на растрескавшуюся плитку, ощупать тонкие линии, глотнуть воды. Перенестись в воспоминание, где по плечам невесомо проходятся пальцы, разминая задеревеневшие мышцы. Ощущения кажутся реальными на секунду. Этого хватает, чтобы сплести заглушающее заклятье. Миг счастья, теплый камень под руками — как мало мне осталось.

— Достаточно, — прочистив горло, повторяю:

— Достаточно, — сигил вплавляется в покрасневшую кожу. Ближайшие сутки все мои разговоры пройдут незамеченным для посторонних. Можно не волноваться о прослушке, не искать укромных мест.

Выныриваю, выключаю воду. Растираюсь жестким полотенцем. Знак на животе немного кровит. Я вырезал его последним — остальные давно заросли в розовые шрамы. Узоры заклинаний протянулись через грудь и бедра, оплели плечи затейливой вязью. Здесь только сложные системы, на которые моих сил не хватает, и нужна подпитка кровью.

Невесело хмыкаю: тяжело быть магом земли с депрессией. Каждая стихия вызывается спектром эмоций, и для моей нужно счастье. Для воды — грусть, воздух подчиняется тревоге, а огонь контролирует ярость. Довольно просто на первый взгляд, но... Несмотря на таблетки Гийота, с каждым годом после смерти Висии счастья во мне будто меньше и меньше. Приходится хитрить, усложняя заклинания и расплачиваясь болью.

Одевшись, замираю у окна. Университет зажигает огни. Между зданий вдалеке мелькает тень: первые ранние пташки потянулись в кафетерий на завтрак.

Я тоже захожу. Набираю полный пакет медовых тостов, прихватываю ягодный чай для профессора и мягкий латте для себя. Выпечка пахнет одуряюще вкусно. В желудке урчит.

— Доброе утро, — сидящие за столиком у окна Олаф и Смуглянка синхронно поднимают головы. Хором и отвечают на приветствие:

— Опять не спится? — Опекающий всех и вся Олаф.

— Ночь без происшествий, — более практичный Смуглянка.

— Хорошо, — киваю. Мои заместители выглядят помято после суток в охране периметра. Сами виноваты: нечего было попадаться выпившими главе администрации Адамону. — Я буду к тренировке первогодок, хочу понаблюдать. Лучших отправим в составе команд на задания. После тренировки раскидаем миссии.

— Конечно.

— Как скажешь. — Чернобородый Олаф достает мобильный и быстро набирает сообщение для рассылки. Наверняка предупреждает новеньких, чтобы были готовы выложиться на полную.

Прячу улыбку: заботится. Повезло ребятам. В других блоках новоявленным магам дают лишь сжатую учебную программу, доступ к библиотеке и полную свободу действий — крутись как хочешь, чтобы подготовиться к годовому экзамену. Никого не волнует, пройдет кандидат или провалится, покинет Университет, лишившись памяти о магии. Среди ученых, охотников, техников, целителей и администрации старожилы слишком заняты на миссиях, чтобы помогать новичкам.

Блок искателей я организовал иначе. Регулярные тренировки, четкий план обучения, промежуточные тесты — все под строгим контролем Олафа.

Если мой план раскроют, он станет капитаном?

Возможно.

Взгляд глубоко посаженных карих глаз всегда спокоен. В развороте широких плеч

читается уверенность и сила. Модные сейчас татуировки и подбритые виски — что ж, никто не идеален. Олаф хорош в командовании, уважаем искателями, но совершенно бессилён в диалоге с администрацией. Тонкокостный кудрявый Смуглянка ровно наоборот: стратег и дипломат, но среди коллег имеет репутацию заносчивого одиночки — вполне заслуженно. Его за спиной зовут перебежчиком. Нынешний искатель, — бывший охотник и ученый, — хмурится, трет покрытый светлой щетиной подбородок:

— Эрлах? Все нормально?

Понимаю, что задумался, рассматривая своих заместителей.

— Да, простите. Мне пора, — отсалютовав стаканом кофе, ухожу, чтобы покинуть пропахший выпечкой сумрак кафетерия и спуститься в подвал к Валентину, где нестерпимо ярко и громко гудят механизмы, поддерживающие в равновесии экосистемы Заповедника. Этажом выше содержатся твари и другие создания, необходимые ученым для исследований, а здесь — сотни лампочек свисают с потолка, чтобы теплый свет помогал техникам работать с аппаратами. Несмотря на ранний час, полно людей. Я прохожу мимо булькающих труб и дымных резервуаров, кубов грунта в магической оплетке, многослойных погодных чар за толстыми стеклянными стенами. Киваю главному в этом бедламе, Кшиштофу Лойцу, ныряю за тяжелые прорезиненные шпory, отделяющие кабинет Валентина от остального подвала.

Заваленное манускриптами, книгами и тетрадами, рулонами чертежей, логово профессора встречает уютным библиотечным ароматом и недовольным взглядом хозяина:

— Ты поздно, — говорит Валентин. Отодвинувшись на скрипучем стуле, с хрустом потягивается. Серые волосы еще влажные, рубашка под белым халатом хранит следы заломов — заглянул домой сегодня, уже хорошо. Под глазами набухли мешки — спал мало или не спал вовсе.

— Чары? — спрашивает про заглушающие.

Щиплют запястье:

— Работают. У меня два часа.

— Тогда отставь завтрак подальше и давай сюда финальные расчеты. И сам сигил, конечно, — Валентин широким жестом сдвигает засыпающие стол бумаги в угол. — Пройдемся по логической цепочке, от центра к периферии. Я тут все расписал, но потерял листок... — кто б сомневался. Пока мужчина ищет записи, я устраиваюсь в кресле с увеличенной папкой. Произношу без всяких подсказок:

— Сердце знака — убивающее проклятье, нацеленное на тьму. Соединено связкой Гегемона с сигилом мощного всплеска и условием детонации при гибели твари.

— Подожди-подожди, хоть очки надену, — их Валентин отыскивает быстро, под ботаническим журналом. Список находится там же. — Ну вот, хорошо. Покажи теперь.

— Нужна лупа, — чтобы сравнить знак из древнего манускрипта, выуженного из-под стола, и рисунка на половинке альбомного листа, которую, если повезет, Наас даст свежее испеченной Зарин Аваддон.

— Под Броуди, — книгой о магических ядах и противоядиях, откуда мы взяли кровеносную систему знака — формулу антидота к укусу твари.

— Итак, — Валентин склоняется над моим рисунком. — Расскажи мне, как это будет.

Вдохнув, заученно повторяю в тысячный раз:

— Наас и огненная, Зарин Аваддон, спустятся в архив библиотеки, воспользовавшись пропуском Айяки Корнелиус, из блока ученых — Наас обещал ей некую услугу, девушка заинтересована. Наас пойдет под предлогом помощи, а Зарин чары не засекут: ее еще не

внесли в систему Университета, главный техник пока отсутствует и придет только завтра. В библиотеке Наас отвлечет Айяку. Тварь проведет Зарин через тайный проход к своей камере. Камеры в архиве я вырубил и подменил картинку.

— Как тварь укажет путь? Она же заперта.

— Наведенным мороком. Плутон месяцами копила силы для этого колдовства. Девушка воспользуется формулой. Плутон умрет, и энергия ее смерти многократно усилит эффект проклятья, которое вспыхнет повторно — уничтожая всех темных созданий в радиусе действия, а радиус должен выйти далеко за пределы Университета, ведь Плутон — Высшая. После в зоне ее смерти будет умирать любая тварь ближайшие лет пятьсот — столько, сколько прожила Плутон. Университет не сможет проводить исследования над огненными магами и их чудовищами, перевезти лабораторию тоже нельзя: у нас давно кончились защитные элементы для барьера. Итог: твари мертвы, Хайме неистовствует. Гофолия в ярости, но ничего не может сделать. Огненных оставляют в покое и никакой больше охоты за тварями. Конец.

Я зажмуриваюсь и массирую виски. На словах все выходит просто. Слишком просто.

Я что-то упускаю. Выдыхаю:

— Слишком мощная, — сказал мне Гийот, — Зарин Аваддон чересчур сильна.

— Это же хорошо? — непонимающе хмурится профессор, продолжая сравнивать сцигалы.

— Да. Нет... Не знаю, — ставлю локти на стол, уперевшись подбородком в перекрещенные руки. Как же я устал. — Проверь еще кусок с расширением, я немного сомневаюсь.

— Уже. Все верно. Переход не совсем элегантный, ты перемудрил с количеством огненных элементов, но работать будет.

— Ладно, — у меня не осталось сил на волнение перед. Я готовился слишком долго.

Валентин подвигает ко мне стакан остывшего латте.

— Пей свой кофе. Тебе нужна ясная голова.

Выдавливаю улыбку:

— От меня уже ничего не зависит.

Тренировка идет полным ходом, когда я появляюсь в зале. Сегодня здесь только искатели: Олаф, Смуглянка и любопытствующие столпились под высокими окнами, через которые внутрь проникает слепящее осеннее солнце, разрисовывая деревянный пол клеткой. Под потолком, в ярких лучах, висит отчаянно скрипящий зеленый диван, а дюжина волшебников внизу пытаются его отлевитировать на балкон. Диван трясется, грозясь развалиться и засыпать магов обломками. Прячу понимающую улыбку. Командная магия — сложная штука.

— Эрлах! — Чересчур громко восклицает Смуглянка, и диван пикирует вниз, с диким треском останавливаясь в считанных сантиметрах от пола. Судя по растерянным лицам новичков — благодаря вмешательству извне. И точно, Олаф застыл со сведенными бровями и сжатыми кулаками. Хмыкаю:

— Которая это попытка?

Смуглянка улыбается:

— Восьмая. Но они близки.

— Не сомневаюсь, — еще полдня провозятся. Прячу руки в карманы, перекатываясь с

носки на пятку. Выдыхаю: ладно, тревога во мне давно ищет выход. Ждать новостей невыносимо. В голове мечутся мысли, вопросы без ответов. У ребят получилось попасть в архив, пройдя многослойные защитные барьеры? Добраться до твари в Заповеднике? Активировать знак, убить Плутона и всех узников Университета?... Если да, неужели еще никто не заметил? Почему не подняли тревогу?...

Черт, мне нужно отвлечься. Я знаю способ. Выдыхаю:

— Потом закончат. Сейчас — один на один. С каждым, — Смуглянка тут же свистит, привлекая внимание. Бегло объясняет подошедшим: спарринг до пяти минут или стопа, никаких взрывов и сломов реальности, иначе барьер тренировочного корпуса ответит мощным ударом, никакой темной магии — по той же причине.

— Остальное можно? — С кривой усмешкой тянет самый высокий парень в группе. — И что будет, если я выиграю у капитана?

Присматриваюсь. Блондин в обтягивающей крепкие мышцы футболке. Патрик Доу — вспоминаю имя. Что ж, Патрик, ты первый.

— Вот сейчас попробуешь и узнаешь, — приглашающим жестом указываю на очерченную сигилами зону для магических боев. Патрик немного бледнеет, но не теряет гонору: заняв свое место, долго кланяется немногочисленной публике. Я ощущаю медный привкус во рту и как сжимается внизу живота. Правильно выбрал: проиграть такому я себе не позволю. Перебираю наощупь, по шрифту Брайля на корешках, картонки с чарами в кармане, в поисках... да, вот она.

Карточка переключивается в рукав.

— Запомнил правила? — Патрик хмыкает, кивает.

Я облизываю губы, я возвращаюсь в затертое до дыр воспоминание, где Висия хохочет, давится пивом, что-то пытается сказать — прямо здесь, на том злополучном зеленом диване. Мы отдыхали после тренировки. Мы были молоды и еще беспечны. Самоуверенны, как этот пацан. Только жизнь показала:

— Бои редко идут по правилам, — ускользнув от мощного, но неповоротливого проклятья, огрызнувшись своим, смявшим пол в гармошку, выставляю кулак с зажатыми чарами и представляю лицо главного мучителя Висии, Рамона Хайме. Ненависть на контрасте со счастьем моментально вскипает в крови, и темная магия с протяжным воем заполняет зону спарринга. Патрик хватается за голову, крича падает на колени. Между пальцев сочится кровь, брызжет из глаз и носа. Парень утыкается лицом в землю, колотит ладонью: с него достаточно. Я выставляю блок на пути ударной волны от защитного купола и жду еще несколько секунд прежде, чем отзывать морок. Теперь слышен его вопль:

— ...АТИТ!... Хватит!

Олаф помогает парню подняться и отойти к дивану, а я роняю:

— Следующий.

Новички идут на спарринг как на смерть. Но остальных ждет лишь рукопашная: я уклоняюсь от боевых заклятий и без единого колдовства подбираюсь на расстояние удара, а там — секундное дело. Дольше разбирать ошибки с каждым потерпевшим. Кроме Патрика, его уводят в лазарет. Представляю, что скажет мне Гийот.

Мы заканчиваем только к вечеру, когда солнце садится, а новички уже едва стоят на ногах, но сигилы и движения отработаны до приемлемой четкости. Все попадают в команды к опытным магам и получают первые миссии. Распределяем здесь же, наскоро: сказываются усталость и голод, а меня последние полчаса подгоняют в спину пристальный взгляд

замершего у дверей Нааса и неодобрительный — Олафа. Знаю, с парнем я переборщил. Самс вышло. Все чертов Хайме, разливающееся по груди и животу жжение — вопреки бесполезным таблеткам, — и неизвестность, неизвестность! Что там с Плутоном?! Почему до сих пор не звучит боевая тревога? Какого черта у Нааса виноватый вид?!

— Рассказывай, — бросаю, проходя мимо. Выждав прилично времени, парень догоняет и идет рядом. Молчит.

Плохой знак.

Вокруг нас плещется темнота. Редкие рыжие фонари размечают путь между зданий. Тихо, только шумят деревья и под ногами шуршат палые листья. Растираю ноющее плечо: старый перелом напоминает о себе. Будет дождь.

Когда мы отходим от учебных построек, Наас, наконец, сдавленно говорит:

— Плутон предложила Зарин клятву крови и верности.

У меня замирает сердце. Твою мать.

— Она согласилась, — ну еще бы! Дура!

— Какого... — остановившись, запускаю пальцы в волосы, зажмуриваюсь. Встряхиваю головой. Мысли путаются. Пытаюсь сформулировать:

— Она... барьер камеры...

— Теперь тянет энергию из Зарин тоже, да, — осторожно говорит парень. Конечно, клятвой они связали души! А барьер работает на силе твари, ослабляя создание, которое горит куда ярче девчонки! Защитные чары выпьют Зарин за считанные дни!

— Нужно разорвать связь, иначе Зарин умрет, — Наас бледен, на щеках ярко проступили веснушки, а обычно теплые ореховые глаза потемнели. Наполовину расплетенная коса лежит на плече — пряди ржавые, как у меня. Мы чертовски похожи с этим огненным мальчишкой. Я вижу в нем больше, чем в других. Боли, страха, вины. Злиться не получается, хотя... — Это я виноват, не подумал про клятву. Надо было предупредить Зарин.

— Да. Надо было, — с трудом разлепляю губы. А теперь нужно разорвать связь. Барьер запирает тварь через дух ее создателя — Советника Тлалока, что похоронен на маленьком кладбище в парке Университета. — Мы должны вскрыть могилу Тлалока и изгнать дух, освободить тварь. Убить ее Зарин больше не сможет: тогда сама умрет.

Плутон нас переиграла.

— Прости, я все испортил, — кривится Наас. Качаю головой, сжимаю его плечо:

— Нет, я тоже должен был... — чертов Гийот как в воду глядел! Слишком сильная — вот, в чем дело! Тварь не устояла перед таким лакомым кусочком. Зарин станет ее кормом до конца своей жизни.

— Эрлах?

— Задумался. Да, изгнать духа нужно сегодня. Я все подготовлю. Встретимся в полночь на кладбище. Позови Мару и Эдварда, пусть возьмут необходимое. Эд сначала откажется: пообещай ему прах Советника. Его заберу я, но потом отдам часть.

— Да! Да, конечно! Спасибо тебе! — Мышцы под моей ладонью расслабляются. Наас блекло улыбается.

— Это огонь в ней манит тебя, не она сама, — я обязан напомнить. Наследников пламени тянет друг другу, и это притяжение легко спутать с влюбленностью.

И наоборот.

Парень беспечно передергивает плечами:

— Да, я знаю. Не волнуйся.

— Хорошо, — отступаю. — Иди.

— До встречи, — Наас быстро исчезает в ночи. Это его время — в маге борются стихии огня и ветра. Злость, страх и тревога.

Ему кажется, что побеждает ветер.

Я вижу, что ночь.

По искристому напряжению рядом и плотной, полуденно-четкой тени. Моя сейчас размыта и двойственна, ведь луна скрылась за набежавшими тучами, и едва поспекает за широкими шагами.

— Черт! — Прикусываю губу до солоноватого привкуса во рту. Сжимаю кулаки. Мысли мечутся переполошенными птицами, но чаще других звучит: нет, не может быть, невозможно! Мой план, бережно вынашиваемый последний год, рухнул, как карточный домик! Не могу поверить, что все кончено. Без смерти Плутона... все впустую.

Мне хочется кричать. Ярость поднимается изнутри удушливой волной: ненавижу. Чертова тварь провела меня! А ведь еще недавно она умоляла о смерти, выпотрошенная после очередного эксперимента Хайме. Теперь мы сами вынуждены распахнуть перед ней дверь камеры, иначе девчонка умрет!

Нужно было самому поговорить с Зарин. Нужно было... твою мать!

Несколько кварталов, и я выхожу к корпусу искателей. Неприметное узкое здание с облупленной штукатуркой и следами пожара. Кажется, обглоданный до арматуры мостик в научный корпус вот-вот рухнет. У балконов второго этажа давно обвалился пол, и теперь постелены свежие доски — абы как, если честно.

Останавливаюсь, считая вдохи-выдохи, заставляя гнев отступить. Рассматриваю следы пожара, протянувшиеся черными пальцами из окон, возвращаюсь в реальность.

Привычно думаю: нам остро необходим ремонт. Но все ремонтные работы проходят исключительно через администрацию, а они точно заплетут в камень следящие и подслушивающие чары, которые потом не выковырять, не заглушить. Адамон непременно раз в месяц, будто кружком в календаре обведено, затевает разговор о состоянии корпуса, но пока мне удастся отбивать его атаки.

Выдыхаю: хорошо, я снова владею собой. Нет времени на бессильную злость, нужно решать текущие проблемы.

Прохожу через темную гостиную и коридоры, сталкиваюсь на кухне с Сано Тхеви — кирпичное широкое платье, розовый ежик волос и дерзкие стрелки, звенящие браслеты и серебрянные кольца на тонких пальцах. Одна из лучших искателей готовит кофе в турке и сонно улыбается:

— Привет.

— Привет, — в холодильнике ничейные блины с мясом. Отлично. Нужно восстановить силы. — Отдыхаешь после задания?

— Да нет. Хотела, но Ульрих тянет в кино, — девушка зевает, прикрывая рот ладонью. — А ты? Все хорошо?

Прислонившись к косяку, растираю затылок. Накопившаяся усталость сдавливает шею. Вдруг говорю:

— Нет. И мне нужна твоя помощь.

— Сейчас? — Сано отставляет чашку.

— Сейчас. Это не приказ, просьба.

— Ладно, только позвоню Ульриху.

Разговор не занимает много времени. Слушая больше интонации, чем слова, удивляюсь, почему они еще вместе.

И зачем Ульрих сделал ей предложение полгода назад. Прижав телефон плечом к уху, Сано крутит усыпанное камнями кольцо с цветком на безымянном — вульгарная вещица, совсем не в ее вкусе. И Ульриху она предпочитает вечер со своим капитаном.

— Готово.

— Идем, — прихватив блины, пропускаю девушку с кофейником и двумя чашками вперед.

Вместе мы быстрее справимся с заклятиями, необходимыми для изгнания духа и заметания следов ритуала.

А что за дух — ей знать совсем необязательно.

Когда Сано уходит, я выключаю свет и некоторое время сижу в темноте, отдыхая. Создавая тонкими чарами тень, что будет ждать меня в комнате и отражаться на всех поисковых заклятиях вместо.

Фонарь за окном натужно скрипит при каждом порыве ветра, его блеклое сияние дрожит, как от страха. Деревья роняют желтые листья, клонятся волнами — будто их оглаживают исполинской рукой. Парк шумит, волнуется. И мое тело волнуется — печет кожу там, где старые ожоги, покалывает лицо. Разум спокоен, но где-то в глубине бушует буря.

Застегиваю жилетку и надеваю плащ, привычно нащупываю в особом кармане шило, чтобы чертить сигилы, и бумаги с изображением самих знаков.

Пора выходить.

До встречи, тень.

Улица встречает настоящим ураганом. Приходится закутаться плотней и скорее пересечь периметр через ближайшую калитку, спрятаться под защитой дубов и платанов. Здесь пахнет сыростью и тиной: болото близко. Однажды топь поглотит кладбище волшебников, и наши предшественники сгинут без следа.

А может, это будем мы.

Вскоре я оказываюсь среди покосившихся надгробий и ветхих склепов. Перешагивая через плиты и толстые корни, иду к наиболее древней части захоронения. Высокие травы мешаются под ногами, дергают за одежду репейники. Сбивается дыхание. Где же лежит Советник? Я нахожу Божена и Фарамея, Ри и Цингистиды, Приора и... о, вот он, Тлалок. Небольшой серый камень с полустершейся надписью. Все, что осталось от великого мага, последнего создателя Высшей твари. А после нас уйдет и душа.

Колкие слова заставляют поникнуть траву ровным широким кругом и разбивают первый слой защиты на могиле. Второй уничтожает сигил, с которым мне помогла Сано. Третий я, сквозь боль под ребрами, снимаю старым универсальным заклятием времен Тлалока: как раз вовремя, вдалеке раздаются голоса, мелькают лучи фонарей.

Пришли.

И спорят. Наас, его друг и сосед по комнате Тони Луиза, огненная Зарин Аваддон. С ними увязалась Айяка Корнелиус — девушка, что должна была провести ребят в архив и не более... черт. Надеюсь, это все сюрпризы на сегодня.

Но впопыхах вычерченные чары поиска показывают, что есть еще один человек.

Ну твою же мать.

Жжение на коже многократно усиливается. Ненавижу. Нужно было принять лишнюю таблетку. Руки тоже горят — ими я закрывался от взрыва... Набираю полные легкие прохладного осеннего воздуха, медленно выдыхаю. Еще раз. Еще. Пока не становится лучше и можно выходить к магам:

— Я уже снял заклинание с могилы, —

обрываю спор. На мне пересекаются лучи фонарей, заставляя прикрываться рукой. — Убрали. И замолчите. Ваши крики разносятся по всему парку.

— Эрлах, — улыбается Наас с заметным облегчением.

— К руководству никто не пойдет, — выдерживаю долгую паузу. Возражений нет. Поворачиваюсь к Наасу, обнимающему Зарин.

Вот тебе и "различаю притяжение". Придурок.

— Вы пересекли периметр вместе, причем выбрали ближайший к кладбищу выход. Лень было прогуляться до главных ворот? — поднимаю брови. Наас чертыхается. — Если что-либо случится не по плану, никто не избежит наказания. Поэтому в точности выполняйте мои указания.

Я вдруг понимаю, кто мог увязаться за ребятами.

Тот, кто не пропустит ни одной юбки в Университете, особенно новой:

— И ты тоже, Кан, — хочется рявкнуть, но сдерживаюсь.

Маг с шорохом появляется из высоких трав и теней. Наас освещает парня фонарем, ослепляя до кривой гримасы:

— Даниель... — хмурится капитан охотников. Отворачиваюсь, некогда:

— Поможешь с ритуалом.

— Нет.

Останавливаюсь, спрятав руки в карманы пальто. Вдруг замечаю, как много звезд сейчас на небе. И как колюч их свет. Говорю едва слышно, сдерживая злость и перебирая вслепую заклинания. Вкрадчиво:

— Когда их поймают, новенькую проверят. Обнаружат, что профессор Рабинский подделал отчет. Найдут монету. У Нины такая же, верно? У скольких еще? Ты ведь совсем не к Рабинскому должен был ее вести. Тогда никто не обратил внимания на ошибку, но теперь задумаются.

Оборачиваюсь. Кан играет желваками, но молчит.

— При чем здесь... я не понимаю, — растерянно бормочет Айяка. — Рабинский? Нина?

...

Никто не отвечает. Девушка пробует еще раз, уже уверенней:

— Когда тварь вырвется на свободу, она сможет перемещаться по всему Университету. Если Зарин еще нет в системе, Плутон пройдет куда угодно. В лаборатории, хранилища, общежития! Убивая, разрушая...

Не выдержав, сминаю в кулаке бумажки. Произношу с нажимом:

— Мы все знали, на что шли, когда выбирали магию. Я не могу предсказать, как поступит тварь или каковы рамки клятвы. Но кто бы не встретился у нее на пути, он должен уметь за себя постоять. Это наша работа.

Она не сдастся:

— А ученые? Администрация? Техники, да новички же в конце концов! У многих нет шансов даже против полтергейста, а ты предлагаешь сразиться с Высшей тварью! — Тони

кладет руку Айяке на плечо.

— Если захочешь, после обсудим моральную сторону вопроса, а сейчас — за мной, — не дожидаясь ответа, направляюсь к месту проведения ритуала.

— Пойдем, — уговаривает Тони. Ответ девушки я не слушаю.

Лучи пронзают темноту за спиной, шаря в поисках проложенной мною тропы. Вскоре маги догоняют — когда я успеваю загнать злость поглубже, привыкнуть к едва стерпимому жжению, разлившемуся по груди и шее, и начать сигил для вскрытия захоронения:

— Сам ритуал простой, проблемы начинаются, если дух не хочет уходить, а Советник не захочет. Основная наша задача — заставить его постоять спокойно, пока Зарин проведет изгнание. Единственное незавершенное дело Тлалока — тварь, которая отныне стала твоей, — поднимаю глаза на Зарин. — Он откажется принимать это, но ты заставишь.

Девушка краснеет:

— Понимаю. Я уже участвовала в подобном... только те духи не сопротивлялись.

— Мы запрем его в жесткий барьер, чтобы не рыпался, — Эдвард Анна бесшумно выбирается на поляну. За ним тенью следует Мара Кейтлин. — Главное — удержать, иначе свалит. Технически, духи привязаны к останкам или особым местам, но призрак Советника может оказаться очень сильным. Не хватает еще, чтобы принялся шастать по всему парку.

— В Университет ему не попасть, уже неплохо, — пожимает плечами Наас.

— Если сбежит — хрен поймает. Гарантирую, — Эд лезет в рюкзак за элементами защитного контура. Хорошо.

— Верно, — я заканчиваю знак, вспарывая шилом землю. — Мы должны сосредоточиться на поддержании защитных чар. Кан, пожалуйста, наколдуй стазис.

Кан скрещивает руки на груди, когда все смотрят на него. Не унимается:

— Зачем тебе это?

— Разве ты сам не нарушил правила, помогая Зарин?

— Она спасла Нину. Я вернул долг. И никто не пострадал.

Хмыкаю, поднимаюсь с колен:

— Вот теперь пострадает. Отведи ты огненного мага в администрацию, к Адамону, мы бы здесь не стояли.

Кан, в обход правил, доставил Зарин к Валентину, который занизил показатели в отчете и дал старинный артефакт, монету, что блокирует силу, — подарил шанс на выживание в Университете.

Шанс для твари в том числе.

— Не вали это на меня! — повышает голос парень. — Отвечай! За каким чертом тебе подрывать безопасность Университета?!

Я пытаюсь спрятать горькую улыбку. Причина? То, что заставляет меня просыпаться по утрам, выпивать горсть Гийотовых таблеток и горький кофе, терпеть жар и продолжать жить:

— Висия.

— Что? При чем здесь...

— Висия, — говорю громче. — Мантикора. Янни. Илай. Наас. Нина. Зарин. И еще десятки имен, — причин, чтобы попытаться сломать систему. Эта тварь особенная. Она даст нам ответы. Возможности. Свободу. Или тебе нравится нынешнее положение дел в Университете?

— Нет, но...

— Я уже говорил, что у тебя нет выбора?

Кан морщится. Сжав губы, поднимает кулак. Я склоняю голову набок. Волосы падают на лицо теплой волной. Рука сжимает шило. Что ты сделаешь? Ты ведь понимаешь, кто я?

Убираю оружие в карман, когда вокруг парня из воздуха проявляется вода, по щелчку пальцев сплетается в равновесный сигил.

Эдвард преувеличенно цокает языком:

— Неплохо.

Я снова опускаюсь на корточки и накрываю ладонью свой рисунок. Закрываю глаза. Вспоминаю кусочек детства: мы с папой едем на машине, он позволил мне сидеть на переднем сиденье — как взрослому. Я вижу его профиль в теплых закатных лучах, слышу голос и очередную сказку о волшебниках, сражающихся с нечистью.

Обернувшись былою сказку.

Конец у нее несчастливый, но картинка, вспышки удовольствия хватает, чтобы земля отозвалась, рванула навстречу из могилы, обнажая старые кости в истлевшей мантии.

Наас подходит к краю ямы и светит вниз, а Эдвард и Мара начинают строить барьер. Двигаясь поразительно слажено, они рассыпают философскую соль и раскладывают мешочки с заговоренными камнями. Первые нити колдовства протянулись за девушкой — изящные, лаконичные. Мне стоило лично переговорить с ней и Эдом. Все еще стоит — после. Извиниться, что впутал в эту историю.

А пока подзываю Тони, лучшего друга Нааса и сильного мага, даю копию сигила:

— Помоги мне воссоздать. Я займусь центром, ты — периферией.

В центре узор сложнее. Пыль и мелкие камушки образуют линии и окружности, буквы и схематичные рисунки, закручиваются в спирали, поднимаются на уровни выше и ниже сердца знака. Порывы ветра дергают, силясь порвать, узор. Тони доплетает мышцы, связки, я помогаю с кровеносной системой и кожей. Вскоре все готово. Теперь — время слов. Произносим заклинание хором, и сигил поднимается выше, смещаясь к распахнутой могиле.

Обернувшись к Зарин вижу, что девушка обняла себя за плечи. Карие глаза прикованы к яме, брови сведены на переносице. Красивая в своем страхе, она наверняка будет прекрасна в ярости, как и всякий сильный маг огня.

— Зарин, иди сюда, — зовет Тони, понимая правильно мое молчание. — Наас! Ты тоже.

Когда ребята подходят, я говорю:

— Тлалок и Плутон связаны с помощью тьмы, поэтому нужна твоя сила, чтобы вскрыть замок. Чары Заповедника дали трещину, когда ты приняла клятву, и разлом растет, поэтому будет несложно: мы просто подтолкнем, и система рухнет. Я хочу, чтобы ты закрыла глаза и вспомнила момент, когда тебе было до смерти страшно. Попытайся воссоздать это острое чувство, пережить заново. Не торопись. Когда будешь готова — коснись здесь. Вы оба, чтобы наверняка.

Здесь — в точке разрыва. Наас заправляет волосы за уши, как всегда, когда нервничает. Поясняет:

— Пока Кан отдувается, есть время сконцентрироваться. Как только его силы кончатся, дух вылезет. Будет очередь нашего заклинания. Ребята подстрахуют, все должно пройти нормально. Для тьмы достаточно первого импульса. Если что, я помогу, — маг становится рядом с девушкой, притираясь плечом. — Держи нож. Ты знаешь, что делать.

— А если у меня не получится?

— Получится, — отвечаю за парня. Усмехнувшись, киваю на ее сжатую в кулак руку. Даже сейчас, среди обученных магов, она готова сражаться за свою жизнь. Наверняка Зарин приходилось защищаться не раз, ведь завязанная на ярости и страхе сила огненных притягивает не только тварей, но и людей. Злых, отчаявшихся, способных на все. Уверен, мало кто пережил встречу со столь яркой вспышкой пламени:

— Я знал мага вроде тебя. Скольких ты убила? Неужели среди них не найдется достаточно страшного воспоминания?

Девушка делает шаг назад. Врет:

— О чем ты?

— Зарин? — Наас вновь подходит ближе.

— Можешь солгать мне сейчас, — трогаю камни в заклинании. Оно отзывается дрожью. — Сказать, что никогда не отнимала ничьей жизни. Или — случайно. А может, просто защищалась... Мы все здесь говорили подобное. Чаще всего — самим себе. Верно, Наас?

— Перестань, — взвывается ветер. Самоконтроль у него ни к черту.

Продолжаю:

— Только так магия не работает. Сила начинается с правды. Висия не понял этого, и теперь он мертв. Наас отрицает, и — ты ужасный маг.

Наас скрещивает руки на груди:

— Иди к черту.

Качаю головой:

— Видишь: отрицает. Будь честна, когда дотронешься до знака. Иначе весь пережитый тобой страх ничего не стоит.

Я отхожу к могиле, где собрались остальные. Кан бледен до синевы, вот-вот сорвется. Зарин стоит поторопиться.

— Зарин... — говорит позади Наас.

— Оставь меня, — дрожащим голосом произносит девушка. Умница.

Вспоминать лучше в одиночестве. Я смотрю на серую от волнения Айяку Корнелиус, долго смотрю — заставляя нервничать сильнее, — когда нити знака натягиваются до звона в груди — тонкого, надсадного. Окрашиваются золотом. Я оборачиваюсь. Маги огня замкнули узор.

— Приготовиться, — мы синхронно расступаемся, открывая доступ к яме. Глаза Зарин светятся хищным желтым, зрачок исчезает в огне. Наасовы лишь бликуют... Знак вспыхивает и резко меняет форму, перерождается в солнце. У меня останавливается дыхание. Никогда прежде я не встречал такого огня: ровного, мощного, согревающего — не пожирающего самое себя, как у прочих... Как она смогла остаться такой?...

Эдвард и Мара заводят молитвенную песнь — ловушку для духов. Я не могу оторвать взгляда от девушки.

Наас рядом хватается за нити чар, буквально повисает в золотой паутине:

— Отпускай, я удержу.

Зарин, зажмурившись, падает на колени. Проводит ножом по ладони, потом втыкает лезвие и прокручивает до полной пригоршни крови. Вокруг нее обрывками мелькают образы, люди, звуки из старых дней, крик Советника — этот здесь и сейчас пытается удержать власть над тварью. Но девушка уже у ямы, протягивает духу окровавленный нож. Разорванный барьер хрустит и лопается, воздух наполняется низким гудением, будто

электричеством.

Я ощущаю странную легкость и азарт — чего не чувствовал много лет. Будто проснулся от долгого сна.

— Она. Моя, — выдыхает Зарин Аваддон со страстью, которую я проглядел. Иначе ни за что бы не отправил ее в Заповедник. — Моя. Умри.

Роняет нож, разрезая связь между душами. Чары вспыхивают ослепительным белым, и вдруг все кончается. Давящее присутствие Советника исчезает.

Падает Наас. Ветер вьется у тела, взрыхляя землю тугими струями. Зарин медленно соскальзывает в яму. Я едва успеваю ухватить за лодыжку, когда чары, прощально замерцав, осыпают нас градом камней, а в могиле зарождается огонь. Поднимаю девушку на руки. Зарин легкая, кожа обжигает даже через ткань. За веками сияют золотом круги. Боже мой.

Хайме никогда ее не получит. Прижимаю худенькое тело крепче, отношу к краю поляны. Кладу около Нааса, который сразу неосознанно придвигается ближе. Сидящая на корточках рядом с ним Мара поджимает губы.

— Вот это да, — говорит Эдвард. — Не ожидал.

— Да. Я тоже.

Айяка испуганно, а Кан мрачно смотрят на огненных магов. На щеке парня — красная полоса ожога. Без солнечной магии вокруг ночь темна и полна шорохов, будто среди могил бродят забытые души.

Наверное, поэтому наследники пламени когда-то правили миром: их свет прогоняет чудовищ.

А еще — создает.

Зарин и Наас приходят в себя почти одновременно. Мара, единственная среди нас целительница, дает ребятам напиться воды с каплей зелья из аптечки. Пламя еще выплескивается из могилы Советника, гудит в тон поднявшемуся ветру. Это не сила Нааса бушует — просто собирается гроза. Порывы гуляют в ветвях, сбивают сухие дубовые листья. Я вдруг отчетливо осознаю: осень, конец лету. Послезавтра равноденствие, а дальше — долгие ночи и короткие, тусклые дни. И Зарин, Наасу, нам всем придется несладко.

Рыжее зарево заливает небо со стороны Университета. Хрипло надывается тревога, кричит прямо в моих венах. Я стараюсь не думать о том, что происходит в Университете.

Мы выпустили Высшую тварь, боже мой.

Говорю:

— Нужно возвращаться. Вы пятеро — через ворота на другой стороне, — кручу в руках шило, которым чертил чары. — Скажете, что ходили прогуляться в парк. Эдвард, Мара, переночуйте в городе.

— А ты что будешь делать? — тон Кана холоден.

— Я не покидал территории Университета, — прячу ухмылку. Фокус с тенью — древняя шутка, мое отрытое сокровище и большой секрет.

— Как...? — вскидывается Наас, но я поднимаю ладонь:

— Ты испортил кости, обойдешься.

— Это Зарин испортила, — маг стухает и отходит.

— Я не хотела, — Зарин осторожно сжимает кулак с замазанной лечебным гелем раной. Вздвогнув, оборачивается.

Я поначалу не вижу тварь. Лишь вспышка молнии вытравляет тонкие рога, изящные

чешуйчатые лапы и мокрый мех на груди. Вскрикнув, Айяка прячется за Тони. Тот наводит на тварь луч фонаря. Я сжимаю зубы: ее шерсть измазана кровью. Достая пистолет.

Зарин неуклюже поднимается, опираясь на Нааса. Хромает навстречу своему чудовищу.

Тихий шепот Плутона громче бури и пронзает как нож:

— Спасибо, — Зарин зажимает уши. Тварь повторяет еще дважды, пробуя слово на вкус:

— Спасибо. Спасибо.

— Боже, — Кан вскидывает оружие, Эдвард и Мара следуют его примеру.

— Твое обещание, — говорит Зарин, обернувшись к нам. — Что оно значит?

Она оглядывается, когда тварь исчезает.

Мы замираем, прислушиваясь. Давящее ощущение страха, морок, сопровождающий Плутона, спадает. Ушла. Я требую:

— Идите. Сейчас, — Ветер дергает плащ, толкает в спину — скорей! Меня наверняка ищут.

Первые капли дождя бьют по голове и плечам. Плохая примета — думаю я, пока под ногами поднимаются травы, скрывая опустевшую могилу — грунт едва заметно просел, а расколотое огнем надгробие накренилось вперед. Воздух еще пахнет дымом, но скоро его смоем грозовая свежесть. Я отступаю по тропинке и повторяю заклинание, шаг за шагом заметая следы присутствия. Другие маги уже исчезли в темноте под раскидистыми дубами. Небо над прогалиной разрезает молния, спустя несколько секунд сквозь вой сирены продирается гром. Морщусь: звук тревоги вибрирует в костях, уши заложены, а в горле стоит ком. Я связал себя с чарами барьера чересчур крепко, и теперь пожиная плоды.

Развернувшись, ускоряю шаг. Тень дожидается в комнате, нужно соединиться быстрее: капитан блока не может проспать тревогу.

Дождь усиливается, нарастает тяжесть в солнечном сплетении.

Ливень поможет, смоем лишнее — повторяю про себя, ныряя в непроглядную тьму под деревьями. На задворках сознания мерцает боль.

Дождь — это Висия, Висия — смерть, стыд, вина. А еще огонь: багряный жар углей под вуалью пепла, золотые искры на обломанных гранях. Похоже горит и Илай, горели многие до них. Встретив Зарин Аваддон, я ожидал подобного, но ее сила...

Она сияет как солнце, — предупреждала Нина, а я не поверил. Дурак. Чертог самонадеянный идиот! Тщательно, месяцами, выстраивал план, и в конце не проверить девушку перед знакомством с тварью!

Все казалось идеально простым. Тварь хотела умереть. Она жаждала, требовала освобождения от мучений, которым ее подвергали в лабораториях. Я подарил ей свободу — не смерть, но девочку-солнце Зарин Аваддон, мага сильного и целостного, способного вынести клятву Высшей твари. Не удивительно, что Плутон ухватилась за возможность сбежать. И теперь я сам бегу сквозь ночь, которая пахнет Висией и озоном, чтобы скрыть свой промах и попытаться... не знаю, ничего уже не исправить...

Приближаются оранжевые огни над оградой. За ними сияют белым прожекторы на крышах. Торможу у калитки и опираюсь о покрытый сигилами металл, прижимаюсь лбом. От холода мысли проясняются. Неважно, что потом станет с тварью и девушкой, сейчас я должен скрыть свое участие. Сконцентрироваться, собрать знак невидимости — сквозь вой сирены призываю силу. Еще раз. Отвечает неохотно, будто спросонья, поворачиваясь на другой бок тяжелой глыбой. Давай же!

Бью кулаком по стене, в миллионный раз ругаясь, что мне досталась такая. Лучше бы

огонь или вода, тревожный ветер — любая из четырех стихий, кроме земли, которая вызывается счастьем. Я несчастлив уже много лет, не могу представить себя счастливым, только вспомнить, но воспоминания бередят старые раны.

Висия. Дождь. Смерть. Стыд. Вина.

Хватит! Сосредоточься!

Давай: Висия увлеченно рассказывает о новых чарах, порывается показать — огненные, прямо в комнате! А я и не спорю, и вот уже в его ладонях пляшет пламя... да, вот так... теперь я невидимка. Путь открыт.

Незамеченным прохожу насквозь толпу возле бара. Впервые на моей памяти площадь ярко освещена, горят и высокие окна тренировочного корпуса, и аудитории научного. Дождь хлещет по голове, плечам. Ручейками из переулков стекаются люди. Многие кутаются в одеяла поверх домашней одежды — хмурюсь. Оружие дай бог у половины. Ужасная подготовка. После нужно будет поговорить с капитанами блоков.

Хмыкаю, встряхнув мокрыми волосами. Мне стоит волноваться совсем о других вещах.

Несколько поворотов, длинная цепочка заброшенных складов, и я выхожу к зданию общежития искателей. Поникшие ржавые фонари сияют ослепительным белым, обозначая каждую трещину, каждый скол старого камня. Следы огня. Между лопаток пробегает холодок. Поежившись, перескакиваю через растрескавшиеся ступени с проросшей травой, ныряю в холл. Гостинная впереди полна людей. Все в форме и вооружены — ловлю себя на улыбке. Олаф и Смуглянка разговаривают в центре. По скрещенным на груди рукам и хмурым лицам понимаю, что безнадежно опоздал.

Маги нарушают общий протокол, повинувшись моему приказу собраться в корпусе, а не на главной площади, и если Адамон узнает... впрочем, у него на ближайшее время хватит проблем, а там разберусь.

Коридор у моей комнаты, по счастью, пуст. Преодолеваю последние метры и со вздохом захлопываю дверь. Глаз цепляет сидящая на кровати фигура. Черная, мутная, в ней завихряется дым с хлопьями сажи — отсветы из окна бурлят внутри тени, внутри меня пульсирует звук сирены. Вновь думаю, что пора отпустить тот день.

Если бы план с Зарин сработал правильно, я бы... смог?

Не уверен.

Зажмурившись, прислоняюсь к двери. Во рту горечь. Знобит от холода. Спина ноет. Завтра боль усилится, пронзит поясницу, бедра, свернется тяжестью в животе.

Мне хочется кричать, но я только опускаюсь на корточки и обхватываю колени, сжимаюсь в комок. Тихий стон сливается с уличным воем. Под веками мелькают золотые пятна. Стискиваю зубы, слушаю колотящееся сердце. Мне нужно идти, нужно быть собранным и внимательным.

Я обязан разобраться с последствиями собственной глупости.

Выдыхаю заклинание, проверяя барьер. Олаф приходил дважды, Смуглянка — четыре раза. Ладно. Теперь нужно соединиться с тенью.

С трудом поднявшись, бреду к кровати. Сажусь в тень — меня обнимает влажное тепло, будто надел свою же срезанную кожу. Поежившись, жду, пока прирастет. Чертову вечность, и почти мгновенно проваливаюсь в беспамятство. Прихожу в себя уже свернувшись клубком, от резкого стука в дверь.

— Иду!

Остаток ночи проходит как в тумане с редкими отчетливыми картинками. Вот на меня

налетают Олаф и Смуглянка и, перебивая друг друга, рассказывают об освободившейся твари. Вот я в администрации, и отвлекающийся на пиликающие телефоны Адамон выдает указания капитанам блоков. Вот иду вдоль периметра, прозванивая чары барьера метр за метром, следом толпятся маги технического блока. Спускаюсь в Заповедник, где Советник Байра и переминающийся с ноги на ногу главный техник Костром Лиед пытаются разгадать тайну побега Плутона, пока бледный до синевы уборщик вытирает кровь с пола. Труп охранника уже унесли. Я стискиваю кулаки и киваю Сойту Роэну. Мужчина глубоко затягивается сигаретой, выдыхает дым вниз. Адамон морщится, когда бывший полицейский стряхивает пепел на пол. Но молчит. В Заповеднике курить запрещено, да только Сойт Роэн лучше прочих читает в красных брызгах и разводах:

— Охранник стоял у камеры, когда окошко взорвалось. Осколки повредили лицо. Он бросился к столу с сигнальной кнопкой. Стрелять начал оттуда, значит — пистолет держал в ящике, а не кобуре, согласно уставу. Тварь билась в дверь, было время достать оружие и прицелиться. Он попал, — мужчина указывает сигаретой на черные ошметки плоти у косяка. Стальное полотно двери, согнутое до угла, валяется в противоположном конце зала. Я оглядываю заколдованные до непрозрачности окна камер. Создания в них могли бы многое рассказать о случившемся. Кто-то и расскажет — позже, под пытками. Небыстрый процесс, поэтому мы слушаем хриплый голос Сойта Роэна и представляем:

— Тварь отскочила туда, — царапины в кладке, — он выстрелил еще три раза, — созвездие отверстий, — следующим прыжком она настигла и вцепилась в голову. Мгновенная смерть, — мы смотрим на розовую жижу под шваброй уборщика. Тот съезживается и замирает. Мигает свет. Байра вскидывает голову, раздраженно щурится.

— Сеть восстановили, последние наладки, — быстро вставляет Адамон. Поворачивается к выходу, прислушиваясь. По коридору приближаются шаги.

— Труп второго в архиве, — ровно продолжает Сойт Роэн, — сломан в позвоночнике, следов борьбы нет. Напала со спины. Поднялась лестницей наверх, входную дверь вы видели, — враз постаревшую на тысячу лет: железо рассыпалось ржавой пылью.

— Тварь подпиталась страхом и плеснула магией, — говорю я. Входят профессор Хайме и Советник Гофолия.

— Дорвалась, — с ненавистью выдыхает Рамон. Обвислое лицо Советника, дрогнув собирается складками:

— Чего еще ожидать от темного создания.

Большого — молчу я. У твари было время поразвлечься. Прогуляться в лаборатории. Напиться досыта ужасом и агонией, помучить тех, кто дразнил ее день за днем из-за чар защитного контура.

Она поступила иначе.

Присаживаюсь у останков барьера камеры. Трогаю дырчатые линии: узор, обычно невидимый, протравился в камне пола, заполнился желтым трупным соком. Нюхаю пальцы: кислый запах с примесью мочевины. Признак смерти от слабости. Кожа немеет, а жидкость приобретает зеленоватый оттенок, согревшись — значит, знак разложился не более четырех часов назад.

— Это все очень интересно, но как она прошла сквозь барьеры? — Хайме приближается к Байре, упирает руки в бока. Тот смеривает ученого тяжелым взглядом:

— Заклинание лопнуло, когда потеряло основу. Дух хозяина твари.

— Что с ним? — шелестит, гримасничая, Гофолия. Отворачиваюсь. И замечаю нечто,

выпадающее из уравнения Сойта Роэна. Осколок. Скругленный, тонкий, — один из сотен в сверкающей куче битого стекла. Не от окна, те в сантиметр толщиной, — кусочек колбы, еще в присыпке праха. Амулет, выдаваемый всем огненным для защиты от тварей. Искося гляжу на мужчину. Тот, легко качнув головой, проводит по карману на куртке. Молодец. Прячу находку в рукаве плаща. Отвечаю:

— Тлалока больше нет. Я ходил на могилу. Заклинание цельное, связь с барьером камеры не нарушена. Дух Советника просто... ушел, а вместе с ним ушла сила, державшая Плутона взаперти, — Костром хмурится и поджимает губы: он, главный техник, должен информировать Совет о причинах обрушения барьера. Я вскидываю бровь в ответ на полный неприязни взгляд. Старик скрещивает руки на груди и каркает:

— Подобное случается. Духи тоже заканчивают свое существование.

Байра морщится:

— Тварь также преодолела барьеры Заповедника, архива, главный контур. Чары не заметили ее. Я не нахожу причин подобному. Она должна была ломать каждую систему, но ей не пришлось.

— Я могу это объяснить, — выпрямляюсь и смотрю в глаза Байры — голубые, яркие и колючие. Его загорелая кожа золотится под слепящим светом ламп. Мне вдруг кажется, что в каштановых волосах с нашей последней встречи поубавилось седины. И морщины будто потеряли глубину...

— Даниель? — смаргиваю. Сжимаю кулаки — в ладонь впивается осколок колбы. Черт.

— Советник Тлалок по рангу имел доступ в любую точку Университета. Тварь носит в себе часть его души. Барьер камеры был нацелен запирает именно эту искру, но остальные, наоборот, должны были пропускать ее повсюду, — Байра с шумом втягивает воздух:

— Ты хочешь сказать, пятьсот лет назад, когда Тлалок умер, никто не подумал о возможном побеге? И все это время... мы сами пропускали огромную дыру в безопасности? — он поворачивается к задеревеневшему Кострому.

— Да. Телесный след Советника есть в ключевом сигиле, — я внес его, чудом успев спасти кость, пока зажженное Зарин Аваддон пламя не поглотило скелет.

— Вы ничего об этом не знаете? — Гофолия спрашивает на грани слышимости. Костром сереет. Именно он принимал дела от предшественника и проводил инспекции последние лет двадцать. Я отвожу взгляд. Пусть старик лишь формально числится главным техником, а по-настоящему управляет чародеями Байра — кто-то должен понести наказание за случившееся. Уж точно не смуглый маг, который, сомкнув веки, уже сосредоточился на проверке системы. Советники связаны с защитой Университета на ментальном уровне, им нет нужды спускаться в подвалы к рисункам формул, нырять в их зеркальные сердца — где пропадают ощущения тела и времени, где чары становятся многомерными, перепутанными, полными эмоций живых-мертвых людей. Повожу плечами, прогоняя холод из затылка. Вспоминаю нить Тлалока: дрожащую, истрепанную. Безумие в ней заставляло мысли скакать галопом, швыряло чувства из эйфории в ледяной ужас. Тварь жила в этом столетиями. Отворачиваюсь и вхожу в камеру. Узкая, всего пара метров, и невыносимо белая. Голоса Советников и Хайме отдаляются, стоит приложить руку к выцарапанной на стене формуле.

— Послание твари, — говорит за спиной Сойт Роэн. — Угроза.

В мозгу возникает картинка: ревущее пламя глодает оскаленный череп. Точно так сгорел Тлалок, когда Зарин Аваддон заявила права на Плутона.

— Возможно, — облизываю губы. Или триумф свободы. Прощание. Сожаление об утрате... В зале плещется эхо шагов: маги и Адамон уходят прочь. Проверить, не добралась ли тварь до святой святых — личной библиотеки Совета с хранилищем артефактов.

— Так чье это? — на грани слышимости спрашивает мужчина. Я роняю окровавленный осколок в карман, промакиваю платком порез.

— Нового хозяина твари, — которая зажгла сигил разрыва единым мощным выбросом — словно солнце взошло. Семьдесят пять процентов огня. Недалеко от Висии.

Только он колдовал иначе. Его стихия расцветала в воздухе обманчиво медленно, завораживая переливами золота и киновари. А потом вдруг оборачивалась утробно воющим смертоносным вихрем.

— Что ты собираешься делать? — не отвечаю. Я без понятия.

Короткий сон уходит перед рассветом. Еще не открыв глаза, знаю — на часах без пятнадцати пять. Мое время сизых сумерек и стылой тьмы. Выпутываюсь из влажных простыней. Пол холодит босые ноги. Призраком прохожу в мутном, расколоте трещиной зеркала. С трудом открываю разохнувшуюся раму окна, дерево крошится под пальцами. На улице холодно и непривычно ярко: горят оранжевым фонари ограды, на заросшей травой дорожке лежит четкая паутина теней. Далеко-близко перекликаются птичьими голосами патрули. Прислушиваюсь, расшифровываю:

— Все спокойно, — чудовище ушло и не вернулось. Растираю скованную напряжением шею. Прижимаюсь щекой к шершавой раме. Слушаю пробуждающийся мир. Голоса людей смолкают, а вот чирикание становится гуще. Воробьи пролетают по сумеречному небу.

— Ученые собираются провести ритуал, — предупредил меня ночью Сойт Роен. — У них осталась плоть твари, от нее несложно протянуть ниточку к созданию.

Сложно потянуть.

Кого из огненных выберут? Мантикора измотан последними исследованиями. Янни слаб. Наас и Нина тем более. Значит, сегодня не повезет Илаю... или новенькой, — мысль отзывается спазмом в шее. Валентин сказал, что дал Зарин монету, зачарованную глушить эмоции, но как поведет себя сила девушки в условиях ритуала и клятвы? Испуга и боли? Что сделает тварь? Воспротивится призыву, задавит магию хозяина до искры? Или охотно вернется в лаборатории — мстить?

Она не станет — в памяти звучат далекие шершавые слова:

— Мне некому мстить. Я уже добралась до Хайме и его шавок. Прокляла — обереги не спрячут. Поэтому они не покидают периметра. Но однажды выйдут, выйдут умереть — когда устанут жить в Университете. Год... два... хоть десять. Неважно. Ваша клетка побольше моей, да только со временем станет тесна. Ты не хуже меня знаешь, Эрлах, как тяжело дышится в этих стенах.

Взгляд цепляется за граффити на ограде: красный глаз и подпись — Саурон. Выше, за витками колючей проволоки, в облетающей листве мигает алым глазок видеокамеры. Я отворачиваюсь и закрываю окно.

— Знаю. И думаю, что пора нам снова встретиться, Плутон.

Поясная кобура с пистолетом, рубашка и брюки ждут на стуле, пока я заправляю кровать — тщательно избавляясь от складок на покрывале. Армейская выучка. Висия всегда наблюдал за мной, легко усмехаясь. Прислонялся к косяку, зевал и приглаживал коротко остриженные волосы. Отводил светлые глаза, когда я начинал переодеваться. Тихо бросал:

— Я к автоматам, — за кофе. А когда я выходил из комнаты, уже протягивал стаканчик. Я обжигался о тонкий картон и горький вкус.

— Я понял от чего у тебя морщинки у рта, — сказал он за два месяца до смерти. Глотнул свой капучино. — Каждое утро ты кривишься, когда пьешь эту дрянь.

— У тебя такая же, — и никаких морщин.

— С молоком и сахаром, — Висия поднял брови. — Гораздо вкуснее. Попробуй, — я попробовал и чуть не подавился. Парень рассмеялся:

— Чего?

— Сколько сахара ты положил? — я поспешил запить сиропную сладость остатками эспрессо.

— Четыре пакетика, — огненный маг улыбался, склонив голову набок. На щеках дрожали солнечные блики. — Мой заряд бодрости. Нелегко, знаешь ли, вставать в пять утра каждый чертов день.

— Ты можешь спать, — я опустил ресницы.

— Оставлять тебя бродить в одиночестве? Ни за что.

— Но ты оставил, — я стою в пустынном холле у жужжащего аппарата. Прослеживаю пальцем ветвистую трещину на стене. После первого и последнего ремонта общежитие быстро начало разрушаться. Стискиваю руку в кулак, чтобы не поддеть ногтями штукатурку, не проверить — нет ли под ней жирной копоти. На мгновение вижу коридор черным, с сожженными в угли дверями.

— Четыре года назад, — Висия вспыхнул, наша комната превратилась в огненный ад. Пожар охватил половину здания. Забрал моего друга и три жизни, искалечил пятнадцать человек. Меня тоже.

Ожоги не в счет, и диагностированная Гийотом депрессия тоже.

Я изменился изнутри.

До гибели Висии едва замечал огненных магов. Не интересовался и работой лабораторий Рамона Хайме. Хватало своей. Пожелания-приказы искать наследников пламени неизменно отправлялись в конец короткого списка неприоритетных задач. Там же значились Высшие твари, Темные земли и Первичный портал — любимые фантазии Совета. Я выбирал другие цели, избегая марафты о тьму. Справедливо полагал, что если долго вглядываться в бездну, однажды она заглянет в тебя. Отметит, как отмечает всех своих детей, позволяя мгновенно узнавать родственную душу в толпе. Теперь я тоже могу: увидеть тень своих страхов в Нине Северин, холодную тревогу — в Наасе Мерезине. Внутри Янни — бессилие, горечь утраты. Мантикора напоминает горячечную вспышку ярости, в Илае переливается жаром углей затаенная ненависть. Были и другие, которые не вернулись из ритуалов. Все разные и в чем-то совершенно одинаковые, но только Зарин Аваддон вдруг показалась мне чистой силой. Разрушительной и созидающей — как пламя войны, что затухает победой.

— Твари повезло, — скользя пальцами по стене коридора, иду к пожарному выходу. — На месте Зарин мог оказаться любой.

Надавив у ручки, открываю скрипящую дверь почти бесшумно. Тенистый переулок пуст. Ржавый свет фонарей уже поблек на фоне светлеющего неба. Дыхание вырывается паром. Воздух пахнет тиной и стоячей водой. Плотнее запахи плащ, поднимаю воротник. Переступаю через перегородившую дорогу ветку. Ночной ветер засыпал асфальт оборванной листвой, каждый шаг сопровождает шелест. Не смолкает даже когда я останавливаюсь —

птицы перепархивают в кронах.

Нащупываю в кармане осколок колбы и мягкий пакетик.

Нужно поспешить.

Пройти через слепое пятно камер, сплести сеть маскирующих чар, запустить сигил присутствия, разминуться с патрулем — проскальзываю в обманчиво густой кустарник, замираю, пока уставшие люди проходят тропинкой мимо. Луч фонарика вяло шарит по зарослям, касается рукава и бежит дальше. Выдыхаю: преступная халатность. Я мог бы убить весь отряд за минуту. Отступаю прочь, шепчу:

— Доложить Кану.

Другие группы далеко, и я не таясь добираюсь до ручья. Любимое место Нааса, сюда он зовет, когда хочет поговорить. Здесь стоят мощные заглушающие, здесь маг признался:

— Я обещал кое-что... — чертовой твари. Вот, когда все началось. С этого обещания.

— Чертова тварь, чертов порывистый мальчишка! — шепчу я, проходя речными камнями к центру потока. Утренний туман рассеялся, к рассветной свежести примешиваются запахи трав и палой листвы. Остановившись на крупной глыбе, проверяю заглушающие чары и достаю из кармана пакетик с окровавленной ватой. Опускаюсь на корточки, прикладываю ладонь к прохладному песчанику. Задерживаю дыхание, нащупывая сердце — порода отзывается дрожью.

— Привет, — изнутри валуна поднимается тепло. Творю сигил из заполняющего трещины крошева, отщипываю кусочек ваты и вплетаю в знак. Теперь чувства, чтобы оживить. Я собираюсь приманить порождение страха.

— У меня есть подходящее воспоминание.

Блеклый облачный день. Пламя ревет в окнах общежития. Мечутся люди, крики тонут в вое сирены. Кто-то пробегает мимо, цепляя плечом. Я силуюсь вдохнуть едкий от дыма, жаркий ветер — и не могу, не могу отвести глаз от столпа огня: там наша комната. Руки, грудь и живот пульсируют болью, тело сотрясается, колени слабеют. Задыхаясь, я падаю в погребальный свет, в сумеречную воду. Но меня дергают наверх за воротник плаща.

Реальность обжигает хуже памяти. Выворачиваюсь, прыжком оказываюсь в потоке — голень простреливает болью, холод сковывает бедра. Вскидываю руку, заставляя каждый камешек вокруг...

— Ты не можешь управлять силой земли, пока напуган, — скалится сидящая на заклинании тварь. Взрезает формулу когтями — вспыхнув, исчезает вата с кровью Зарин Аваддон. Моя сила плещется в висках, звенит галькой и ворочается между корней сосен. Почти, еще немного. Я судорожно ищу счастье, а Плутон смеется:

— Не старайся, я не причиню тебе вреда. Наоборот, хочу поблагодарить. Ты нашел прекрасного мага.

— Ее нашла Нина, — выплевываю, отпуская стихию. К черту, она права. Я не способен сражаться магией. Под плащом пистолет оттягивает пояс, но я не спешу продемонстрировать оружие.

— Я говорю не об Аваддон. Ты привел рыжеволосого мальчишку, который помог мне спастись. Я — твой должник. Я всегда плачу по счетам. Поэтому пришла на твой зов. Чего ты хочешь?

— Узнать, что ты собираешься делать, — после признания Нааса я действительно спускался в Заповедник. Тогда она убедительно говорила о смерти. Но теперь живет всех живых: обрела объем и плотность, искрится чернотой звездной ночи, в расслабленной позе

читается грация силы. Плутон поводит головой — рога описывают изящную дугу, хрустят позвонки, поднимается дыбом шерсть на острых лопатках. Резко выдыхаю: сейчас тварь понимает в счастье намного больше моего.

— Скорее ты жаждешь гарантий, что я не обижу твоих подопечных и помогу избавиться от недругов, — узкое лицо надкалывается металлической улыбкой.

— Я могу рассчитывать на гарантии? — ноги немеют от холода, плащ отяжелел, а течение толкает в сторону. Начинаю медленно двигаться к берегу, стараясь не оступиться на неровном дне. Тварь наблюдает с усмешкой. Вытягивается на камне — смотри, я не собираюсь атаковать. Напряжение сдавливает шею.

— Я не нападу на Университет, это могу обещать, — говорит Плутон, стоит выбраться на землю. — Других тоже не отправлю, — добавляет в ответ на мою поднятую бровь. — Я обучу Аваддона владеть своей магией, не отдавать ничего в ритуалах. Дам знания, которые Совет прячет от всех. Однажды она возглавит орден — ты сам понимаешь, ты видел ее свет.

— Этого недостаточно. Иначе Мантикора...

— Он все еще может, — расправляет плечи. — Каждый из них. Тьма создает оси вне зависимости от состояния хозяина. Это сила, меняющая мир. Ты достаточно изучил, чтобы знать: именно наследники огня творят историю.

— Чушь, — я теряю связь со стихией. Гнев согревает щеки — бесполезный, с тенью страха. — Висия умер, что это изменило?! Он страдал всю жизнь, страдали люди рядом с ним — и ради чего?

— Ради тебя, — тварь садится. Я перестаю дышать. — Он изменил тебя. Ты увидел изнанку пламени, вспомнил собственные корни и начал пробиваться к власти. Спас жизни несколькими огненными монетами, ядом, что рушит связь чувств и тела, но все же. Ты нашел Нааса Мерезина. Велел Нине Северин привести Аваддона в Университет. Ко мне. Дал чары для убийства. Формула была сложнее, чем следует, — она обнажает клыки. — Распространила бы импульс моей смерти на любое темное создание в пределах барьера Мерлина. Вспышка вышла бы колоссальной. Ты хотел убить всех... нас.

С усилием разжимаю кулаки. Перемещаю правую руку ближе к кобуре. Порезанную ладонь печет от пота. Создание прищуривается.

— Убить и закрепить, связав освободившуюся энергию, — шагаю вперед. — На несколько столетий вперед. Любая тварь мгновенно умирает бы, только попав в Университет... или родившись. Конец исследованиям: для оборудования защиты нового места нужны артефакты, которых нет и не будет.

— Прекрасный план, — выдыхает она. — Как жаль, что я выбрала иной путь.

— Да, — роняю я. — Слишком длинный. Сколько еще умрет в лабораториях, пока наступит твоя новая Огненная эпоха?

— Зависит от тебя, — Плутон встает, выпускает кинжальные когти. — Позаботься о них, Эрлах. Тебе будет полезно искупить вину за смерть Висии, — выхватываю пистолет. Выстрел пронзает дымную взвесь. Сжимаю зубы, оружие. Тварь скользит кругом, ошметками ночи в тених — чересчур зыбко и быстро. Волоски на затылке поднимаются дыбом. Глажу прохладный металл, считая выдохи. Ярость бухает в висках, обостряет грани реальности. Плутон хихикает. Шершавый звук ложится инеем на щеку:

— Люди очень просто устроены, — успеваю развернуться и поймать на мушку стальной полумесяц ухмылки. Создание проявляется совсем близко — упираю дуло в покрытый чешуей лоб. Громко сглатываю. Тварь жмурится, напоминая сытую кошку. — Как

заклинания: тело и ключевая эмоция. За редким исключением, одинаковая у всех.

Усиливаю давление на курок, а Плутон хмыкает, клацает зубами-иглами:

— Вина. Ваша слабость и самое сильное чувство. Она парализует тебя, Эрлах Заставляет искать ответы и ресурсы внутри. И вот результат, — Плутон смеется, шагает вперед. Ствол проходит сквозь вязкую плоть, руки на миг оплетает лед. Антрацитовые глаза застывают в считанных сантиметрах от моих. Я будто обнимаю тварь, которая шепчет:

— Твое оружие бесполезно. Заклинания мертвы. Висия мертв. Хватит обманываться, твоя вина знает правду: парень нуждался в поддержке, беспомощный со всей своей огненной мощью. Сила не внутри, — снаружи. Ты должен был отдать ее. И нет ничего плохого в том, чтобы взять, — хватаюсь за основание рога, пистолет — к горлу. Жесткий мех колется, а подшерсток оказывается удивительно мягким и холодным. Сердце гулко бьется в груди. Угловатое тело прижато слишком тесно, слишком остро пахнет влажным лиственным дымом. Мы делим дыхание. Неуместное понимание давит за ребрами: я много лет не касался кого-либо так...

— Вернемся к главному. Ты должна мне, верно подмечено, — выходит рычанием. Тварь вздергивает верхнюю губу. — Должна целую жизнь. Век тварей долог, поэтому взамен я хочу две человеческие. Наас и Зарин. Оставь их в покое. Уйди из его снов. Подпитывайся ее силой, но не трогай разум, — вглядываюсь в звездный сумрак на дне зрачков. Долг жизни — не магическая клятва, хоть связывает двух существ до конца их дней. Тонкая нить и моральный выбор, свободный от страха. Люди чтят святость спасения, но твари...

Тварь Зарин Аваддон шипит, обдавая мелкими брызгами слюны:

— Я возьму столько, сколько потребуется. Мой долг будет оплачен, если я не убью тебя прямо сейчас, — улыбаюсь: торгуется. Кажется, я подобрал ключ к чудовищу.

— Я не боюсь смерти, — пуля не прикончит Высшую тварь мгновенно. Она еще успеет вцепиться мне в горло. — Убей, но условия останутся прежними. Наас Мерезин. Зарин Аваддон. Спаси их — и мы квиты.

Плутон молчит. Неглубоко и часто дышит, глаза пульсируют тьмой. Что она скрывает? Вину? Страх? Искру человечности, заложенную Тлалокком? Сможет ли новая хозяйка раздуть ее в пламя?

— Отпусти, — роняет на грани слышимости. Помедлив, разжимаю хватку и убираю оружие. Она продолжает стоять вплотную. Трепещут ноздри: пробует мой запах — аромат первого колдовства. Расшифровываю:

— Полевые травы, — вздрагивает. — Прогретая земля.

— Огонь, — киваю: в памяти тонкая струйка дыма дрожит почти вертикально, готовая в любую секунду оборваться и исчезнуть. — Откуда? В тебе...

— Четыре процента. Иногда этого достаточно, — тварь глядит нечитаемо. Вдруг отступает, запрокидывает голову. Над нами пролетает стайка воробьев. Плутон оборачивается следом, к невидимому за деревьями Университету. Кинжальные когти вспарывают землю. — Плутон.

— Что? — огрызается тварь.

— Я не смог защитить Висию. Но я позабочусь о Зарин. Если ты позволишь.

Хмыкает, качает рогами. Со смешком крошится на части:

— Однажды, Даниель Эрлах, — шуршит в соснах. Поднявшийся ветер дергает плащ и бросает волосы в лицо. Сердце пропускает удар, когда за эхом шагов звучит холодное:

— Не сегодня.

подавив желание немедленно бежать в лаборатории, сосредотачиваюсь на дыхании. Вдох. Выдох.

Еще. И еще. Заземлиться.

Я не успею. Она ушла убивать. Сначала в подвалы, затем двинется дальше. Научный корпус. Учебный. Тренировочный. Администрация, общежития, лазарет. Пока не доберется до своей хозяйки.

Страх расплзается по венам. Возвращаю пистолет в кобуру. Растираю скованную спазмом шею. Опускаюсь на землю, вплетаю пальцы в редкую траву. Вода мерцает бликами ярко, до черных пятен на изнанке век: солнце уже поднялось над деревьями. Зажмурившись, прислушиваюсь к переливчатому шелесту потока, пытаюсь добраться до камней на дне. Успокоиться, обдумать ситуацию.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Ничего лишнего.

Выдох. Она не станет, нет. Она обещала. И Плутон слишком умна. Она скорее...

— Возьмет, — потянет за ниточку, когда ученые попытаются открыть к ней портал.

Выпрямляюсь. Ветерок приносит далекий птичий гомон. Подготовка к ритуалу идет своим чередом. Задев крылом мою щеку, пролетает бабочка.

Скоро вззоет сирена. Когда Зарин Аваддон покинет этот мир.

Поднимаюсь и отряхиваю брюки. Влажная ткань холодно липнет к коже, в ботинках хлопает. Перехожу ручей по камням, иду через полумрак сосновой рощи. Под ногами ковер из хвои, солнечные пятна скользят калейдоскопом — ускорить шаг, выбраться на поросшую сухим разнотравьем поляну. Здесь высокие стебли прячут кочки и рытвины, повсюду торчат кривые лапы оборванных ночной бурей веток. Я не сразу нахожу среди взлохмаченной сирени начало тайной тропки. Едва заметная, змеей прорезает густые заросли. Пыльная пордевшая листва открывает паутину стволов. Замираю, слушаю: где ближайший патруль.

— Все чисто, — тихо. В переулках Университета тоже ни души. Птицы исчезли. Блекло горят фонари, среди граффити на стенах мерцают огоньки: в обычно пустующие пазы вставили накопители магии, чтобы усилить охранные чары и удержать защиту в случае падения главного контура.

У научного корпуса нет караула. Глянцево-белые коридоры пусты, двери закрыты. Мерно лязгают секции решеток, пропуская в недра Университета. Металлический грохот отзывается дрожью в позвоночнике. Сдавливает плечи. Я почти скатываюсь по лестнице, перепрыгивая через половину ступеней. Выдыхаю, обнаружив в холле лабораторий толпу. Большинство в белых халатах — ученые, лаборанты, медики. Несколько мужчин в гражданском: администрация. Люди часто смотрят на вход в конференц-зал. Голоса звучат приглушенно и насторожено. Чуть в стороне, на скамейке возле оранжереи, сгорбился Янни — самый юный из огненных магов. Натянул до носа красный пуховик и рассматривает стоптанные кеды. Его брат стоит рядом, нервно вертит блокнот и что-то говорит скрестившему руки на груди наследнику пламени Илаю. Я прохожу к нему:

— Еще не закончили? — альбинос медленно моргает. Под кровавыми глазами разлились синие тени, сетка лопнувших сосудов расчертила щеки. Губы искусаны до мяса. Молчит, глядит сквозь меня. Вздрагиваю: так глядел и Висия после ритуалов. Значит, с

помощью Илая пытались отыскать тварь...

Повторяю вопрос, но отвечает Мария:

— Кажется, даже не начинали. Туда ворвались Кан, Наас... его друг и лаборантка из моего... второго блока. Буквально минуту назад.

— Портал открывается, — выдыхает в никуда Илай. Вздвогнув, оборачиваюсь. В недрах подвалов вспыхивает писк. Пульсирующий звук стремительно заполняет черные коридоры, заставляя людей шарахнуться к выходу. Машинально хватаюсь за пистолет и пригибаюсь, проталкиваясь к конференц-залу — навстречу крикам.

Гаснет дневной свет, загорается вязкий алый. Утробный вой сирены поднимается из-под земли и захлестывает с головой. Я прохожу мимо длинного стола под портретами давно умерших Советников к стеклянной перегородке. Тяжелый полог за ней одернут, неподвижный строй охотников заслоняет недра лаборатории.

— Расступись! — перекрикиваю тревогу. Несколько парней оглядывается — лица напряженные и растерянные. Заметив оружие, послушно пропускают к границе оцепления. Ухо обдает дыханием:

— Черт-те что творится, — замираю у кромки сигила. Сплетенное из жирной плоти тело знака рывками меняет форму. Линии конвульсивно перестраиваются, в новых узлах образуются демонические символы. Блекло светящийся пол покрыт разводами и ошметками черной крови. Закашливаюсь: вонь разложения ест глаза и набивается в легкие. Стоящий рядом маг зажимает рот ладонью.

— Где Кан? — кивает на центр формулы, где трясется туман и сияет раскаленная точка. Прищурившись, на доли секунды различаю пять силуэтов — лишь тени пропавших, память заклинания.

— Вперед! Чего вы ждете?! — с трудом узнаю голос Рамона Хайме. — За ними! — профессор прорывается сквозь толпу и застывает в метре от схлопывающегося портала. Запускает пальцы в волосы, окидывая зал диким взглядом. — Какого черта вы замерли?! — Охотники неуверенно переглядываются, первый ряд шагает назад, вопреки приказу. — Быстрее!

Раньше, чем кто-либо успеваешь сориентироваться, сигил прощально вспыхивает, я закрываю уши: хлопок, будто вынули пробку из гигантской бутылки, на миг гасит сирену, бьет по вискам. Дернувшись, люди хватаются за головы. Знак, разом выпутавшись из новообразований, уплощается до первоначального двухмерного рисунка.

— На выход! — кричу, подкрепляя команду жестами. Вокруг неуверенно опускают оружие. Охотники не должны мне подчиняться, но станут. — Покинуть помещение! У кого идет кровь носом — в лазарет, срочно! Остальные — помогите дойти! Пошли, пошли! — Тру переносицу. Сглатываю слюну с привкусом железа, первые иглы боли ввинчиваются в мозг. В ближайшие полчаса все присутствовавшие в лаборатории слягут с ослепляющей мигренью. Посещать лазарет необязательно, но страх — лучший стимул следовать приказу. Лаборатория стремительно пустеет. Рвется вой. В образовавшейся тишине тонко попискивают компьютеры и звякают, переключаясь на обычный стерильно-белый режим, световые панели стен и потолка. Перешагивая через обуглившееся мясо линий, прохожу в центр рисунка, где Хайме, Максимилиан и Байра склонились над дымящей красной лужицей.

— Отрезок. Тварь была в Отрезке, — говорит Рамон. Ругается сквозь зубы. Советник поджигает губы. Максимилиан трясущимися пальцами вытирает бегущую из носа кровь,

только размазывая.

— Мы учли вероятность в формуле, — Байра цепко рассматривает останки портала, сверяет с бумагами. — Возможное притяжение оси было прописано.

Я нахожу соответствующую группу знаков. Множитель впечатляет — но его оказалось мало. Рамон выдыхает, первым озвучивая невероятное:

— Темные земли, — я морщусь и спешу спрятаться за завесой волос. Рамонова идея-фикс. — Тварь отправилась домой и оставила нам след! — Посветлевший лицом ученый смеется. Лающий звук перекрывает прочие. Нервно оглядываются собравшиеся у мониторов лаборанты.

— Не исключено, — хмурится Байра.

— Вот так подарок! — профессор с широкой улыбкой и блеском удивления в темных глазах достает мобильный и быстро печатает. Наверняка спешит обрадовать Гофолию. — Как только Илай или Мантикора восстановятся, мы сможем перебросить туда отряд. Надо созвать Совет. Обсудить численность, чтобы подготовить оружие и людей. Выбрать замену Кану Александеру. Охотникам нужен новый капитан. Кто-то амбициозный и жесткий, чтобы вымуштровывать недоумков. Вы видели? Они просто стояли как стадо баранов! Я ведь приказал идти в портал!

Хмыкаю: будто они обязаны подчиняться его приказам. Самовлюбленный сукин сын.

— Тварь понимала последствия, — будто не слушая Хайме, говорит Советник. — Но решила, что указать нам путь в их логово... стоит того? Нас заманивают в ловушку? Или эта девочка, огненный маг, так необходима Плутону?

— Сорок четыре процента, — кривится Рамон. — У Илая пятьдесят один, и знак не шелохнулся. Ловушка тоже, на мой вкус, сомнительна: нам давно известно, что Темные земли кишат тьмой. Я полагаю, тварь просто сбежала зализать раны, набраться сил, не беспокоясь о преследовании. Думает, мы не рискнем!

— Возможно, нам и не стоит, — я касаюсь носком ботинка влажной плоти. — Если окажется, что портал окружен — с людьми на знаке его не захлопнуть, и твари проберутся к нам...

— Значит, в интересах охотников будет немедленно прорвать оцепление, — поднимает брови Рамон. Поворачивается к Максимилиану:

— Гофолия назначил совещание на два. Подготовьте отчеты по наличествующему оружию, перепись незанятых на миссиях магов и список кандидатов в капитаны пятого блока. Пусть остальные ждут наших распоряжений у администрации.

— Всех боеспособных — в патрули и на периметр, — добавляет Байра. — К искателям это тоже относится, — сухо кивает мне. Значит: убирайся, Даниель. Прячу руки в карманы плаща и отступаю:

— Принято, — вызовет позже, когда погасит истерический ажиотаж Рамона Хайме и узнает мнения о случившемся у всех членов Совета. Я иду медленно, замирая и словно изучая останки портала — выбирая на ощупь листочек с заклинанием прослушки. Опускаю ресницы, воскрешаю в памяти проблеск детского счастья, чтобы многократно усиленное эхо голоса Советника произнесло:

— Мы не можем себе позволить рисковать многими жизнями. Вначале стоит отправить малочисленный отряд: разведать обстановку. Связаться с Каном и остальными — я сомневаюсь, что они мертвы.

— Почему? — не понимает Рамон.

— Я проверил охранные чары и обнаружил, что вечером накануне побега твари Наас Мерезин и Айяка Корнелиус спускались в архив. Возможно, с ними была и новенькая...

— Которую не внесли в систему, — у меня холодеет в затылке.

— Верно. Зарин поселилась в комнате с Наасом и Тони Луизой с разрешения капитана блока, а потом все пятеро оказались на знаке. Занятое совпадение.

— Вы считаете, они освободили тварь? И хотели помешать поймать ее? — с усилием делаю шаг. Пора уйти, пока Байра не понял, что я слышу:

— Я не вижу причин подобному поступку, но собираюсь собрать больше данных и найти ответ.

Механически пробиваясь сквозь толпу в коридоре, игнорирую вопросы и сбрасываю прикосновение к локтю — Илай, хмурится и что-то выискивает в моем лице. Кусает губы.

— Что там? — выглядывает из-за его спины Мария.

— Идите к себе, — кончиками пальцев растираю лоб, надавливаю на веки. В огромном холле душно, тесно, мерцает свет. Люди кажутся фантомами, и на секунду я решаю, что сплю в своей комнате, под жаркой тяжестью одеял, и вижу сон — из муторных, тягучих, от каких сложно проснуться. Поэтому бумажно-тонкий Илай не исчезает, а подходит ближе:

— Они исправят формулу и попробуют снова. Это должен быть я, — белки глаз порозовели от лопнувших сосудов — словно красная радужка потекла. Зажмуриваюсь и трясусь головой:

— Если восстановишься, — мерцание усиливается, звуки становятся плотнее. Я морщусь, когда огненный маг хрипло шепчет:

— Мое место там. Сирас видел.

— Сирас? — перебиваю, но он не обращает внимания:

— Я попаду в Отрезок так или иначе. Лучше скорее. Если мою силу сначала потратят на накопители, я потеряюсь. Мне больше нельзя, — гримаса ужаса мелькает вспышкой — моментальная фотография. Еще одна в моей обширной коллекции. За годы в Университете Илай лишился многих воспоминаний, каждое следующее может стать фатальным. — Скажи им, я лучше Мантикоры и Янни.

Киваю и стискиваю зубы. В черепе прокатывается чугунный шар. Отстраняюсь. Иду к лестнице. Каждый шаг будто дробит лицевые кости.

— Даниель! — не узнаю окликнувшего, но спешу протолкаться мимо очереди к лифту, взбежать по ступенькам на уровень, два, три вверх. Там ловлю парня с нашивкой медицинского блока:

— Обезболивающее. Сейчас, — прислоняюсь затылком, лопатками к прохладной колонне. С трудом сдержав ругань — к черту проверку, ты же знаешь, что открывали портал, знаешь последствия, какого хрена тянешь время?! — наблюдаю из-под ресниц, как целитель колдует: воздух, сгустившись до мутных нитей, неуклюже сплетается в сканирующий сигил. Краевые обводы провисают петлями, и маг задерживает дыхание. Новичок. Твою мать, вот так везение.

— Дыши ровно, чтобы оставаться здесь и сейчас, — застигнутый врасплох, парень шумно выдыхает, на щеках расцветают пятна румянца. — Концентрируйся на связи эмоции и тела, именно она рождает магию, — собственное тело готово сползти на пол и свернуться клубком от боли. Мимо проходят взбудораженные голоса, часы и годы. Ветерок забирается в волосы, оглаживая затылок. Прикосновение к плечу:

— Получилось. Возьмите, трех должно хватить. Еще одну перед сном и на утро, — подставляю ладонь. Маг ждет, пока я глотаю положенную дозу и прячу остаток в карман. Кашлянув, спрашивает:

— А что там случилось? Обычно порталы работают иначе...

— Этот открыли в Отрезок, — язык плохо слушается, но я ощущаю, как в животе теплеет. По позвоночнику взбирается дрожь: скоро станет легче. — Знаешь, что это?

Парень виновато улыбается:

— Не особо. Я тут недавно.

— Повезет, если не узнаешь, — качнувшись, выпрямляюсь. Кожей растекается покалывание, в голове — звенящая легкость. Мигрень продолжает бушевать на периферии нервных окончаний скорее знанием, чем чувством.

Дорогой к общежитию первого блока я мысленно перебираю досье подопечных. Результаты неутешительны. Примерно треть людей на заданиях, но остальные слишком хороши, чтобы избежать Отрезка. Допустим, сначала зашлют маленькую группу. Если они вернут беглецов, ученые попробуют открыть проход снова. И снова — через огненного мага. Наверняка Мантикора. Его ноги держат в саркофаге на случай вроде этого. Вторая группа пойдет с миссией установить драконий портал. Но тварь не позволит. Как?

— Эрлах, — Олаф и Смуглянка поднимаются из кресел в общей гостиной. Внутри будто холоднее, чем на улице. Я прячу руки в карманы пальто и сразу вытаскиваю: еще влажно. В комнате тоже. Высокие окна выходят на север, поэтому солнечные лучи никогда не касаются покрытых паутиной трещин стен. Под ботинками попискивает истершийся паркет, в рамах свисят сквозняки — слышно, если приблизиться ухом к стеклу. Мебель остается новой, а здание стремительно стареет и обретает голос. Ночью в коридорах царят шорохи и скрипы, иногда что-то гулко рушится в кладовых первого этажа. Редкие люди при встрече вздрагивают и виновато улыбаются: легко забыть, что ты не один — когда возвращаешься передохнуть и уйти вновь.

Никто не называет это место домом.

Я тоже, хоть прожил здесь половину жизни.

— Нужно сформировать патрули. По пять человек, один искатель на группу. Десяти отрядов хватит. Остальных рассредоточить по караульным вышкам и периметру. Техники позаботятся о сигнальных чарах, от вас я ожидаю внимания к среде. Охотники лишились капитана, поэтому будете руководить, — опасаясь конкуренции, Кан предпочитал единолично управлять блоком. Теперь к его возвращению должность присвоит сильнейший. Я склоняю голову набок, рассматривая помощников.

— Кан мертв? — спрашивает Смуглянка, пока Олаф рассылает сообщения. Зрачки расширяются, затапливая насыщенно-голубую радужку. По лицу не понять, настроен маг или рад, что главный соперник в борьбе за сердце прекрасной Энид сошел с дистанции.

— Пока сложно сказать, — я опускаюсь в кресло. — В любом случае, к вечеру ему найдут замену. — Смуглянка прикусывает губу. Его мысли явно далеки от обязанностей. — Поговоришь с ней завтра. Парень моргает. Олаф отрывается от телефона.

— Не думаю, что Энид будет рада твоему вниманию сегодня. А мне оно чертовски пригодится. Смуглянка криво улыбается:

— Ладно, капитан. Извини.

— Идите. Я скоро присоединюсь, — массирую виски и смотрю в спины уходящим. Скрип половиц сопровождает каждый шаг. Боль ослепительной иглой пронзает мозг.

— Принести обезболивающего, капитан? — низкий голос Олафа доносится как сквозь толщу воды. Взмахом руки отпускаю помощников:

— Я уже принял, спасибо.

Откинувшись на спинку кресла, переживаю бушующую в черепе грозу. Мысли мельтешат и путаются, время от времени прерываясь белыми вспышками. Все реже — буря стихает, освобождая место ломоте в костях и свинцовой тяжести бессонной ночи. Я ощущаю, как рывками соскальзываю в грезы, к тонким черным тварям и огню под бледным небом.

— Я больше не могу, — говорит лежащий пластом Висия, и простынь под ним темнеет, выпуская прозрачные шупальца дыма. — Я закончился.

Вздрагнув, просыпаюсь. Тени поменяли цвет и плотность — который час?! При движении — неуклюжем, медленном, — поясицу будто пронзает ножами. Нашариваю телефон в кармане:

— Пятнадцать сорок восемь, — я проспал заседание Совета. С усилием поднимаюсь, приспособившись к разбитому телу, убираю волосы с лица. На ходу завязываю хвост. Еще влажная одежда холодно липнет к коже. Хорошо, что темная: возможно, в суматохе никто не заметил.

На улице осенний ветер забирается под плащ. Небо налилось свинцом, на асфальте лужи в пиках волн. Редкие маги торопятся скрыться в зданиях. Следуя их примеру, добираюсь до администрации пропахшими лежалой бумагой лабиринтами научного корпуса. Коридоры многолюдны. Распахнуты двери; ярко, до белых солнц в золотистом паркете, горит свет. Игнорируя вопросы и стряхивая прикосновения, ввинчиваюсь в толпу возле зала собраний. Слушаю, складываю обрывки разговоров: Совет еще заседает. Можно выдохнуть.

Прислониться к колонне. Боль в мышцах отступает, сменившись онемением. Отстраненно разглядываю людей и пролистываю сообщения Олафа. Патрули на позициях, парк и барьер под наблюдением. Вон мелькает взъерошенный подросток с ворохом папок под мышкой — Рики Беата, правая рука правой руки Гофолии. Проталкивается к двери и исчезает внутри под неразборчивый ропот. Значит, начальник мальчишки Максимилиан Одви здесь. Смуглянка отписался: новым капитаном охотников выберут либо Риддла Мелька, либо Пастрами Ши. Нахожу черную макушку Риддла. Парень оборачивается, высматривая кого-то. Вьющаяся челка скрывает тенью неподвижные глаза с целлофановым блеском. Порывшись в заметках телефона, перечитываю досье мага с комментариями Сойта Роэна. Информации прискорбно мало. Скидываю помощникам с просьбой принять к сведению и дополнить.

Файл Пастрами тянется внушительным списком успешных миссий, два года почти без отдыха. Закрываю: когда охотник берет на себя слишком много, срыв не за горами. Адамон это понимает и скорее назначит психолога, чем повышение.

— Даниель, — рядом останавливается Валентин. Глядя перед собой, растирает след от очков на тонком носу. Лабораторный халат грязнее обычного, подбородок серебрится щетиной. — Понимаю, у тебя сегодня напряженный день, но, быть может, заглянешь вечером выпить чая со стариком? Буду весьма рад компании.

— Только если накормите, — вежливо улыбаюсь. Желудок тянет от голода, но возможность пообедать я проспал: ручка на двери зала собраний неуверенно опускается

вниз. Замирает, колеблясь. Стихают разговоры. Профессор Рябинский кивает и отходит:

— Удачи.

В щель холодного света протискивается Максимилиан Одви. Худой и нескладный, серый от кончиков волос до носков поношенных ботинок — сухая ветка на дереве власти Университета. Поднявшись на цыпочки, зовет шершавым голосом:

— Капитаны блоков! Подойдите ко мне!

Проскальзываю вперед и забираю сложенный втрое и запечатанный сигилом листок с приказом. Едва не сталкиваюсь с Риддлом. Вблизи он ниже на голову. Бледное лицо нечитаемо и будто спокойно, только взгляд нездешний, сумрачный.

— Я буду представлять интересы пятого блока, — говорит Макс. — До официального назначения нового капитана.

— Заместителя капитана, — мужчина кривит бесцветные губы, но бумагу дает. — Не спешите хоронить предшественника, молодой человек.

Сдерживаю смех. Пропускаю Кострома и главу ученых Йонера Трондта. Старики почти жмутся к друг другу, одновременно протягивая руки, чтобы получить распоряжения Совета.

— Даниель, передайте, пожалуйста, — капитан медиков не пытается пробраться сквозь заслон любопытных. Поморщившись, щелчком пальцев привлекает внимание Максимилиана. — Даниелю. побыстрее.

— Не разворачивать, — принимаю неожиданно увесистый пакет. Закатываю глаза, но не комментирую.

— От вас хотят многого.

Гийот молча сует документы под мышку и направляется к лестнице. Тороплюсь последовать в тесноту и ясный запах трав — характерный для практикующих целителей чары, только гуще и плотнее. Будто зрение и слух подводят, и вокруг должны простираться зеленые леса. Я на секунду представляю: вместо полированного камня, весеннюю траву под ногами; сменившие стены, километры деревьев и ветров, обязательно далекие горы в вечерней дымке. Россыпь первых звезд на синевом небосводе.

— Вы меня нюхаете? — преодолев пролет, целитель оглядывается. Осматривает с цепким интересом. — Давно это с вами?

От неожиданности коротко смеюсь и запускаю пальцы в волосы:

— Прости...те?...

— Большинство магов не обращает внимания на запахи. Мне приходится ежедневно натаскивать подчиненных в использовании всех органов чувств при работе с силой. Как вы к этому пришли? Узнали от целителей? — Гийот ждет, пока я поднимусь, и устремляется дальше. Считаю ступеньки, медлю с ответом — сказать правду или пойти по легкому пути — соврав? Мы едва знакомы — на людях, и сейчас нужно держаться отстраненно. Но он мой друг, и...

— Мой друг был магом огня, — прячу руки в карманах плаща. — Он часто упоминал те или иные запахи... на заданиях, при встречах с волшебными существами... другими магами. Тварями. Во время колдовства. Ритуалов, — мужчина чуть заметно хмурится. — Висия говорил, каждый маг имеет уникальный запах, соответствующий первому выбросу силы и дополненный следами регулярно применяемых заклинаний.

— Наследникам пламени свойственна подобная чувствительность, — голос целителя становится тише и глубже. — Я считаю, именно огненная стихия опирается на животные

инстинкты, и чем выше процент — тем сильнее.

— У меня четыре, — мужчина хмыкает. — Потребовалось много тренировок. Зато теперь я больше замечаю.

— Например? — Гийот останавливается у ведущего к лазарету перехода. За его спиной дребезжит под ливнем стеклянный коридор. Кажется, окна вот-вот лопнут, брызнут на шахматный пол осколками и потоками воды. Проходящие люди ускоряют шаг. Лишь один замер с сигаретой у приоткрытой форточки. Прищурившись, пытаюсь узнать по худощавой фигуре и сутулым плечам, колечкам пирсинга в ухе и модной стрижке с выбритыми висками — кто? Незнакомые демоны скалятся с предплечья, черная одежда напоминает... нет, не охотник. Новенький? Один, без присмотра?

— Оставьте, — проследив за моим взглядом, советует Гийот. — Вам сейчас хватит проблем. Вы не ответили на вопрос.

— Прошлый год вы пахли лекарствами сильнее, чем обычно, — парень тушит окурок о раму и высовывает руки по локти в дождь. Я встряхиваю головой, чтобы вернуться к разговору, но продолжаю рассматривать коротко остриженный затылок и перехваченные ремнями тонкие запястья. — И... весной медикаменты почти выветрились, появился алкоголь, — что в его позе беспокоит меня? Где я уже видел... — Примерно месяц. Потом вы стали брать на работу дочь, — сейчас Гийот Кайруан напоминает каменное изваяние. Я убираю за ухо выбившуюся прядь:

— Надеюсь, я вас не обидел, — это случилось до нашей дружбы, и Гийот никогда не говорит о смерти жены.

— Скорее, удивили, — вытянутое, жесткое лицо непроницаемо.

— Соболезную вашей потере, — говорю, чтобы заполнить паузу между раскатам грома.

— Взаимно, — Гийот оглядывается. Вдруг спрашивает:

— Чем пах Висия? — морщусь: спазм в шее усиливается, обрастая иголками боли. Висия...

— Дождем, — улыбка получается кривой. Киваю на открытое окно. — Как сейчас. Вы сами наверняка знаете.

— Знаю, — целитель устало выдыхает и оглядывается на парня. — Поэтому понимаю, чем вас зацепил этот молодой человек. У него такой же запах. Стискиваю кулаки: по позвоночнику взбирается дрожь.

— Маг огня? Каким образ...

— Нет, — Гийот отступает уходить. — Пустой. Перенес стычку с тварью. Видимо, ее след. Мне предстоит разобраться. Не берите в голову. Займитесь делами. До свидания.

Я наблюдаю, как он жестом привлекает внимание незнакомца и указывает направление. Мазнув по мне взглядом, парень неспешно следует за врачом. Раздраженно вибрирует телефон серией смс.

— Дела, — взламываю печать на приказе. Пальцы сжимаются, комкая списки имен.

Люди, которые отправились в Отрезок.

И те, кому предстоит.

Взять досье на каждого в администрации, проверить актуальность информации. Срочно. Выделить слабые места — перечитываю дважды, глаз режет нехарактерная, прямая формулировка. Первая на моей памяти. Я ощущаю тяжесть в груди: дело дрянь, раз Максимилиан не выбирает слова. Деревянно переставляю ноги, сворачивая к отделу кадров. Здесь воздух суше, а свет холодней и подрагивает. Морщусь, тру висок: мигрень

возвращается. В последний момент избегаю столкновения с нагруженной папками женщиной из бухгалтерии.

— Извините, — отдел кадров дальше по коридору. Вотчина Адамона Влодека забита картотечными шкафами и сонными, почти неподвижными сотрудниками — только пальцы порхают по клавиатурам под натужное гудение принтера: начальник не доверяет облачным хранилищам и заставляет копировать данные на бумагу. Вот и сейчас вручает ксерокопии:

— А могли бы отправить файл, — взвешивая внушительную стопку, по привычке шучу я. Адамон со вздохом снимает очки и протирает салфеткой. Обычно чистый стол завален бумагами, даже золотая табличка с именем похоронена под пакетом из кафетерия. От мужчины пахнет потом и сигаретами. Он тянется за пачкой, а заглянув внутрь, раздраженно сминая:

— Это формальность, Даниель. Ей положено много весить.

— Любопытная мысль, — мне хочется добавить что-нибудь едкое, но боль мешает сосредоточиться, а Адамон не заслужил: он просто винтик в системе, побольше прочих, но — заменимая деталь. Сам знает, вот и работает на износ. Говорит в спину:

— Твои данные наверняка обширнее. Дополни ими документы. Можно в электронном виде, — хмыкаю и выхожу. По пути набираю сообщения Олафу и Смуглянке, пишу Сойту Розну:

— У тебя под подушкой, — отвечает он. Усмехаюсь: еще один противник технологий. Быстро он. Хотя папка, вопреки фантазиям Адамона, тонкая — голые факты и выводы, самое важное. Сняв плащ и влажные брюки, переодеваюсь в джинсы, закатываю рукава рубашки и забираюсь с ногами на кровать, чтобы углубиться в чтение.

Периодически требовательно стучат в дверь, зовут и дергают ручку. Телефон мигает, высвечивая пропущенные вызовы. Отвечаю сообщениями. На улице редеет ливень и гаснет день, приходится зажечь торшер, чтобы разобрать мелкий шрифт. Я поминутно отвлекаюсь, проверяя мобильный. Разглядываю круг желтого света на полу, яркий в сгущающихся сумерках, и выстраиваю в голове древо связей с временными пометками. Ветви множатся, переплетаются, угрожая запутать напрочь — приходится вновь обращаться к прочитанным строчкам. Выписывать ключевые моменты для отчета...

— Байре, — предложение зайти всплывает на экране. Оперевшись о стену, прижимаюсь затылком к прохладному камню и закрываю уставшие глаза. Сколько мне стоит сказать? Что — утаить?

— Что он знает? — у Совета должны быть собственные шпионы в Университете. Надавливаю на веки, прячу лицо в ладонях. — Что мне делать? Теперь, когда все пропало?

План давно составлен, но реализовать его сейчас — безумие.

Я повторяю шепотом, уставившись на потертый край ковра:

— Безумие, бред, чушь собачья. Не сейчас, не — так. Должны быть другие варианты.

Но я их не вижу, ничего не вижу, даже чертов ковер расплывается. Кости черепа ноют, боль скрипит на зубах. Жжется кожа. С трудом разгибаю поясницу и поднимаюсь. Собираю бумаги с досье, запечатываю личным знаком и прячу в стол. Идти к Советнику в подобном состоянии рискованно, но выбора нет. Надеюсь, Байре не менее паршиво.

Завязав волосы и накинув пиджак, выскальзываю в пустой коридор. Прислушиваюсь к голосам в гостиной: вернувшиеся из патруля отдыхают и делятся впечатлениями. Пахнет кофе и выпечкой. Вдруг гремит дружный смех. Замерев, пытаюсь вспомнить, когда в последний раз слышал подобное — здесь.

Не получается. В зале снова смеются, что-то гулко падает и опять — смех. Улыбаюсь. В груди теплеет. Тихо, чтобы не потревожить ребят неосторожным звуком, отступаю к пожарному выходу. Появление капитана растроит веселье.

Я не хочу встречать Эйсандея Ветту или Сойта Роэна, которым предстоит отправиться в Отрезок по моей вине.

Вечерний Университет шуршит мелким дождем, сияет фонарями и окнами. Пронзительно-белые гирлянды у бара отпечатываются пятнами на сетчатке. Крыльцо занято курильщиками, но переулки пустынные. Лишенные привычного мрака, кажутся неприятно широкими. Я застегиваю пиджак, засунув папку с отчетом под мышку, и прячу руки в карманах. Мой путь лежит в главный корпус, где в самом сердце Университета скрыты покои Советников. Длинным арочным коридором, начинающимся в администрации, прохожу в небольшой, перекрытый стеклом уютный дворик: двойной ряд колонн, будто бы привезенных из Италии, по карнизам разлит приглушенный свет, посередине мозаичной площади журчит старинный фонтан с обнаженными скульптурами, шуршат листьями пальмы в кадках и перелетают потревоженные попугаи — никаких посмертных воробьев сюда не попадает. Окна непроницаемо черны — наверняка чары. Которые из них Байры? Какие — Гофолии?

Советник ждет на скамейке в увитой лозами беседке, под свисающими кистями мелких фиолетовых цветов. Он переоделся в светлую кофту, мягкую даже на вид, и белоснежную рубашку с расстегнутым воротом. Загорелая кожа выглядит темней, а серебро волос — ярче. Байра приглашающе взмахивает рукой, указывая на противоположную скамейку и предлагая начинать доклад. Подавляю раздражение: он явно не расположен к разговорам, а значит — едва ли произнесет хоть несколько слов. Мне ничего не выведать.

Открываю папку и пробегаю глазами по мелкому тексту. Бегло рассказываю, прыгая от пометки к пометке.

От состояния внешнего барьера Университета, построенного еще по формулам Мерлина, перехожу к данным с пунктов охраны: северо-восточный зафиксировал всплеск темной энергии, значит тварь прошла рядом. Руководствуясь этим, я обнаружил ее след на восемьдесят метров к востоку, у выхода к старому кладбищу. По шее бежит холодок. Могила, дальше — могила Тлалока. Протягиваю вычерченные заклятья с метками обязательных повреждений, которые появились бы в случаях взлома. Едва не вздрагиваю, когда наши пальцы соприкасаются. Взгляд Байры мимолетно обжигает холодом, но через секунду уже скользит по листу, ничего не выражая.

— Я не нашел лишь одного обязательного сигила: связи между душами Советника и твари. То есть, связь по рождению рассыпалась с гибелью духа. Остался след, вот он, — достаю из кармана колбу с зеленоватыми комками праха. К счастью, они пережили даже погребальный костер.

Я уже хочу перейти к данным из ока барьера, но Байра размыкает губы:

— Кто-нибудь выходил в парк через северо-восток до или в момент побега твари? — Когда патруль был как раз на противоположной стороне периметра. Твою мать. Глупо было надеяться, что он это пропустит. Контролируя голос, отвечаю:

— Кан Александер. Айяка Корнелиус. Тони Луиза. Наас Мерезин.

— Зарин Аваддон, — делает очевидный вывод Советник.

Приходится признать:

— Вполне вероятно. Хотелось бы послушать их объяснения этому, — оставляю

предложение открытым в конце, но Байра не торопится поделиться теориями. Что ж, стоило попытаться.

— Продолжайте, — нарушает паузу.

Прикусываю губу: зачем? Все важное уже сказано.

Лицо горит, когда я добираюсь до ока, до ДНК Тлалока в базе. Здесь чувствую укол гордости: подлог выполнен изящно, даже Байра не найдет концы. Вспоминаю, механически отчитываясь о состоянии каждого уровня чар, как шагнул в черный колодец. Мгновенно растеряв ощущения времени и пространства, запутался в формулах, будто сам превратился в узел из сгиглов и чистой силы, в уравнение: семьдесят восемь процентов земли, четырнадцать воздуха, по четыре огня и воды. Сложи вместе — получишь Даниеля Эрлаха, мужчину тридцати пяти лет, потомка дракоборцев. Слишком просто, и это худшее в оке: все уплощается, лишаясь деталей и оттенков. Голая правда:

— Мы не можем удерживать тварей вечно. Барьер никогда не предназначался для устройства внутри структур вроде Заповедника, ведь Мерлин верил в святость каждой жизни. А наши надстройки слишком слабы, чтобы работать эффективно.

Байра морщится:

— Все рухнуло с появлением нового мага огня. Это интересно.

Я закрываю папку.

— Какие-либо распоряжения? — Спрашиваю небрежно. Внутренности сковывает льдом.

Байра жестом отпускает:

— Я уже поручил Сойту Роэну узнать все об этой Зарин. Возможно, нам придется вести с ней переговоры и понадобится... преимущество.

Заложники — вот, что он хочет сказать.

— Я работаю с досье остальных. Завтра к полудню предоставлю актуальную информацию.

— Да, спасибо, — легко поклонившись, ухожу на деревянных ногах. Чертов попугай пролетает возле лица, цепляя крылом выбившиеся из хвоста пряди. Сжимаю руки в кулаки.

Что мне делать?!

Мысли мечутся в голове, подгоняя вперед. В коридорах администрации светло до рези в глазах, белые шары ламп отражаются в паркете. Никого. Только звук моих шагов и лязганье решеток, перекрывающих охраняемые зоны. С облегчением выхожу на крыльцо, где ночь обрушивается ледяным ливнем. Нужно наколдовать барьер, но я не нахожу в себе сил. Предательство горчит на языке, хоть я и не мог скрыть зафиксированные чарами факты.

Байра проверяет информацию. Всегда.

К блоку добираюсь изрядно промокшим, с полными ботинками воды. В гостиной горят золотистые гирлянды, оставшиеся с прошлого Нового года, и лампа на столе. Эйсандей Ветта склонился над внушительным фолиантом. Поднимает брови, неуверенно кивает:

— Привет. Решил освежиться?

— Вроде того, — одежда холодно липнет к телу, но мне интересно:

— Что читаешь?

Парень отводит взгляд. Дернув плечом, молча показывает обложку: Рудниз Альфред, Теория Отрезка. Хмыкаю:

— Личный интерес или Хайме дал задание в обход капитана? — Назвать Рамона отцом Эйсы у меня не поворачивается язык, слишком они разные — хоть внешне до крайности

похожи. Парень отвечает с явной неохотой:

— Рамон дал. Сказал изучить на случай, если ему понадобится помощь искателей.

Хмурюсь:

— Ему стоило обсудить это со мной. Иди спать, книгу утром вернешь. Скажи: приказ капитана. Рамону полезно напомнить о субординации.

Эйса бледно улыбается:

— Хорошо... спасибо, Даниель. Тебя там ждут, кстати. Нина.

Выругавшись про себя, спешу покинуть гостиную. В темном закоулке перед моей комнатой и правда черным призраком ожидает девушка.

— Эрлах, — Нина Северин сидит, оперевшись спиной о дверь и вытянув длинные ноги.

— Давно караулишь? — Получается несколько язвительно, но я устал, шея и поясница болят, кожу немилосердно жжет застарелый огонь, я должен многое обдумать. В одиночестве.

— Я ждала тебя у Валентина. Ты обещал зайти.

Черт:

— Я совсем забыл. В любом случае, мне пока нечего рассказать.

Нина поднимается, подходит ближе. Ее глаза зияют черными дырами, рот кривится, будто девушка вот-вот заплачет. Я чувствую дрожь в позвоночнике, снова думаю: что мне делать?...

— Там мой брат, Эрлах, — голос Нины полон невыплаканных слез. — Мы должны вернуть его. Пожалуйста, поговори со мной.

Меня вдруг разбирает злость. На Кана, который вообще не был частью плана, на Плутона, оказавшуюся умнее меня, на себя самого — за тупость и самонадеянность. На Нину, которая сейчас мешает, и сама не понимает:

— Тварь забрала их в Отрезок, и это лучшее решение на данный момент. Администрация уже подозревает связь между пропавшими магами и побегом твари. По возвращению Кана ожидают проблемы серьезней, чем мы сейчас способны представить. Я думаю, Плутон сохранит жизнь им всем, хотя бы как заложникам. Поэтому сейчас не стоит о нем волноваться.

Нина всхлипывает, торопливо вытирает брызнувшие слезы:

— Но что дальше? Что ты будешь делать?

Вдох-выдох. Разжать кулаки. На мгновение опустить ресницы. Вновь встретить ее пытливый взгляд. Выдохнуть честно:

— Хотел бы я знать, — опираюсь о стену, скрещивая руки на груди.

— Господи, Эрлах, — девушка прячет лицо в ладонях. Всхлипывает. Но вдруг снова вскидывается, зло шепчет:

— Ты что-нибудь придумаешь! Ты втянул нас в это! Ты и исправляй! Я уйду сейчас, но вернусь утром, и ты дашь мне ответ! А если нет — я буду возвращаться снова и снова, пока ты что-нибудь не придумаешь! Слышишь?!

Поморщившись, отлипаю от стены и прохожу мимо Нины к двери комнаты. В голове шумит. Хочется кричать, но я лишь тихо отвечаю:

— Я понял тебя. Я... я правда не знаю. Мне нужна помощь. Зайдешь?...

Мы сидим до утра, играя в вопросы-ответы. Моя одежда успевает высохнуть на батарее без всякой магии, кофе заканчивается и приходится воровать у Айви — немного совестно,

но весь блок так делает, а парню пора бы научиться отстаивать границы и зачаровывать свои вещи.

Господи, я — ужасный капитан.

— Если взять прах Тлалока и провести ритуал по призыванию твари с Мантикорой? Он мощный, у него выйдет.

— Допустим, но у нас не хватит сил победить ее и заставить вернуть ребят. И потом, как объяснить их возвращение?

— Скажут, что вместе одолели и заставили вернуть.

— А что с ее побегом?

— Прямых доказательств их вины нет...

— А непрямых хоть отбавляй. Им хватит, поверь.

— Тогда только убить Совет.

— Мы не справимся.

— Тварь справится.

— Не думаю. Если б могла — уже бы убила. А она даже за Хайме не пришла. Чтс странно, кстати.

— Да...

Нина замолкает на целую вечность, иссякнув. Крутит в руках пустую кружку и смотрит в окно, на пробуждающийся мир. Я закрываю глаза и откидываюсь в кресле. Спину ломит, жутко хочется лечь, но кровать занята девушкой и рассыпанными бумагами. Кожу на груди и лице печет, дергает короткими спазмами.

— Мы можем спрятать их в белом пятне, где никакие чары слежения не работают, — ровно говорит Нина.

— Навсегда? — Уточняю без интереса.

— Они смогут выходить не надолго, — в ее голосе звучит сомнение.

— И Кан на это согласится?

После долгого молчания выдыхает:

— Нет.

И вновь воцаряется тишина.

В коридоре шаркают шаги. Пищит микроволновка на кухне. За окном пролетают воробьи. Я почти шепчу:

— А если белое пятно будет достаточно большим, чтобы его действие сохранялось на пару недель?

— Что?... — скрипит матрас.

— Ничего. Это ерунда.

— Эрлах, посмотри на меня, — смотрю. Удивляюсь, как посветлело в комнате. У Нины видны веснушки на щеках и седые волоски в небрежно завязанной косе. — Говори. Любой бред, ерунду, фантазию — говори. Сейчас самое время.

Пять утра, верно. Мое время.

— Давай. Нам нечего терять, ведь правда? Когда еще строить безумные планы? — Нервно смеется. Мне тоже смешно: мы в самом сердце Университета говорим об убийстве Совета и союзе с Высшей тварью, тайных орденах в белых пятнах... тайный орден.

— Братство Камня. Я знаю, как его найти. Теоретически.

Нина садится:

— Подожди, то самое Братство Камня, о котором в учебниках? Орден, управляемый

огненными магами, сожженный во время восстания и утерянный в лимбе? Ненаходимая мечта наших ученых?

— Да, — я указываю на разбросанные бумаги. — Я перечитал все дневники Тлалока. Он изучал свитки Огненной Эпохи и вычислил, где должен скрываться орден. Записи разрозненны и зашифрованы, но мне удалось собрать цифры в координаты. Он прятал их, описывая свою еду, завтрак-обед-ужин, представляешь? Повторял снова и снова, будто ел одно и то же каждый день в течение года! И никто не догадался! Решили, просто заскоки сбрендившего старика...

— Орден наверняка разрушен до основания... — медленно говорит девушка. — Но можно же отстроить! Зона лимба вокруг надежно защитит от Совета...

— Только ее нужно пройти сначала. Внутри действует морок, отпугивающий людей, его придется преодолевать буквально на каждом шагу. — Я тоже выпрямляюсь в кресле, со стоном потягиваюсь, растираю поясницу. — И, конечно, зона обширна, поэтому нужно ориентироваться по порталу мертвых, который находится в Братстве. Этого никто не может, кроме...

— Кроме? — Она подается вперед, упираясь локтями в колени.

— Эдвард Анна. Он медиум, видит мертвых. Увидит и портал. Больше никто не справится. Но если Эд перенастроит портал, чтобы им можно было пользоваться — другим не придется преодолевать лимб. Орден сгодится для жизни и будет недостижим для Совета, если только не попадется им в руки, — склоняю голову набок, разминая шею.

— Слишком много если, — но девушка начинает пересматривать мои записи. Дергает ближе торшер, поднося распечатку карты Братства к свету.

— Если, — подчеркиваю, — я стану Советником, то по праву драконьей крови возглавлю Совет — тогда все станет значительно проще. Я бы узаконил второй орден и обеспечил ему защиту, а магам — право выбора. Многим не по себе в Университете.

Нина морщится, копаясь в бумагах:

— Мы возвращаемся к началу: Советников сложно убить.

Возражаю:

— Их необязательно убивать. Есть другой способ, — я встаю и начинаю расхаживать по комнате, как всегда в моменты волнения. Присутствие Нины смущает, но к черту стыд, я впервые рассказываю кому-либо свой невероятный план:

— Советником становится каждый, вписавший жизнь в Камень. Камней девять, но если найти десятый, одиннадцатый и так далее, то можно тоже стать Советником. Сделать Совет из двадцати человек, тридцати! Чтобы перевес любого голосования был на нашей стороне... — замираю, пережидая стук в дверь. Нина глядит испуганно, но я узнаю тихие дробные удары, какими обычно стучится Смуглянка. После его ухода продолжаю:

— Философские камни были изъяты из Первичного Портала. В дневниках я нашел точку, в которой начинается путь к нему. Но дальше — нужно искать подсказки по книгам и на месте, если они вообще сохранились... По итогу, таков был мой план. Я собирался реализовать его летом, во время отпуска. Сначала подготовиться и найти Камень, потом уже с Эдом — орден, и тогда открыть все в Университете. Шаг за шагом — может и получится, но сейчас нужно действовать быстро и наверняка. Поэтому я не думаю...

Я развожу руками и умолкаю. Нина тоже долго молчит. Так долго, что я начинаю чувствовать себя психом. Щеки и грудь опалает жаром. Отхожу к окну и поворачиваюсь к девушке спиной, вцепляюсь в подоконник. Глажу вырезанные инициалы в углу: В.Ф. Висия

Фредерик. Изначальные сгорели с ним, эти оставил я сам. Сердце колет. Я вдруг костями чувствую, как много лет прошло, как много я прожил — без него. Четыре года отсюда кажутся вечностью. Даже тонкий, зачитанный до желтизны дневник Висии сжался в мыслях до единственного последнего слова: надежда. Его послание в будущее. Мое наследие.

Больно дышать. Прижимаю ладонь к груди, считая вдохи-выдохи. Сейчас мне не дотянуться до него, все воспоминания поблекли в памяти, заслоненные временем. На секунду я забываю даже лицо: черты рассыпаются осколками в калейдоскопе — не склеить, и так легко порезаться...

Бросаю короткий взгляд на мутное, треснутое зеркало в шкафу — единственную вещь, пережившую пожар. В ней проще всего разглядеть Висию, будто часть его осталась в серебристых глубинах... но сейчас не выходит.

— Я думаю, у тебя получится, — как сквозь туман доносится голос Нины. — Эрлах, я правда думаю, что этот план... лучшее, что у нас есть.

Горько усмехаюсь. Паника отпускает горло, и получается ответить:

— Так себе расклад.

— Если вы выйдете одновременно с Эдом — шансы удвоятся! — Она подходит ближе и кладет мне руку на плечо. — Ты станешь Советником и всех спасешь, или мы спрячем их в Братстве Камня, а потом решим, что делать дальше. Или даже нам повезет, чтобы сработали оба варианта!

Хмыкнув, качаю головой. Волосы щекочут щеки:

— Опять если. А если ничего не сработает? И мы только потеряем время?

— Кто-то останется в Университете, чтобы быть в курсе событий и вмешаться, если что.

Или позвать вас обратно.

— Кто-то? — Оборачиваюсь.

— Я, — просто отвечает Нина.

Часть 2

Я действую будто во сне. Все кажется нереально четким и светлым, звуки — чистыми, а запахи — плотными, можно дотронуться. Тонкий аромат одеколона Олафа холоден и гладок, а кофе Смуглянки пахнет шероховато кисло — наверняка растворимый. Мои заместители явно не понимают, что я им говорю, и приходится с нажимом повторить:

— Я знаю, что обычно наши учения проходят летом, и что никакие тесты еще не подготовлены, но мне нужно, чтобы весь блок убрался к черту на рога и потерял спутниковые телефоны по дороге. Вы понимаете? Я хочу, чтобы никто, кроме меня и доверенных лиц, не мог с вами связаться.

Парни переглядываются. На бледном лице Смуглянки появляется понимание. Олаф морщит лоб:

— Это как-то связано с инструкциями, которые ты получил от Совета?

— Да, но я не могу говорить об этом, — присаживаюсь на край стола. Мы разговариваем в пустом классе, где обычно ведутся лекции для новичков блока. Класс большой, а людей здесь дай бог если человек пять бывает. Я чувствую грусть острой иглой у сердца: с каждым годом все меньше магов попадает в Университет. Чудеса отмирают, и уже нет нужды в многочисленных отрядах — как в древние века, когда еще жили драконы.

Пустые парты блестят под солнечными лучами, крутятся пылинки и пахнет деревом. Олаф чешет бороду, Смуглянка думает, постукивая карандашом по ярким губам. Говорит, понизив голос:

— У нас будут проблемы по возвращении.

Поправляю, пожав плечами:

— У меня. Я все улажу, обещаю.

— В архиве есть старые тесты, — невозмутимо произносит Олаф. — Тридцатилетней давности или типа того. Возьмем и доработаем, займет пару дней.

Качаю головой:

— Сегодня. Завтра выдвигаетесь. Нужно оповестить весь блок прямо сейчас, выдернуть с миссий, из отпуска, откуда угодно. Завтра к ночи вы должны уйти. Уйти тихо, незаметно. Маленькими группами. Никто не должен распространяться об учениях. Вы должны раствориться в сумерках.

— Невозможно, — Смуглянка. Уже просчитал время для сборов вещей и оборудования, людей и провизии, представил шумный балаган у корпуса.

— А ты? — Олаф. Переживает обо мне.

Улыбаюсь. Какие же они разные.

— Я буду в порядке. А вам предстоит сделать невозможное реальностью. Поэтому поспешите, — встаю, заканчивая разговор. — Мне еще подсунуть Адамону приказ об учениях так, чтобы он не заметил. Идите, и держите меня в курсе.

— Да, капитан, — отвечают хором. В последний раз касаюсь нагретого осенним солнцем дерева и выхожу в прохладу коридора. Паркет скрипит под ногами. Гляжу в спины удаляющихся парней и думаю: только бы они справились. Лишь бы не отправились добывать тварь в Отрезок.

— Пусть все получится, — шепчу неясно кому, сворачивая в переход к администрации. — Пусть никто не заметит их ухода.

Пусть Адамон, помятый и отекий после бессонной ночи, подмахнет мои бумаги, не читая:

— Мне нужно разрешение на миссию.

Я кладу папку перед мужчиной. В кабинете ярко горит верхний свет, делая руки трупно-голубыми, в серых пятнах. Бумага, наваленная в беспорядке на столе, сияет холодным белым. Колет глаз золотая табличка: Адамон А. Влодек.

— Сейчас?! — Мужчина снимает очки и трет переносицу. — Вы в своем уме, Даниель?

— Я думаю, что нашел дракона, — добавляю гордую улыбку и торжества в интонации. — И уверен, Совету он понадобится в самом ближайшем будущем.

Адамон замирает. По-новому глядит на мою папку. Придвигает к себе и открывает. Жду, пока он пытается вникнуть в галиматью, которую я насочинял. В ней и Байра не разберется сходу, но я чувствую, как сжимается желудок и напрягаются плечи, усиливается жар на коже. Лишь бы он не заметил, продолжаю:

— Мне понадобится несколько человек. Патриций Каас, непременно. Ее видение поможет заполнить пробелы в моих данных. И Айви Ноэль — у него случаются всплески огня, поэтому парень будет полезен, если наткнемся на ловушки от наследников пламени. Кто-нибудь из медиков, ожидаю рекомендаций Гийота. Я хочу выдвинуться завтра утром. Мои обязанности будут исполнять Олаф и Смуглянка, они уже в курсе. Если все пойдет по плану, дней через семь-десять мы вернемся с точными координатами зверя.

— Мне нужно обсудить это с Советом, — бормочет Адамон, перелистывая страницу. Этого я и боялся.

— Думаю, у Совета сейчас хватает других дел, — склоняю голову набок. Прищуриваюсь:

— Вы же знаете, что они одобряют.

Адамон вздыхает и признается:

— Я ничерта уже про них не знаю, а с вами всеми с ума можно сойти. Теперь еще этот спонсорский сынок... — мужчина вдруг светлеет лицом и поднимает на меня глаза. Мне это не нравится. — Возьмете с собой пятого человека.

— Кого? — Нехорошее предчувствие обдает холодом позвоночник.

— Райха Ирве, сына нашего главного спонсора. Он номинально признан магом Университета, хотя пустой и толком ничему не учился. Парень хочет на миссию, всю плешь проел отцу, а тот — мне. У вас как раз задача без риска, и ты позаботишься о пацане. Выгуляешь, расскажешь пару бак. Пусть вернется счастливым, с ворохом впечатлений, глядишь — профинансируют вам ремонт корпуса.

— Адамон... — начинаю я, но он решительно долистывает до последних страниц и берет золоченую ручку.

— Решено. Я подписываю, будто не понимаю, что ты хочешь изящно уклониться от посещения Отрезка под прикрытием всей этой графомании. Ты берешь довесок. Честная сделка, на мой вкус. Как думаешь, Эрлах?

Мое второе имя в этом контексте звучит издевательски, но я проглатываю раздражение. Главное, Адамон не понял, насколько большую свинью я ему подсунул.

Выдержав паузу, соглашаюсь:

— К утру он должен быть с походными вещами у нашего требующего ремонта корпуса. И он будет подчиняться моим приказам.

— Это уж как вы договоритесь, — хмыкает мужчина, бодро расчеркиваясь в

документах. Приказ на учения тоже подмахивает, не читая. Протягивает мне папку:

— Возвращайся с ним и с драконом. Иначе у Совета возникнут вопросы.

— Уверен, до этого не дойдет, — кривлю губы в улыбке и откланиваюсь, чтобы сразу отнести папку в отдел исполнения — пока он не передумал.

Нужно поставить в известность непосредственных участников похода... но сперва:

— У меня есть важная миссия для вас двоих.

Мара Кейтлин и Эдвард Анна сидят рядышком на диване, я устроился в кресле напротив. В комнате сумеречно: после обеда набежали тучи. Вспоминаю, что задолжал отчет Байре. И снова думаю об этом Райхе Ирве: какой он? Чего ожидать?...

На подоконнике горят свечи, качаются под горячим воздухом пучки сухих трав. Мара, поджав ноги и подобрав юбки, механически вплетает стебли в ремешок для амулета. Под выразительными глазами залегли тени. Длинные черные волосы разметались по плечам. Она кажется больной, словно не спала с момента, как пропали Наас и Тони.

Эдвард тоже: сидит нахохлившимся воробьем, растрепанный и угловатый. Чешет обсыпанный веснушками нос. Хмурится, пока я рассказываю:

— ... для этого нам понадобятся запасы оружия и медикаментов в белых пятнах. Кое-какие зелья даст Гийот, но явно залезать в запасы Университета опасно. Потом, нужно собрать существ, сущностей и созданий для укрепления магии барьера в Братстве. Их потребуется много, и некоторых добыть нелегко, особенно вдвоем, — протягиваю список. Ребята синхронно склоняются над бумагой. Разные, как день и ночь, они неуловимо похожи жестами, манерой держаться, мимикой — наверное, как любая пара, что была вместе слишком долго. Надеюсь, их отношения переживут бесконечные дни и ночи в лесах, без связи с остальными миром, напряжение охоты и горечь поражений, которую наверняка случится испытать, и не раз: тщательно расписав план, я сам впал в уныние. При наиболее оптимистичных расчетах выходит, что Братство Камня будет готово стать надежным убежищем для магов месяца спустя.

— Необходимо упаковать магических животных в ловушки и доставить через зону лимба в Братство. Там — активировать чары барьера и обуздать портал мертвых. Он откроет сотни дверей по всему миру, о которых даже не подозревает Совет, и мы сможем переправить в орден огненных магов. Все сгилы я давно начертил, еще раз проверю с Валентином этой ночью. Пока не даю координаты точки входа в лимб, чтобы если вас поймают, не смогли узнать. В Университете поддержкой останутся Нина, Валентин и Гийот. Мне жаль, что я не могу еще кого-нибудь с вами отправить: лишь в лояльности этих людей я уверен. И так же я уверен, что вы справитесь. Если только согласитесь.

Я переплетаю пальцы и упираюсь локтями в колени. От резких ароматов трав щекочет в носу. По груди расплзается жжение. Я выложил все карты на стол, теперь выбор за ними.

Настолько ли дороги им друзья, чтобы рискнуть своим будущим в Университете?

Мара поднимает сумрачный взгляд:

— Мы спасем их — так? Нааса и Тони. Ты уверен, что план может сработать?

— Что Братство Камня еще существует, что ты правильно нашел вход в лимб? — Побледневший до синевы Эдвард подается вперед, пристально всматривается в мое лицо. Его обычно светлые глаза потемнели — как всегда, когда речь идет о контакте с мертвыми. А именно Эду достанется больше всех в этом приключении: только он видит посмертный мир и способен проложить путь через морок лимба к воронке портала. Пока — только он.

Есть еще один способ.

— Я уверен, что это мой единственный рабочий план сейчас. Он не лучший, но и не провальный. И я точно уверен, что правильно расшифровал дневники Советника Тлалока — уж это я умею. Я понимаю, что взваливаю на вас слишком много. Не спешите, обдумайте ночь. Ответьте мне завтра утром.

— Утром ты уходишь... — кусает губы Мара.

— Сразу после, — говорю мягко. — Если я добуду Камень — смогу многое поменять в Университете. Есть вероятность, что собственный орден не понадобится, но слишком рискованно на это ставить. Поэтому я прошу вас о помощи, и попрошу тебя, Мара, еще кое о чем. Утром, если ты придешь с согласием.

— Они — наши друзья, — Эдвард дергает плечом. Берет Мару за руку. Она кивает:

— Мы согласны.

— Утром, — склоняю голову, прячась за упавшими теплой волной волосами. — Все утром. Дайте себе время.

Часовая стрелка медленно ползет по циферблату. Стучу по часам, подношу к уху — работают. Странно. Я успеваю будто бы все, а не должен.

Времени в обрез.

И тем не менее, список дел в голове укорачивается.

Первым идет — поговорить с Гийотом, получить зелья для учений, дружеские наставления и помощником в экспедицию некого Тиу Молари: согласно описанию, крайне посредственный медик, но верный лично Гийоту и довольно сильный маг земли, при всего тридцати шести процентах. В последнем я замечаю некоторую иронию от моего друга: я, наоборот, хорош во всем, кроме управления собственной силой. Возможно, этот Тиу сможет чему-нибудь меня научить...

А пока нужно отдать копии личных дел пропавших магов Байре. Пережить горящее от боли лицо и несколько минут допроса по фактам жизни огненной Зарин Аваддон — довольно предсказуемой жизни среди голодных теней. Однако нашелся и явный плюс:

— Семья Зарин бросила. Вряд ли ей есть, что терять.

— Брошенные дети более всего привязаны к родителям, — с сухой улыбкой возражает Советник. Надеюсь, он ошибается.

Я должен сообщить о предстоящей миссии Айви и Триш. С Айви просто: найти и гостиную, отдать приказ и время на сборы. Триш пришлось посвятить в детали.

— Слишком амбициозный и спонтанный план, — говорит она, по обыкновению будто взвешивая каждое слово. Слепые глаза лунами глядят мимо меня, ничего не упуская.

— Знаю.

— Это из-за Висии.

— По большей части, — признаю. — Я хочу отомстить и изменить Университет к лучшему.

— Как будет лучше? — Она опускает веки. Ресницы отбрасывают густую тень на щеки. Мы стоим на кухне блока, под яркой лампой, рядом с гудящим чайником. Протянув руку и задевывая рукавом плечо девушки, выключаю газ. Вздогнув, она безошибочно достает чашки и насыпает кофе. Кипятком заливаю я, хотя знаю: Триш прекрасно справляется сама.

— Я хочу отменить все исследования, где умирают наследники пламени и твари. Хочу нацелить все миссии на спасение, а не уничтожение. Хочу помочь огненным магам освоить стихию. Поладить с тьмой.

— Думаешь, это возможно? — Она спрашивает, словно знает правильный ответ. Я пожимаю плечами:

— Зарин и Плутон связала клятва крови и верности. Похоже на хорошее начало.

Девушка легонько улыбается:

— Да. Это хорошо.

Выдыхаю. Опираюсь о столешницу.

— Я пойду с тобой. Только обещай мне.

Замерев, гляжу на нее:

— Что?

— Что перед Висией, ты будешь думать о живых.

Я молчу. Я не знаю, что ответить. Триш греет чашку в руках. Мне вдруг хочется уйти, скрыться от ее всевидящего внимания.

Сбежать.

Я уже делал так, с Висией. Убегал, чтобы не замечать, как он разваливается на части день за днем. Сдерживаю горький смешок: опять он, Висия, пустое зеркало и тонкий дневник с криво выведенным последним словом — надежда. Надежда на мечь и новый мир гонит меня вперед, только они.

Я не могу, Триш...

— ... я постараюсь, — в моем голосе вовсе нет уверенности, но девушка снова улыбается и невесомо дотрагивается до мой щеки:

— Потом станет легче, а сейчас тебе пора идти дальше.

Она права.

Я должен проверить, как идут дела у заместителей. Олаф отыскивается в своей по-икеевски уютной комнате, собирающим вещи. Он уменьшает контейнер с оружием, когда я прислоняюсь к косяку, предварительно проверив заглушающий сигил на пороге.

— Что нового? — Делаю глоток обжигающе-горького кофе, морщусь. Желудок сводит от голода, но на еду нет времени. Мне нужно знать:

— Как успехи?

Олаф трогает окладистую бороду, рассеянно осматривает разложенные по дивану и столу вещи:

— Я оповестил наших, почти все отписались. Трое не успеют добраться, еще двое в лазарете и не смогут. Что делать?

— Опаздывающих тоже к Гийоту, в лазарете все будут в безопасности.

Олаф задумчиво кивает, бросает на меня быстрый взгляд:

— Гийот?...

— Да. К нему можно обращаться за любой помощью, если я... если я не смогу ответить.

У меня сжимается горло от невыносимой тоски: сколько раз я провожал ребят на миссии, но этот может стать последним. Выдыхаю поспешно, ощущая, как краска бросается в лицо:

— Ты один из лучших магов и людей, что я знал. Я горжусь нашим знакомством.

Парень хмурится:

— Не говори так, капитан. Будто мы прощаемся навсегда.

— Надеюсь, что нет. Но я буду спокойней, зная, что сказал это, — и Смуглянке говорю, помогая вместе с остальными упаковывать провизию в спортивном зале:

— Я восхищаюсь тобой, ты же знаешь? — Он вскидывает брови.

— Эрлах?

Вокруг колдуют, смеясь и переговариваясь, предвкушая отличное приключение — надеюсь, так и будет, пусть учения сильней сплотят мою команду, тогда любые трудности мы перенесем, все перенесем — одной семьей.

— Ты станешь прекрасным капитаном однажды. Не все хотят признавать это сейчас, но они уже видят, поверь мне.

Смуглянка улыбается, на щеках появляются ямочки. Хлопнув парня по спине, я привлекаю внимание людей громким свистом. В ответ звучат аплодисменты и крики:

— Речь! Речь!

Смеюсь, ну конечно, ежегодное напутствие.

Взбираюсь на ящики под радостные возгласы. Поднимаю ладонь, призывая к тишине. Вокруг меня — полсотни человек, каждого знаю лично. Я говорю с ребятами наедине раз в несколько месяцев, чтобы услышать новые истории и старые мечты. Чтобы помнить, зачем я здесь.

И зачем — они.

— С рассветом вы отправитесь далеко от знакомых мест. И вернетесь нескоро. Вас ожидает множество испытаний, и обычно я упоминаю главные качества, которые следует проявить: рациональный ум, силу, упорство, выносливость, спонтанность... но сегодня я попрошу у вас прощения за вынужденное отсутствие и — терпения. Взаимопомощи. Поддержки. Дисциплины. Я прошу у вас доверия мне, Смуглянке и Олафу. Прошу мудрости и понимания. Впереди нелегкие времена. Университет никогда не будет прежним после побега Высшей твари. Я ухожу ради собственных испытаний, чтобы дать вам новый выбор и прошу: дождаться. Будьте бережны друг к другу, помогите Смуглянке и Олафу пережить свое капитанство, — в зале раздаются смешки. Я склоняю голову в шутовском поклоне:

— А теперь — за работу! Не хотите же вы пропустить вечеринку?

Дружный рев однозначно демонстрирует: нет. Хорошо.

Закатить прощальную пьянку предложил Олаф, а я на его чутье полагаюсь полностью: очевидно, всем необходима разрядка перед прыжком в неизвестность.

— Ты присоединишься? — спрашивает Смуглянка, закидывая палатки в общую кучу. Пожимаю плечами:

— Если успею. Кстати, спасибо: что ничего не спрашиваешь.

— А что тут спрашивать, я же не идиот. Ты спасаешь наши задницы, подставляясь перед Советом. Надеюсь, ты знаешь, как прикрыть свою.

Киваю, со смешком говорю:

— Именно этим я и собираюсь заняться. Спутниковый телефон у тебя в комнате. В нем мой номер, Нины и Гийота — последний на совсем крайний случай. Я, скорее всего, часть времени буду недоступен, тогда держите связь с Ниной.

— Если она не обкуритя до невменяемости, — ворчит парень.

— Очень на это надеюсь.

Как и у большинства здесь, моя походная сумка всегда собрана, поэтому дальше я направляюсь к Валентину. По дороге снова ворую у Айви: круассан с ветчиной из холодильника. Обещаю себе научить парня личному сигилу, который бьет током каждого, кто попробует сломать печать, не являясь хозяином вещи. Вообще-то личные — первые чары, осваиваемые магом в общежитии. Странно, как Айви существует без?...

Когда я выхожу к научному корпусу, день уже догорает. Над рыжими башнями

зернохранилищ протянулись алые полосы облаков. В синей вышине мерцают первые звезды. Прохладный ветер треплет волосы и забирается под пиджак; пахнет сыростью, палой листвой, болотными туманами и — отцветшими хризантемами. Они прямо возле входа: клумба с желтыми, поникшими после дождя цветами. Скоро их засыпет первым снегом.

Решетка за решеткой, прохожу коридорами к лестницам в подвал. Здесь белый камень стен сменяется черным, с прорисованными в глубине сигилами. Отмечаю каждый скол, каждую потертость с болезненной четкостью: возможно, я вижу Университет в последний раз, или — вижу таким. Изменения, которые запустили Наас и Зарин, затронут самые основы нашего уютного мирка.

— Я ждал тебя раньше, — укоряет Валентин. Нахожу профессора лежащим на диване с книжкой. Рядом, на стопке журналов, дымится неизменная чашка ягодного чая. Испытываю острое чувство дежавю. Без сил падаю в жалобно захрипевшее кресло:

— У меня есть формулы барьера и портала в Братстве Камня.

— Так, — мужчина садится.

— Я украл их в архиве и дописал отсутствующие части. Вполне уверен, что с источником магии в виде активного портала они заработают. Но мне нужен взгляд со стороны и чтобы вы выкрали перстень, отпирающий портал, из хранилища артефактов.

— Ты в своем уме?! — Профессор вскакивает, торопливо проверяет задернутые занавески. Я показываю заглушающий сигил на запястье, но его это не успокаивает:

— К черту твою заглушку, украсть перстень из хранилища?! Да они мне память за полжизни вытрут и выкинут в дом престарелых!

— Если поймают, но перстня не хватятся примерно никогда, кому он нужен? А без пропажи, записи чар не проверяют. Я не могу обмануть их, но и не нужно.

Валентин стоит изваянием. Потом запускает пальцы в серебристые волосы:

— Ты прав, но я потеряю все, самое себя — если это вскрыется.

— Да, — мне нечего возразить. — От перстня зависит, будет ли существовать новый орден, безопасная альтернатива Университету. Вы уйдете туда, оставшись при своей памяти — это я могу пообещать. Если же Эдвард и Мара не справятся с заданием, то кольцо либо вернется, либо вы укроетесь в белом пятне: хоть такой же кабинет сделаем, и книги украдем.

— В тебе проснулся клептоман? — Хмыкает профессор. Улыбаюсь, доставая из внутреннего кармана сверток с заклинаниями:

— Он ждал своего часа все эти годы, — я гляжу на мужчину без веселья. — Пора, профессор. Или вы хотите и дальше гнить здесь, укрываясь от Совета? Разве это — жизнь?

Остаток ночи я провожу над записями. Только в темные предрассветные часы, когда кажется, что новый день никогда не настанет, наконец упаковываю книги в дорожную сумку. Внутри, уменьшенные в несколько раз, — одежда и оружие, которым я пользуюсь куда лучше магии: пистолет и широкий охотничий нож. Несколько толстых томов грозят сделать ношу неподъемной, и я заранее предвкушаю сорванную поясницу. Добавляю тюбик с обезболивающей мазью и пузырек таблеток от Гийота, чтобы вообще пережить этот поход:

— И не сгореть заживо, — смотрю на место, где раньше стояла кровать Висии, а теперь приткнулся книжный шкаф с мутным серебряным зеркалом. Отражаюсь внутри бледным, призрачным, будто умер еще тогда. Стоит сказать спасибо пылающей коже: напоминает, что я все еще здесь.

— Спокойной ночи, — говорю отражению и изломанным теням за моей спиной.

Висии — холодное стекло связывает реальность и прошлое, где мы горели вместе. Единственная ниточка, кроме оставленного в отчем доме дневника, прочее исчезло в пожаре.

Выдыхаю.

Выключаю свет.

Забывшись коротким сном, просыпаюсь совершенно разбитым. В горле першит — я забыл закрыть окно, и теперь занавески надуваются от холодного ветра. Тянет сыростью, птичьим гомоном. Небо над парком приобрело глубокий синий оттенок.

— Пора, — еще есть время зайти в на удивление пустой душ, где меня перехватывает Мара. Да — их ответ остался прежним. Я прошу ее еще об одной вещи. В этот раз даю совсем мало времени на раздумья, и сбегая, чтобы навестить пропахший яблоками и корицей кафетерий. Позавтракать с сонными Олафом и Смуглянкой. Спрашиваю:

— Все готово?

Олаф кивает, Смуглянка отпивает кофе:

— Люди уже собираются, ты видел в гостиной. Стартуем через полчаса.

— Мы тоже, — если спонсорский сынок не опоздает. — Берегите друг друга и ребят.

— Все будет в лучшем виде, капитан, — обещает Олаф, запуская пальцы в темные волосы. — Ты сам, главное, будь осторожен. Сейчас идеальное время, чтобы... — обводит глазами зал и понижает голос, — избавляться от неудобных.

А я неугоден Совету, — вот, о чем говорит парень. Лучший кандидат в случае смерти любого Советника, я по праву крови займу пост Главы — кто же такое стерпит? Будто подслушав, в зал заходит Адамон. Люди торопливо расступаются перед ним, я склоняю голову набок, прячась за завесой волос. Мужчина берет завтрак, не оглядываясь по сторонам, и быстро уходит, чтобы поесть у себя.

— Удачное начало дня, — замечает Смуглянка, и с ним трудно спорить. В другое время Адамон бы непременно заинтересовался большим количеством искателей в кафе, но сейчас у него хватает проблем с беглой тварью.

— Хватит искушать судьбу, — я поднимаюсь, встают и ребята. Пожав им руки, желаю удачи и прошу отчитываться каждую неделю.

В гостиной блока уже шумно, пахнет озоном, словно вот-вот разразится буря. Походные рюкзаки заняли пол, люди расселись по диванам и креслам. Как же нас много... Я не сразу нахожу свою группу. Светлоглазая Патриций Сет с забранными в низкий хвост волосами поправляет челку, когда слышит мой голос. Здоровается высокий худощавый блондин — Айви Ноэль. Красавчик, неуловимо напоминает Кана. Чуть пообвыкнет, наберется уверенности, и станет соперничать за внимание местных девушек. Тут же вспоминаю, что Кан исчез в Отрезке. Он может быть мертв. Поежившись, отвожу взгляд. Натыкаюсь на здоровяка, которого часто встречал в лазарете. О нет, это — Тиу Молари?! Да он же вечно выполняет работу уборщиков, значит — по мнению Гийота, больше ни на что не годен! Хорошего же медика мне подсунули!

Парень, переминаясь с ноги на ногу, здоровается. Кривится, проходя мимо, Нина Северин. Говорит одними губами: удачи!

— С нами пойдет еще один человек. Не видели здесь незнакомцев? — Оглядываюсь, и сразу нахожу. Хмурюсь против воли и шагаю вперед. Он снова у окна, пусть дождя нет и в помине. Но запах, запах есть — ударяет в нос промозглой свежестью весеннего ливня, тугими струями, пузырьчатыми лужами, тенью далеких облаков. В нем слились воедино

широкие воды и забитые водостоки, ранняя капель зимой и пыльные потоки, что бегут по дорогам летними дождями.

Запах Висии.

Облизнув пересохшие губы, спрашиваю:

— Райх? Райх Ирве?

Парень оборачивается. Светло-серая, почти белая радужка, черные взлет брови и чуть вьющиеся волосы, колечки в ушах и яркие губы. Вязь татуировок — демоны и химеры, — поднимается по предплечьям и прячется под закатанными рукавами серой толстовки. Парень бледен, только чуть алеют скулы и крылья тонкого носа, залегли тени в морщинках у невозможных глаз. Я забываю, что хотел сказать. Я задыхаюсь в его аромате. Хочется зажмуриться, подойти вплотную и обнять крепко-крепко, обмануться хоть ненадолго.

— Он самый, — без улыбки говорит Райх, цепко осматривая меня. Его голос оказывается неожиданно низким, обволакивающим.

— Хорошо. Можем отправляться, — махнув остальным, первым покидаю гостиную. Киваю по дороге Олафу и Смуглянке, — они командуют минутную готовность.

Солнце уже высоко, показалось над верхушками деревьев. Галдят воробьи на проводах и карнизах, воздух свеж и прозрачен — главную аллею видно до самых ворот. Я давно не выходил сквозь них. Я давно не пользовался гамма-порталом, который открывает двери во все мировые столицы. Но сегодня нам нужен именно он.

— Мы идем к гамме? — спрашивает Айви Ноель. — Куда дальше двинем?

— Во Флоренцию, — Райх идет в стороне, но глаза скашивает: слушает. Триш тенью движется шаг в шаг, а Тиу Молари топают, как чертов гуль.

Я быстро понимаю, что стоило взять с собой Нину вместо Айви: больше огня, меньше слов. Айви не затыкается и сыплет вопросами. Первые полчаса я откровенно развлекаюсь, пытаюсь вывести парня на утвердительное предложение, но вскоре ощущаю лишь глухое раздражение и желание рывкнуть. Почти благодарно улыбаюсь, когда Райх бросает:

— Ты вообще умеешь молчать?

— А что, тебе мешает? — Не остается в долгу парень. Хмыкаю: эта миссия будет испытанием.

— Давайте я пока объясню, что происходит, — мы как раз подходим к portalу. Узкий проход, скорее даже щель между домами, где за решеткой засиженная голубями стена золотится в солнечных лучах. Мы вовремя, солнце сюда попадает на полчаса, и только в это время портал активен. Отмыкаю решетку и пропускаю Триш вперед. Пол завален битым камнем и пустыми бутылками, окурками и шприцами — не самый приятный натюрморт, особенно когда мусор выворачивается из-под ног. Райх кривится, Айви зажимает нос. Рюкзаки и сумки чиркают по мягким, крошащимся кирпичам. Я забираюсь последним и запираю дверь. Боком прохожу к теснящимся ребятам:

— Нам нужно взяться за руки, и я организую переход. Произнесу заклинание, в ответ может закружиться голова и даже пойти носом кровь — у кого это первый раз, — но все быстро закончится.

— А почему... — начинает было Айви, но осекается под мрачным взглядом Райха. Я протягиваю тому руку. Ответное касание жесткое и горячее. Парень поворачивается, скидывает рюкзак на землю, остается слишком близко, вплотную. Я чувствую, как неровно бьется его сердце и срывается с губ дыхание. В моей груди растекается жар и будто что-то лопаются.

Вот тебе и думать прежде о живых, Триш. До инфаркта недолго.

Нараспев читаю формулу перехода. Звук моего голоса дробится на части и рушится вниз, вместе с сором с карниза, и вдруг мы оказываемся — стоит моргнуть, — в укромном переулке, между высоких стен из старого камня, укутанных мхами и лишайником. Где-то рядом льется вода, перекрикиваются на итальянском женщины. В небе перелетают голуби.

— Добро пожаловать в Италию.

— ... родину драконов, — подначивает Триш. Девушка ведет чуткими пальцами по листкам плюща. Я шагаю в сторону и отнимаю руку у Райха. Его прикосновение продолжает гореть на коже клеймом. Хочется поднести ладонь к глазам, чтобы увидеть след.

— Никаких драконов в ближайшее время, — я смотрю, как разочарованно вытягивается лицо Айви. Райх глядит нечитаемо, а Тиу, кажется, знал. — Мы сейчас отправимся к монастырю бенедиктинцев, где спрятан другой портал, дальше нам только предстоит найти путь. Я должен изучить книги, а именно — жизнеописания Раймонда Аваддона, наследника пламени и архитектора цепи порталов, именуемой Дорогой Огня. В конце ее лежит Первичный Портал, где пролилась кровь первого дракона. Он нужен Совету как источник сырья для новых переходов и является нашей конечной целью. Ближайшие дни, а то и недели, мы будем идти по Пути шаг за шагом — или топтаться на месте, если не повезет отыскать подсказки. Так что приготовьтесь побыть книжными червями, и убери это подальше, еще отстрелишь что-нибудь, — я киваю на куртку Айви, которая топорщится под мышкой. Парень достает пистолет и, помявшись, перекладывает в рюкзак.

— Хорошо. Ну, пойдём.

Первым делом нужно найти ближайшее белое пятно, чтобы исчезнуть с карты Университета: знаки, вытатуированные на нашей коже, намертво связывают с орденом, и лишь белые пятна способны запутать следы. По счастливому совпадению, монастырь, в котором воспитывался юный Раймонд, оказался расположен недалеко от храма в белом пятне.

— Вот здесь, храмовый комплекс, — говорит Айви, уткнувшись в телефон. — Потом до монастыря еще нормально пилить.

Киваю: хорошо, веди.

Райх кидает на меня сумрачный взгляд. Я нащупываю в кармане карту с заклятием помех: пора лишить магов связи с домом. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь сообщил о нашем местоположении или планах. Чуть поразмыслив, выбираю чары посильнее — эти убивают все телефоны в радиусе действия. Сосредоточившись, отстаю и едва не пропускаю поворот, но с четвертого раза активирую сигил — вспоминаю зимний вечер, когда я вернулся в нашу комнату продрогший и уставший после тренировки, а Висия выкрутил на полную обогреватель и сварил мне глинтвейн. Это было спустя неделю знакомства и первое мое ощущение... близости. Я легко улыбаюсь, в памяти кружат снежинки — за окном, — чужое бедро греет мое, по ноутбуку идет дурацкий вампирский ужастик, а я рассказываю, какие на самом деле интересные ребята бывают эти упыри...

— Твою мать, — Айви трясет погасшим смартфоном. — Какого черта?!

— Ты не отключил перед порталом? — Я догоняю Триш и смотрю в спину Райха. Он тоже лезет в карман, как и Тиу. Тоже чертыхается:

— Надо было предупредить, — сдувает с лица черные волосы.

— Адамон сказал, ты сдал экзамен. Должен знать такие вещи. Как и все вы, — отличная

у меня команда.

— Гамма же обычно не портит телефоны, — хмурится Айви. Он прав, но я пожимаю плечами:

— Как видишь, бывают исключения.

— Я не знаю, куда дальше: карта сдохла, что теперь делать? — блондин со страданием на лице пытается перезагрузить айфон. Хмыкнув, иду вперед:

— Посмотри наверх, — над нами нависает заплетенная плющом храмовая стена. Редкие окошки-бойницы и облюбованные вороньем кельи отбрасывают холодные зубчатые тени на противоположное здание. Наверху, под солнечными лучами, уже наверняка тепло, но здесь, внизу, ночная прохлада еще цепляется за одежду. Поежившись, ускоряю шаг. Через несколько поворотов мы выходим к массивным воротам. Створка приоткрыта, и за два евро можно войти.

В храме царит полумрак, мигают электрические свечи у ног святых, блуждают очарованные туристы. Сделав неспешный круг до алтаря и обратно, выходим на улицу и устремляемся узкими улочками к обители монахов, построенной в начале Дороги Огня. Ярый почитатель Раймонда Аваддона, Тлалок изучал его жизнь по обрывкам информации в древних книгах и сумел отыскать тайную пещеру под монастырем с первым из пяти порталов.

— В конце Эпохи огня, когда назревал заговор против наследников пламени, Раймонд создал для них путь бегства в Темные Земли.

— Но зачем аж пять порталов? Это ведь страшно неудобно, почему не один? — спрашивает Тиу, перекладывая рюкзак с одного плеча на другое.

— Раймонд опасался врагов, поэтому каждый портал отпирается уникальным чувством, которое знали лишь близкие ему люди. Несколько семейств успели получить эти чувств-ключи и сбежать по Пути в Темные земли, пока не началась резня. Раймонд едва не опоздал со своим планом. Он предвидел, что предатели взломают барьер Братства Камня изнутри, и Совет перебьют, как и всех самых влиятельных колдунов — в их резиденциях. Но тем не менее, тоже погиб в ту ночь, сгорел заживо. Впрочем, вокруг его смерти ведутся споры: останки могли принадлежать кому-либо еще, а артефакты и знаменитая библиотека бесследно исчезли из поместья мага. Возможно, он успел уйти порталом. Мы тоже попробуем.

Райх фыркает, вздрагивают широкие плечи. Парень пропускает спешащих прохожих, запрокидывает голову к небу. Я тоже смотрю на белые облака, деревянные ставни и горшки с цветами, вывески магазинчиков и ресторанов. По правую руку шумит река, время от времени показываясь на пересечении улиц. Пару раз мелькает массивный купол кафедрального собора, но вскоре исчезает в лабиринте домов. Мы идем и идем, вместе с удлиняющимися тенями: предложение Айви сесть на автобус отклика не находит. Даже Триш уверенно отказывается, тихонько простукивая тростью дорогу перед собой.

— Никогда еще не был за границей, — говорит Тиу, показывая в улыбке заостренные клыки. — Здесь так красиво! Вы уже бывали тут, в монастыре?

— Давай на ты, — морщусь, — я еще не настолько старый или важный.

— Вы — капитан блока, — удивленно смотрит парень. Я вспоминаю сухого и строгого Гийота — начальника Тиу Молари, — и понимающе улыбаюсь. Вот уж кому сложно тыкать, мне долго пришлось приспособливаться. С главой техников Костромом я по-прежнему на "вы", равно как и с ученым Йонером, и Адамоном из администрации, а вот Кан Александер

был... все еще есть — младше и порывистей, таких сложно воспринимать всерьез.

Впрочем, я его недооценил, поэтому теперь Кан в Отрезке, а мы — здесь, под сводчатыми потолками монастыря бенедиктинцев, и я жестом прошу команду собраться вокруг меня. Понизив голос, говорю:

— Сейчас мы разделимся. Я хочу, чтобы вы нашли магический след Раймонда Аваддона в этих стенах. Согласно записям Тлалока, здесь должны быть спрятаны подсказки для поиска ключей: он лично перепрятывал, опасаясь хранить в Университете, — запустив руку в карман, достаю амулет: изящную букву R в завитушках. — Это принадлежало Раймонду: подарок брата, ручная работа и личная печать. Каждый должен коснуться и считать ощущение. Отыскать его будет непросто, прошло много столетий, но, согласно Тлалоку, и портал, и тайник должны видеться ярко даже сейчас. Итак, Айви пойдет с Триш, Райх со мной, Тиу посторожит вещи, — последний серьезно кивает. — Встречаемся здесь. Не торопитесь, обходите монастырь медленно, ищите доступ к жилым помещениям и внутренним стенам. Наверняка портал спит под землей, да и записи, полагаю, спрятаны глубоко. Удачи.

— Удачи, — эхом повторяет Триш, проводит кончиками пальцев по амулету и отворачивается. Айви сваливает сумки на пол и, наскоро облапив артефакт, спешит за ней, оградить от блуждающих с запрокинутыми головами туристов.

— Как она ориентируется? — Райх глядит девушке в спину.

— Как раз по магическим потокам. Поэтому я и взял Триш с нами.

— А его зачем? — На губах Райха появляется легкая улыбка, когда Айви чуть не врежется в колонну, засмотревшись на витраж.

— У него случаются выбросы огненной силы. Может быть полезным, если при порталах будут ловушки.

Парень поворачивается ко мне:

— Это вряд ли.

Пожимаю плечами и протягиваю амулет:

— Давай, покажи, на что способен.

Он хмурится:

— Адамон разве не сказал, что я пустой? — По его лицу пробегает тень. Вкладывает подвеску в горячие пальцы:

— Я слышал теорию, что в пустых тоже есть магия. Поэтому пока ты со мной — будешь пытаться.

И к его чести, Райх действительно пытается. Опустив густые ресницы, сводит брови на переносице. Дышит глубоко и ровно — как по учебнику. Я беззастенчиво рассматриваю парня, сравниваю с образом Висии в моей памяти. Ничего общего. Глупо...

— ... Бесполезно, — подводит итог он. — Я ничего не чувствую.

— Что ж, если вовремя обхода возникнет дежавю или хоть какая внезапная эмоция — скажи мне, проверим твоё ничего.

Я устремляюсь в ближайший коридор. Шепчу чары невидимости, касаюсь плеча Райха — на нас будто падает невесомая серая ткань, переносит в измерение теней и солнечных бликов. Проходящие мимо туристы глядят сквозь, приходится уворачиваться. Отвечать вполголоса, когда Райх спрашивает:

— Почему миссия на бумаге выглядела иначе? Не помню там Дороги огня и Первичного портала. Просто древний портал с драконом — что ты нашел приблизительную

область расположения.

Морщусь: читал.

— Чтобы отпустили. И если ты не хочешь домой — молчи о несоответствии. А если хочешь — я в любой момент верну, только заколдую, чтобы не сказал лишнего.

— Так боишься попасть в Отрезок? — Яркие губы растягиваются в ухмылке.

— Если хочешь, думай так, — недалеко от истины. — И откуда ты успел узнать про Отрезок?

Пожимает плечами, заглядывая во внутренний двор, где в водоеме плещутся раскормленные гуси.

— Потусовался в толпе, когда все завертелось. Сказал, что охотник, из новеньких, вот народ и выложил подробности. Те пятеро вообще еще живы? Зачем за ними идти, если твари наверняка убили?

Обходя двор, я рассматриваю старые стены в поисках давних надписей или знаков. Среди дурацких автографов попадаются сцигалы, но — перечеркнутые, истершиеся, мертвые. Недостаточно древние. В воздухе, стоит прислушаться, звенят волшебные потоки, сплетаясь в сложные мелодии и распадаясь на тонкие ручейки. Я ищу тугую, низкую песнь жизни Раймонда Аваддона, — и словно бы нахожу, тихим эхом, движением на периферии зрения. Он был здесь. Ходил по могильным плитам, под сенью пальмовых деревьев. Еще ребенком грелся в жарких лучах итальянского солнца. Я забываю ответить, подстраиваясь под размеренные шаги призрака. С трудом собираю мысли в слова:

— До пропавших мало кому есть дело, хотят вернуть беглую тварь и проложить дорогу в Отрезок, где вдоволь созданий для научных изысканий. Да и сам Отрезок — место не изученное, легендарное. Кто знает, что там можно отыскать.

— А мы? Мы правда увидим дракона? — Райх обгоняет и останавливается напротив. Слишком близко — его запах, серебрянные пытливые глаза. Я не могу прочесть бледное лицо. Друг или враг?

— Что ты, — спрашиваю с нажимом, — хочешь от этой миссии?

Он склоняет голову набок, убирает за ухо прядь волос. Лезет в карман джинсов и достает портсигар с самокрутками. Поднимаю брови, пока парень подкуривает косяк. Выдыхает травяной дым:

— Приключений в основном. Сидеть над книжками мне хватило в универе. Обычном универе, да и в вашем тоже. Что толку читать про магию, когда сам ничерта не можешь? Я хочу увидеть, ощутить — настоящее волшебство. Не просто посмотреть на ваши фокусы...

— ...а встретить настоящего дракона? — Я против воли улыбаюсь. Сейчас бы напомнить ему, что все живые драконы века назад похоронены в саркофагах под порталными сцигалами, и никакая сила не способна пробудить их: знание давно утеряно, примерно в столетие после жизни Раймонда Аваддона. Кстати о последнем... — Тогда тебе будет интересно узнать о человеке, следы которого мы здесь ищем.

— Разве? — С сомнением фыркает Райх. Обойдя парня, покидаю солнечный двор. Коридоры кажутся теперь совсем холодными, низкими и темными, — лишь сквозь зарешеченные окна-бойницы ложатся на стену прямоугольники света. Чтобы пройти в двери, приходится наклонять голову. Мы спускаемся в подвалы под алтарной частью, где темно, и я достаю мигающий фонарик.

— Раймонд Аваддон узнал о существовании магии в сорок пять лет, что в те годы считалось уже старостью. Да и магом оказался слабым, его стихии отчаянно конфликтовали

друг с другом — находясь в почти полном равновесии, — поэтому он с огромным трудом мог пользоваться только самыми простыми чарами. Но будучи совершенно очарованным магией, Раймонд не только исхитрился с восьмого раза сдать экзамен, но и...

— С восьмого? — Переспрашивает за спиной Райх. Внизу совсем узко, чтобы идти рядом. Я веду рукой по влажному камню, стараясь нащупать след старого мага.

— Да. Ему каждый раз стирали память и выкидывали из Университета, но Раймонд записывал буквально каждый день в дневники, дублировал записи и прятал по тайникам, каким-то образом обнаруживал забытое и изучал заново... представляешь, восемь лет переживать один и тот же год, продираться через невозможные заклинания и возражения администрации — ради повторного испытания и нового провала.

— Настырный тип, — встряхиваю фонарь, который отказывается светить ровно. Райх позади, споткнувшись, чертыхается.

— Но он преуспел. И стал как одержимый собирать знания о создании сигиллов. Через десять лет Раймонд возглавил блок техников, и оставался главой до самой смерти, отказавшись от титула Советника. Он создал самую полную, самую многогранную библиотеку волшебства: по слухам, в ней были оригиналы или копии буквально всех магических трактатов. Этот архив считается настоящим сокровищем: ничего подобного более не существовало, а знания Университета сейчас — лишь тень былого могущества чародеев. Пусть сам Раймонд едва мог колдовать, он в совершенстве освоил искусство создания заклинаний, в том числе и порталов на основе драконовой крови.

Я замолкаю, коснувшись ржавого остова под факел. Райх, не успев затормозить, тыкается мне между лопаток. Закрываю глаза. Выравниваю дыхание.

— Как я уже говорил, книжками не интере... — поднимаю руку, вынуждая парня замолчать. Нахожу и сжимаю его ладонь, тяну:

— Дотронься здесь, послушай. Коснись еще раз амулета, если нужно. Дать?

Райх не отвечает. Я вытаскиваю и протягиваю узорчатую R. Прислоняюсь лбом к холодной шероховатости металла. Кончики пальцев подергивает напряжением, будто я тронул оголенный провод. А еще...

— Ты чувствуешь? Дежавю, — я уже был здесь, зажигал огонь. Отсчитывал... да, я отсчитывал камни от факела, чтобы найти.

— Тайник? — В голосе Райха появляется интерес. Я продолжаю ощупывать каждую трещинку, простукивать, надавливать на массивные кирпичи... Парень присоединяется к поискам, и вскоре я слышу сухой скрежет в недрах стены.

— Здесь! — Камень проталкивается вглубь. Тороплюсь достать нож и поддеть острием, вытащить наружу, открывая прямоугольную дыру. Внутри белеет перетянутый веревкой пергамент.

— Ладно, это весело даже без драконов, — глаза Райха почти черные от расширенных зрачков, только по краю серебрится радужка. С трудом удерживаюсь от брезгливой гримасы:

— Ты под кайфом. Когда он закончится, выйдет и все веселье, — осторожно беру хрупкую, древнюю бумагу. Зашептываю, чтобы сохранить целой, оплетаю консервирующими чарами: белесые паутинки тянутся за моей ладонью, ложатся снежными узорами поверх убористых строчек Раймондова письма — а это его рука, я видел записи из сохранившихся дневников. Прячу в карман. Райх внимательно и жадно следит за моими манипуляциями. Его тень пляшет на стене, на секунду мне кажется — между нами горит не фонарь, — факел. Сморгнув наваждение, запускаю пальцы в волосы. Сердце тяжело стучит в груди. Выдыхаю:

— Тебе лучше вернуться домой. Эта миссия — не развлечение.

Мы обходим монастырь в молчании. Отыскиваем еще два тайника, оба пустые, и комнату, в которой жил Раймонд Аваддон ребенком — клетушку два на четыре метра с крохотным, намертво заколоченным окном. Здесь, в нише под подоконником, Райх умудряется найти журнал с откровенными картинками и кнопочный телефон:

— Смотри-ка, не мы одни откопали Раймондовы схроны. Я прихвачу это как трофей.

Хмыкаю:

— Видишь, пустой ты или нет, а что-то чувствуешь. Порнографию как минимум.

У Триш и Айви улов еще лучше: они обнаружили след портала. И несколько пустых тайников, но это не в счет. Главное — портал.

— След уходит под землю, начинается в гроте посреди монастырского парка — удачно, да? Совсем рядом — подземный музей сокровищ ордена, кажется, главное хранилище? Возможно, есть проход и оттуда, но мы не смогли подобраться ближе. Там решетки и стальная дверь, камеры, мы вообще сможем обойти камеры? — Говорит Айви, покрасневший от возбуждения и отчаянно жестикулирующий. — Надо попробовать сначала через грот? Портал, он такой, такой... вроде тебе под дых заехали, скажи, Триш? Я чуть не упал, а она сказала: он заперт, и...

— Нам не запустить портал без ключа, — Триш поглаживает тонкую трость и смотрит перед собой — я ощущаю ее взгляд щекочущим теплом в ямке между ключиц, а колючий Райха сверлит мне затылок. Злится, что я сказал уходить?... Встряхиваю головой, убираю выбившиеся из хвоста пряди за ухо. Оглядываюсь на Тиу, который застрял в очереди в туалет. Под потолком погасли окна купола, зажглись круглые светильники: вечер, солнце, еще недавно красившее коридоры золотом, село. Мы ходили по монастырю целый день, и теперь я умираю от голода. Горит кожа, ноет шея, тянущая боль уходит в низ живота и отдается в коленях: старая травма. Хочется присесть наконец, впервые за долгий день. А еще — спуститься в подземный музей и самому ощутить порталную мощь, пусть спящую, запертую, но не забывшую своего создателя...

— Мы пойдем сейчас? — Равнодушно спрашивает Райх, растирая коротко остриженный затылок. Дергаю плечом:

— Нет, сейчас мы найдем гостиницу. Отдохнем, изучим рукопись из тайника — ключ у меня есть, но весьма абстрактный, нужно больше деталей. Если не повезет найти, то будем ломать портал наобум. Пойдемте, хватит мозолить глаза охране, — чары невидимости давно выветрились, и толстый мужчина в форме с повышенным вниманием изучает нашу группу.

Выхожу в стылые сумерки. Ежусь, вдыхая запах кофе из ближайшего рестораника. Столики теснятся прямо поперек мостовой, шумные официанты разносят еду и переговариваются над головами посетителей. К нам уже устремляется администратор, но Райх что-то негромко говорит, — и парня как ветром сдувает.

— К черту гостиницу, сначала — ужин, но в нормальном месте, — Айви и Тиу согласно кивают. Я не спорю: вдруг кончаются все силы, и уютней наблюдать. Как Айви Ноэль держится рядом с Триш, недобро поглядывая на каждого прохожего, кто оказывается в зоне действия трости девушки. Как Тиу Молари, большой и нескладный, с опаской косится на уверенно вышагивающего тонкого Райха, — я прячу улыбку, чувствуя жар на скулах и груди, в кончиках пальцев. Тревожный дождливый аромат повисает в вечернем воздухе между нами. Хочешь, тронь шлейф — зазвенит холодными каплями, осенними ветрами. В памяти

снова возникает жемчужное небо, день смерти Висии. Непрошеное слово: надежда.

— Все хорошо? — Спрашивает девушка. Выдавливаю улыбку:

— Да, конечно.

Мы находим полупустое заведение под россыпью желтых гирлянд, где ужинаем обжигаяще горячей пиццей. Айви не умолкает, пересказывая непонятно кому свою первую и последнюю миссию, остальные молчат. Колено Райха касается моего. Жжется.

— ... и тогда он пошел на меня, и пришлось стрелять, — Айви завершает историю на драматичной ноте. Из парней он получается самым опытным — вот так везение. Я борюсь с желанием опустить голову на скрещенные руки и смежить веки, убаюканный звоном бокалов за соседними столиками и тихой мелодией, доносящейся из ресторана. Пытаюсь вспомнить, как в последний раз Триш проявила себя на учениях, и странным образом не могу. Мысли соскакивают в близость Райха, снова задымившего самокруткой. Я думаю: если мы попадем в неприятности, на кого полагаться? Кого защищать?

Кого опасаться?...

Все же подпираю подбородок, рассматривая дрожащие под ветром гирлянды. Совсем как на площади возле Университетского бара. Дом близко — и очень далеко. Мы еще не сделали ничего непоправимого, и можно отправить назад молчаливого, явно чем-то напряженного Тиу Молари, или мечтающего о драконах Райха Ирве, а может — распушившего хвост перед девушкой красавчика Айви Ноэля. Триш мне нужна, она способна отыскать любой портал или помочь с ключами. Остальные же...

Я ничего не решаю, даже когда мы расходимся по комнатам в крохотном пансионе. Парней поселяют через стенку, Триш — чуть дальше по коридору. Вскоре она приходит, тихонько постучав:

— Можно? Ты сказал, вы нашли записи Раймонда. Я бы хотела... посмотреть.

Киваю, бережно распаковываю древний пергамент. Под чарами ему никакое обращение не страшно, но кажется: тронь — рассыпется в труху. Листы плотно исписаны летящим почерком, изрисованы сигилами. Жадно просматриваю несколько знаков прежде, чем протянуть рукопись девушке. Позже. У меня еще вся ночь впереди.

Триш накрывает пергамент ладонью и опускает ресницы. Оперевшись о стол, скрещиваю руки на груди. Поясница немилосердно ноет, в позвоночник будто толченого стекла засыпали — раскаленные иглы боли пронзают мышцы. Но волшебнице приходится тяжелее: понимаю по заострившимся чертам и напряжению в тонкой фигуре. Черные брови сходятся на переносице. Что такое?

— Что ты видишь?

Девушка роняет бумаги, они веером рассыпаются по деревянному полу. Опускаюсь на колени, собирая. Пальцы Триш заметно дрожат.

— Одиночество. Предательство. Смерть. Горе.

— Он был старым человеком, многое повидал, — говорю осторожно. — И жил в жестокие времена.

— Скорее, второе, — зябко обхватывает себя за плечи. — Когда он писал, то злился. И горевал. И хотел... отмщения.

Жар на коже усиливается, растекаясь по животу и предплечьям. Я вспоминаю, что забыл принять вечернюю таблетку, и торопливо лезу в карман. Тревога сжимает горло: что, если бы пропустил? Переживать глупо, а думать, что сгорел бы заживо — еще глупее. Это ненастоящий огонь, только отблеск взрыва в моей памяти, поломка на уровне нейронов, не

более. Диагноз Гийота — депрессия, — до сих пор кажется мне нелепой шуткой.

Я, черт побери, маг земли. Счастье — моя специальность. Массирую виски, спрашивая: — Ты знаешь, какой стихией чаще прочих управлял Раймонд?

Триш качает головой и присаживается на краешек кровати. Девушка отражается в большом зеркале, прислоненном к стене. Черные волосы, заплетенные в длинную косу, спускаются ниже пояса, рассыпаясь на пряди по покрывалу. Вспоминаю ее утонувшей в больничной одежде, облепленную датчиками, с черными браслетами синяков на запястьях — какой часто встречал в лабораториях. Ежусь: хорошо, что сейчас Триш здесь, в безопасности.

Наверное, поэтому она и согласилась на миссию: в надежде на передышку и перемены после.

— Он использовал тьму. Пламя жило в равновесии с остальными силами, но подчинялось проще — значит, тому были причины. Я уверен, именно они сделали реальностью Дорогу Огня. Нам нужно понять природу его гнева и горя. Отомстить за смерть. Только так можно пройти этот путь до конца.

— Звучит... сложно. И страшно, — волшебница наконец открывает глаза, слепо глядя мне в живот.

Я не чувствую страха. Только усталость и одиночество, даже сейчас.

— Разве ты ощущаешь себя иначе в Университете? — Ее губы трогает легкая улыбка:

— Я ощущаю себя диковинным зверьком, вроде тех, что держат в больших вольерах в Заповеднике. Не опасное, как тварь, и достаточно ценное, чтобы окружить живыми папоротниками и искусственными водопадами. Но всего лишь животное.

Хмыкаю: точное сравнение. Она и похожа на кого-то вроде Сирина, с мягким угольным оперением и длинными, когтистыми лапами. Мне легко подставить легендарной птице лицо Триш. Или — тонконогой Эри, водяному демону из Карпатских лесов, изящным азиатским екаям, а то и похожим друг на дружку игольчатым монстрам Гувера... Все они обитают в Заповедники как гости, узники живут в куда худших условиях.

Но покинуть зачарованные стены бестиария не грозит никому.

— Айви, похоже, думает иначе, — улыбаюсь.

— Айви еще ребенок и даже не маг, что бы он себе не воображал, — вспоминаю, что девушка старше его... на сколько? Лет пять-семь?... Пожимаю плечами:

— В Университете взрослеют быстро. Уверен, ему пойдет на пользу наше приключение.

— Для этого ему не мешает понять больше, как и остальным, — Триш разглаживает на коленях юбку, поднимает голову. — Прочитай им дневник. Что бы там ни было — прочитай. Мы идем этим путем вместе. Но ты привык быть один.

— На то есть причины, — я заглядываю в пергамент, где латынь мешается с итальянским и немецким. Тоскливо думаю, что Валентин расшифровал бы текст куда быстрее меня.

— Прочитай нам, — с нажимом повторяет девушка, поднимаясь. — Иначе далеко мы не уйдем.

Но за ночь, — длинную, бессонную, — я едва продвигаюсь дальше первых страниц. В них Раймонд вспоминает о своей детской страсти к алхимии, бесконечных опытах и частых взрывах, изничтоженных ретортах, обожженных руках. О том, как поранил брата, попросив помочь в эксперименте: мальчик лишился глаза и остался навсегда обезображенным, после

чего юного алхимика и сослали перевоспитываться в монастырь к строгим монахам.

Помня просьбу Триш, утром пересказываю прочитанное, пока Айви уверенно ведет нас перепутанными тропинками к нагромождению камней с завесой водопада. Мы решаем попытаться счастья с абстрактным ключом — если получится войти через грот, не попавшись охране монастыря.

Занавешенная водопадом пещера стоит посреди неглубокого озера. На поверхности отцветают кувшинки, легкие волны качают ряску. Начинаящие желтеть платаны роняют ржавые листья в прозрачную воду. Громко поют птицы. Вокруг — никого, лишь далеко в конце аллеи гуляет пара с коляской. Спрятав руки в карманы плаща, сжимаю кулаки. Шею сводит спазмом, сердце тяжело колотится за ребрами. Заклятием, с шестой попытки, отрубая все камеры в радиусе ста метров. Поправляю лямку дорожной сумки. Выдыхаю:

— Чувствуете это? — Металлический привкус во рту, мурашки вдоль позвоночника. — Страх, что сопровождает старые спящие порталы. Этот запечатан смертью тысячелетия назад, но по-прежнему активен... в некотором роде.

— Что это значит? — Громко сглатывает Тиу. Айви переступает с ноги на ногу, обхватив себя за плечи.

— Что древние порталы, в отличие от новых, всегда строили в осевых местах. Часто — специально создавая ось жертвоприношением. Здесь убили многих людей прежде, чем зарыли драконьи останки. Пролитая кровь поддерживает врата всегда приоткрытыми, чтобы их можно было найти и... распахнуть. Это по-своему красиво, — будто заклинание живо и тянется к носителям магии, зовет.

Триш кривит губы и роняет:

— Нет. В смерти нет ничего красивого. Тебе ли не знать, Эрлах.

— Прости, — склоняю голову набок, прячась за завесой волос. Впрочем, от истинного взгляда Триш не убежать: девушка видит сокровенное в сердце, старые яркие воспоминания людей, предметов или мест, и мне трудно представить, что открывается ей прямо сейчас, какая правда:

— Тебе все это слишком нравится. Заклятия, оси. В этом вы с ним похожи.

— С кем?

Триш вдруг переступает бортик бассейна и входит в пруд, погружаясь по колени. Медленно бредет сквозь волны и стебли лилий к пещере, светлое платье тянется надутым пузырем. Девушка бросает на ходу:

— С Раймондом.

Айви оказывается в пруду следом за ней, потом залазит, едва не намочив рюкзак, Тиу. Жестом пропускаю Райха Ирве вперед.

— Кажется, это был не комплимент, — скалится парень.

Вода холодная, ноги скользят по илистому дну. Я снова оглядываюсь, но вокруг никого: осевые места прогоняют людей, привлекая тварей и темных магов. Мы сегодня за последних. Триш, втянув голову в плечи, уже ныряет под водопад. Райха впереди заметно передергивает от перспективы.

— Что стало с отличным планом пройти через музей?

Хмыкнув, ускоряю шаг:

— Если здесь не получится. Но, похоже, Триш знает, что делает.

— Ей явно тут не нравится.

— К сожалению. Это место отличается от прочих. Триш ощущает все слишком ярко, —

здесь вершилась история, и теперь, столетия спустя, мы можем стать ее частью.

Райх останавливается возле самого водопада и оглядывается. Взгляд потемневших, сумеречных глаз нечитаем. Секунду кажется: хочет что-то сказать, но молча исчезает за водяной занавесью.

Вхожу последним. Вода обрушивается ледяным душем, одежда враз промокает. Меня сразу начинает бить дрожь, волосы облепляют скулы. Зачесываю назад, проверяя карточки в кармане: они, конечно, зачарованы от катаклизмов, но в пределах порталов магия может вести себя странным образом. Иначе не пришлось бы мокнуть.

— Здесь ступеньки! Проход, слышите? — Моргаю, привыкая к темноте. Голос Айви доносится снизу, из провала в полу, где мечется синеватый свет фонаря и показывается взлохмаченная голова Тиу.

— Глубоко уходят, — говорит побледневший парень.

— Мы сразу за тобой, — подталкиваю застывшего Райха в спину. — Что?

— Я... — парень замороженно смотрит перед собой, облизывает губы. Тонкие ноздри раздуваются, втягивая соленый пещерный запах. Райх хмурится, глядит на меня будто смущенно — и отворачивается. Достает портсигар и подкуривает косяк. Поднимаю бровь: снова? Он убирает за уши мокрые пряди, выдыхает с дымом:

— Дежавю, как ты и говорил. Ерунда.

— Не похоже на волшебство, слабовато — это ты хочешь сказать? — Я начинаю спуск по вырубленным в скале ступеням. Очень тесно, не повернуть назад. Веду пальцами по шершавым, с прожилками заклиний, стенам, заставшим Эпоху огня и великих магов. В словах Райха есть доля правды: эхо портала обнимает сизым мороком, путает мысли, тревожит сердце, силясь прогнать незваных гостей, но почти не мешает идти вперед, тогда как раньше, наверняка, поставило бы нас на колени. Конечно, для обычных людей этого хватает, чтобы испугаться и отступить... да и мы — лишь блеклые тени древних чародеев.

Магия умирает, а времена драконов давно закончились, — хочу сказать, но слова застревают в горле. Где-то далеко под нашими ногами ворочаются чары, пробуждаясь ото сна. Я снова чую кровь: во рту усиливается металлический привкус, на ладонях проступает влага. Подняв пальцы к свету, обнаруживаю кожу в частых алых бисеринках. Облизываю губы, вытираю руки моментально порозовевшим платком.

— Мне как-то не по себе, — сдавленно говорит Райх. Но спускаться продолжает.

— Может кружиться голова — это нормально, — меня самого ощутимо ведет влево, и приходится опираться о стену. Зажмурившись на секунду, едва не пропускаю ступень. Айви внизу чертыхается, размеренно стучит трость Триш. Я вспоминаю единственное слово — ключ к portalу, собранное буква за буквой по дневнику Тлалока: страсть.

— Что? — Кажется, я произнес его вслух. Выдыхаю:

— Страсть — чувство, которое нужно нам для перемещения. Только непонятно, страсть какого рода.

Райх неопределенно хмыкает, с шорохом скользят следом. Мелкие камушки, обгоняя меня, скачут вперед, в темноту. Судя по звукам, ребятам приходится спрыгнуть — лестница закончилась? Вскоре коридор поворачивает, и я вижу их, вижу лучи, обшаривающие каменный мешок метр за метром. Потолок нависает совсем низко, приходится сесть на корточки перед прыжком через обвалившиеся ступеньки. Когда я выпрямляюсь, достаточно протянуть окровавленную руку, чтобы коснуться мокрого свода с зубьями бледных сталактитов. Именно они образуют неровный узор портала. Снизу навстречу тянутся

сталагмиты, будто челюсти дракона грозят сомкнуться и перемолоть незваных гостей.

— Неплохо, — резюмирует Райх. Айви растерянно оглядывается на него, встречается со мной взглядом:

— Мы пришли? Что дальше?...

— Ты, как маг огня, попробуешь активировать портал, — парень белеет и скрещивает руки на груди. По пещере проносится порыв ветра. Основная стихия Айви — воздух, и теперь тревога сдвигает пласт за пластом, раскручиваясь в ураган. — Ключевая эмоция — страсть, — а вот теперь краска бросается блондину в лицо. — Я надеялся отыскать уточнения в рукописи из тайника, но на это явно уйдет много времени. Нужно попробовать наобум. Или, возможно, Триш прояснит, о какой именно страсти идет речь.

— Может, нам выйти? Чтобы не мешать, — бросаю на Райха тяжелый взгляд, но он продолжает усмехаться. Паршивец:

— Умолкни. Триш?...

Девушка медленно поворачивается ко мне. Кажется, она вот-вот потеряет сознание, — часто и неглубоко дышит, на висках испарина. Шагаю ближе, поддерживаю под локоть. Прозрачные глаза закрыты, с густых ресниц срывается слезинка и бежит по щеке. Осторожно касаюсь, стирая. Шепчу:

— Что здесь произошло?

Шуршат шаги: парни подходят ближе. Свет фонарей, преломляясь о наши ноги и соленые драконьи зубы, разбрасывает фантастические тени по стенам. Монстров и людей, многих людей — кто шел этим путем и не вернулся назад. Мы знаем лишь одного:

— Раймонд Аваддон был здесь последним. Тлалок не открывал портал, только нашел. Он чего-то боялся. Все они боялись за свои жизни. И горевали оттого, что убегают. Злились, ненавидели. Страдали. Это так... так больно, я не могу передать, Эрлах! — Девушка всхлипывает и зажимает рот рукой. — За всем этим я не понимаю, где ключ, что имел в виду Раймонд!

— Может, это и имел? — Предполагает Айви, неуверенно глядя на Триш. — Все вместе?

Она качает головой, не отнимая ладони от губ. Я тоже думаю, дело в другом:

— Он создавал цепь порталов за годы до побега, а мог бы проложить лишь один проход сразу к цели. Нет, эта страсть — нечто более личное. История, которую он рассказывает, шаг за шагом, как записи в дневнике: одна тянет за собой другую. Именно так Раймонд стал магом, бережно сохраняя все важные воспоминания. Вон то, о брате... о своей страсти к алхимии! Именно из-за нее он оказался в этом монастыре. И, — я уверен, — пять переходов не случайны, они значат больше, чем кажется поначалу.

— Да, — выдыхает волшебница, — тут есть что-то еще. — Ее веки дрожат, глаза двигаются под ними в попытке разглядеть прошлое. — Но я не понимаю, не вижу...

— Ты сказал, он пытался много раз, — вдруг говорит Райх. Щурится, когда Айви светит ему в лицо фонарем. Закусывает губу. Неуверенно продолжает:

— Попасть в Университет. Как долбаный маньяк готовился к экзамену годами, постоянно вспоминая забытое. Это довольно... страстно. Может, именно такую эмоцию он вложил в заклинание? Она привела Раймонда к конечной цели.

Я чуть было не отвечаю: попробуй, забывая, что он пустой. Слишком цельно и глубоко звучат слова. Как я сам не подумал?

Неужели пустые и правда способны к большему, чем мы знаем?

Во рту пересыхает. Сплотнув, молча киваю. Жестом предлагаю Айви начать. Сюда: вот непрерывная вязь сигиллов разомкнулась, поднялась в узкую площадку — ровно для одного человека. Парню приходится бросить рюкзак и опуститься на одно колено, чтобы поместиться между потолком и полом.

— Замкни оба знака, — выходит хрипло и незнакомо. Я по-прежнему смотрю на Райха, явно обдолбанного и беспечно озирающего пещеру. Что он такое?...

На автомате продолжаю командовать:

— Тебе нужно обратиться к своей огненной стихии. Попробуй вообразить или вспомнить что-либо, чего ты страстно хотел, — игнорирую тихое фырканье, — больше всего на свете хотел. Мы поможем, и займемся тем же — Райх, даже ты.

Смех прекращается. Райх прячет руки в карманы джинсов. Тиу поднимает брови:

— А нам зачем?

— Вдруг кто-нибудь другой откроет портал. Сила Айви нестабильна, поэтому давайте, подходите и касайтесь сигила.

Я роняю сумку, шагаю ближе и трогаю камень в просвете между сталактитами. Рыжий ракушняк впивается в пальцы. Надавливаю, размазывая сочащуюся кровь — когда же она остановится? Закрываю глаза: чертов невыносимый Райх притирается плечом. Нужно было плюнуть на все и отослать его домой. Слишком много для меня сейчас, слишком горько. Скулы сводит от яркого запаха озона, тени дождя в моей памяти. Как найти страсть, если после Висии ничего не осталось?

— Помни о живых, Эрлах, — будто подслушав мои мысли, говорит Триш. Вздогнув, сильнее зажмуриваюсь, прислоняюсь лбом. Считаю вдохи-выдохи, ищу Раймондову страсть — в глубине своего сердца. Силу, заставляющую подниматься по утрам. Силу большую, чем забвение.

Смешок Райха напоминает о другом виде страсти, — толкаю парня, чтобы заткнулся, шиплю:

— Сосредоточься.

Быть может, все это — ради кого-то? Построенные порталы, ключи-головоломки, попытки попасть в Университет... вдруг для Раймонда дело было вовсе не в магии?

Думай о живых.

Я вспоминаю девочку-солнце Зарин Аваддон, тезку Раймонда, и как ярко она горела у могилы Тлалока, как жарко вспыхнули чары — подлинное волшебство, которое, несомненно, удивило бы Райха Ирве.

В мире, где магия кончается, большее и представить сложно.

Я смотрю на сосредоточенных, притихших ребят, соприкасающиеся руки. Глаза печет, ноет поясница. Чувствую себя вдруг слишком взрослым и слишком уставшим, слишком слабым для такого колдовства. Интересно, ощущал ли это Раймонд — каждый раз, когда сила подводила его? Губы складываются в горькую улыбку: мы похожи куда сильнее, чем мне хотелось бы, Триш. Я тоже могу выдумать портал, и не могу — запустить.

Я должен.

Раймонд отказался становиться Советником, я же не отступлю — изменю уклад Университета. Я здесь не ради бегства, а чтобы спасти огненное чудо, сохранить для людей последние искры, — Зарин и Нааса, Илая, Янни и Манतिकору, — отголосок света молодого мира, где жили драконы.

Подобно Райху, я сам хочу снова прикоснуться к чему-то столь грандиозному.

Раз за разом прокручиваю в голове момент у могилы Тлалока. Ладони теплеют, хоть меня бьет дрожь от холода и волнения. Прижимаюсь виском к ледяному сталактиту, думаю о беглой твари и девочке-солнце, невысшимом союзе. Сила исподволь наполняет тело. Кожу на груди и предплечьях ошпаривает, будто кипятком, и очень сложно оставаться в моменте, когда память сворачивает в день пожара, в день Висии. Обычно здесь моя магия упирается в стену, но сегодня я вдруг думаю: как ярко-яростно он ушел, вспыхнув напоследок, осветив мою жизнь на годы вперед. Столько страсти... столько жизни сгорело, и именно поэтому отпускать — невыносимо. Словно я еще могу что-то исправить.

Райх задушено всхлипывает, шевелится Тиу. Я ощущаю горячие слезы, плечо Райха — легко забыться и представить, что это Висия рядом со мной, — и, чуть позже, — рывок в солнечном сплетении, белые пятна под опущенными веками. Земля будто поворачивается под ногами, и я чуть не падаю, тяжело опираюсь на парня. Твердая рука обвивает талию, поддерживая. Пустой жарко шепчет мне в ухо:

— Что происходит? Мы... это ты, да?...

Сквозняк ерошит волосы на затылке. Улыбаюсь, хрипло смеюсь, открывая глаза. Фонари погасли, но сталактит под щекой исчез, отодвинулся в темноту потолок, все помещение явно стало шире. Поменялись и запахи: вместо спертых подземных, пахнет влажным деревом, замшелым камнем. Дождем — хотя рядом с Висией... рядом с Райхом дождем пахнет всегда. Поворачиваюсь, задевая носом его щеку. Выдыхаю:

— Да.

— Получилось, — неверяще говорит Тиу.

— Точно? — В голосе Айви сомнение. Я снова смеюсь, нахожу его плечо и сжимаю:

— Точно. Ты молодец.

— Я? Не знаю... я это сделал?... — Я не отвечаю: пусть будет Айви, ему нужнее. Все равно это — почти случайность, удача. С моими-то способностями.

В серебряном и близком взгляде Райха Ирве — недоверие. Плевать. Стихия еще мечется во мне, разгоняя пульс до отзвуков в ушах. Мысли путаются с воспоминаниями, в горле стоит ком. Отворачиваюсь, отхожу, наколдовывая — неожиданно легко, — огонек, который подсвечивает кисть алым и отбрасывает наши пляшущие тени на заваленный битым камнем пол. Между упавших колонн проросли тонкие деревья и сорняки. Поднимаю голову в поисках солнца и нахожу: лучи пронзают мрак, становятся чаще, ярче — будто рассеивается чернильный дым, и вскоре мы уже стоим в пыльных столпах света, падающего сквозь высокие арочные окна. Разбитые, наполовину заколоченные, с метелками трав на карнизах, они возносятся к кровле с созвездиями дыр и засиженным голубыми балкам. Вокруг нас амфитеатром поднимаются ряды парт и скамеек, за спиной нахожу упавшие со стен доски:

— Учебная аудитория, — говорю для Триш. — Разрушенная, но все равно состояние лучше, чем могло быть: прошло столько лет...

— Покрытие Вешде, — считает девушка чары, зелья, в тандеме защищающие мебель и интерьер от большинства механических повреждений. — Здесь все пропитано магией Раймонда. Он обустроивал это место и проводил здесь много времени. Как и другие...

— Студенты? — Айви взбегает по рядам к выходу из аудитории. Дергает дверь, налегая всем весом, пока она со скрежетом не отворяется, а затем и падает — парень едва успевает отскочить. Грохот вспугивает нескольких голубей, они перелетают между балками; сверху сыплются, кружась, перья.

Я смотрю под ноги, на скрипучие, но еще крепкие доски. Лишь возле самой кафедры

зияет провал. Подойдя и опустившись на колени, освещаю земляной подпол с выложенным металлическими линиями порталом. Скрипят шаги, надо мной нависает тень — Райх Ирве, чувствую кожей.

— И куда мы теперь? — Спрашивает издалека Айви. Триш отвечает вместо меня:

— Расшифровывать записи из тайника.

— Нам нужно узнать больше о Раймонде, чтобы понять, что послужит следующим ключом. Портал у нас уже есть, и на том спасибо. Здесь сигил двойного действия: значит, можно открыть дверь как назад, в монастырь, так и вперед... хотелось бы знать, куда: наверняка в этом и спрятана ключевая эмоция... — забывшись, начинаю размышлять вслух. Сердце чуть успокаивается после открытия портала. Хмыкаю: а я минуту назад думал, не могу. Удивительно. Встаю, чуть не столкнувшись с Райхом. Опять дымит самокруткой — быстро же они кончатся, такими темпами. — Сейчас найдем белое пятно, затем гостиницу. Библиотеку: хочу почитать об этом здании.

— А интернет не сгодится? — Поднимает бровь парень.

— В местных архивах обычно куда больше информации. Пойдем, — гашу огонек в ладони. Райх отворачивается, потеряв интерес. Прячу улыбку: неужели таких детских фокусов достаточно, чтобы подкупить золотого спонсорского сынка?

Растираю шею, взлохмачиваю влажные волосы. Мокрая одежда холодит тело. Вон и Триш зябко обхватила себя за плечи, а Айви ковыряется в сумке в поисках теплой кофты. Отдает девушке. Молодец.

Поежившись, выхожу из аудитории следом за Тиу. Парень осторожно обходит провалы и пробует хлипкий пол на прочность. В сумрачном коридоре стены белеют прямоугольниками и квадратами: раньше здесь висели картины. Некоторые еще остались — высоко, не дотянуться, — сплошь портреты, наблюдают на нами. Я трогаю граффити поверх двери: сатанинский знак нарисован красным, будто кровью. На подоконниках пылятся остатки черных свечей и комок перьев, бывший когда-то вороной. Хмыкаю: детишки балуются. Тиу делает широкую дугу, стараясь держаться ближе к стенке.

— Не волнуйся, это не настоящий ритуал.

Парень вздрагивает и оглядывается. Отведя глаза, спрашивает свои ботинки:

— А как выглядит настоящий?

Позади появляются остальные ребята. Мы идем старым зданием сквозь затхлые тени и дымчатый свет, по гниющим коврам и замшелой земле первого этажа. В холле под разбитой розой окна выросла целая рощица молодых деревьев, а широкую лестницу заплел плющ. Главные двери заколочены, и мы выбираемся наружу через дыру в стене. Судя по пустым бутылкам и окуркам, именно здесь заходили неудачливые волшебники.

— Заклинание призыва демона включает его полное имя, чин, легионы, которыми он командует. Обязательно дописывается сигил защиты: демоны долго не живут в нашем мире, им здесь не по себе. Если просто выдернуть демона из комфортных условий и что-то попросить — убьет и дело с концом, — нас догоняют остальные. Я замедляю шаг, принаравливаясь под размеренную походку Тиу. По правую руку тянется высокий забор, заплетенный диким виноградом, по левую — здание с порталом. Готическое, как старые соборы, испещренное глубокими трещинами, с обвалившейся штукатуркой и обнажившимся кирпичом, черное от далекого пожара, оно кажется странно живым, будто внутри, из-за темноты и бликующих стекол, кто-то следит за нами.

Встряховаю головой, прогоняя наваждение, и продолжаю:

— Поэтому — защита демону и защита от него, это выходит обычно знак на целую комнату. Свечей тоже мало, должно быть больше огня и дыма, важно для дыхания демона. Главное, не перестараться, самому не угореть, — такое случается чаще, чем можно подумать. Жертва... сами понимаете, для создание оси-портала животного мало. Нужен человек, даже несколько людей, убитых с особой жестокостью. Мало кто способен на такое, тем более, шансов, что демон исполнит желание, немного: очень они свободолюбивые и непредсказуемые.

— Страшно, — поводит широкими плечами Тиу. Айви, перебираясь через кучу битого камня, говорит:

— Но бывало, демоны и помогали, правда? Не помню уже точно, но парочку просителей сделали королями. Разве не это им нравится, такие просьбы? Про войну, власть, честь и всякий пафос? А вот просто денег или там любви чьей — нет, это скучно. Как им потом вернуться к сородичам? Типа приходишь, меня тут какой-то хрен похитил, чтобы я ему бабу подогнал? Стыдно же!

Я смеюсь: вообще верно, но никогда не думал о демонах в таком ключе. Триш бледно улыбается, а Айви краснеет от шеи до корней светлых волос.

— Стыдно, — соглашаюсь. Дальше молчим. Айви мечтательно улыбается, видимо, переживая наново момент открытия портала. Будет что рассказать по возвращении. Тиу вертит головой, Райх дымит, равнодушно глядя перед собой, а Триш идет впереди, нащупывает дорогу к ближайшему белому пятну. Хорошо: не нужно светить припасенным смартфоном на зависть попутчикам.

Подходящий храм обнаруживается достаточно близко, хостел — тоже, по вывеске. Я снимаю единственный отдельный номер для девушки, и общий, с четырьмя кроватями, для нас. Райх сразу забрасывает вещи на верхнюю полку и отправляется искать магазин сотовой связи, Айви и Тиу увязываются следом.

Оставшись в одиночестве, пользуюсь моментом и вычерчиваю на платке сигил тишины — древний знак клятвы, которую невозможно нарушить. Загадываю хранить молчание обо всем, что случилось сегодня и случится дальше, вплоть до уничтожения заклęcia. Заворачиваю тканью украденные мимоходом у ребят вещи: часы Тиу Молари, алую фенечку с запястья Айви Ноэля, кольцо с черепом Райха Ирве. Замыкаю знак амулетом из кости Советника Тлалока и перевязываю накрепко бечевкой, прячу в глубине сумки. Теперь они, даже связавшись с семьей и друзьями, никому не расскажут о нашей миссии: просто не захотят.

Приняв обжигающий душ и переодевшись в сухое, устраиваюсь на кровати с телефоном и записями из тайника.

Пора узнать больше о Раймонде Аваддоне.

— Я встретил брата у ворот монастыря, — читаю вслух перевод дневника. Прервавшись, набрасываю на ноги плед и снова вытягиваюсь в шезлонге. На крыше холодно, ветер к вечеру остыл, усилился: завывает среди дымоходов, качает фонари над баром, дребезжит рядами чистых бокалов — вот-вот треснут. Парень за стойкой часто поглядывает на них, на небо. Я тоже смотрю. Свинцовые тучи клубятся совсем низко, хочешь — поймай в стакан, где коньяка осталось совсем на дне. Знаком прошу повторить. Райх присоединяется. Хмурюсь: вот ему бы притормозить, уже осоловело улыбается, а движения приобрели пьяную плавность. Впрочем, это даже красиво. Райх красив, особенно сейчас, в центре собирающейся грозы, растрепанный и светлоглазый, шальной. Непонятный. Я наблюдаю за ним уже неделю, но так и не решил, почему. Что не дает мне покоя?

— Эрлах? — Триш тоже кутается в плед, обхватив колени руками. Длинные волосы плещутся на ветру, дрожат опущенные ресницы. Я возвращаюсь к тексту, но не могу вспомнить, на чем остановился. Айви, обхвативший стакан дымящегося глинтвейна, напоминает:

— К нему брат приехал. Тот, которому лицо пожгло в алхимическом эксперименте, да?

Тиу кивает:

— Он еще жутко страшным стал, и родители на Раймонда вызверились, сослали в монастырь учиться теологии или вроде того.

Улыбаюсь. Тиу, наконец, стал меньше стесняться и начал разговаривать. Иногда я об этом жалею: парень оказался страшным занудой... боже, это заразно: страшно — любимое слово Тиу. Сейчас ему явно страшно интересно, вон как подался вперед, забыв про остывающий чай.

— Они помирились? За этим брат приехал? Это самый младший из шестерых, да?

— Да, — отвечаю на заданные вопросы разом, откладывая записи, где каждое слово вымучено, а весь текст, как чудовище Франкенштейна, составлен из дневника мага, истории академии дель Пеллегрини

и газетных подшивок. — Если своими словами, через пять лет в монастыре, младший брат Раймонда, Алессандро, навестил его и простил за содеянное. Они проговорили весь вечер, поплакали, восстановили отношения. Вскоре Раймонда пригласили домой: отец, сдавшись под напором родственников, решил проверить, стал ли его сын умнее и сдержанней, годится ли для возвращения в семью. Раймонд ехал в смешанных чувствах. Он скучал, хотел увидеть мать, братьев и сестру, но вместе с тем — боялся гневливого отца и строгих родичей по отцовской линии. Он повзрослел, и хотел самостоятельно определять свое будущее, но продолжал материально зависеть от семьи.

— Попал чувак, — морщится Райх, делая большой глоток. Привычно лезет за самокруткой и вытягивает последнюю, скуренную наполовину. Вертит в длинных пальцах. Прячет обратно.

— Поездка прошла тяжело. Отец хотел, чтобы сын преподавал теологию в академии, как делал их дед, но Раймонд, судя по обтекаемым формулировкам, так и не проникся верой, поэтому жаждал уклониться от этой участи. Об алхимии он больше не заикался, но метил в философы. Сошлись на теософии — неплохо, на мой взгляд. В монастырь Раймонд Аваддон вернулся только однажды, много лет спустя, чтобы возвести портал.

— Он жил дома? — спрашивает Триш.

— Первые несколько лет своего преподавания. Но потом все же начал читать философию и любимую алхимию, и тогда же съехал. Со временем Раймонд... вообще-то, изначально его звали Лукреций ди Алдо... — Райх тихонько фыркает: Лукреций Дилдо! — Так вот Раймонд стал уважаемым профессором, а после смерти отца и получения наследства, сделался главным меценатом академии. И снова вернулся домой, кстати. Очень сблизился с Алессандро и сестрой Луизой. На его деньги отстроили крыло, где мы нашли портал, и там проводились лекции для всех желающих, бедных или богатых, мужчин или женщин. Были классы и для детей, их обучали чтению и письму. Раймонда явно заботила привилегированность образования. И еще — отношения с братом Алессандро. Раймонд часто повторяет, как виноват перед ним...

— Что испортил лицо? Вроде ж проехали уже, — удивляется Тиу. Качаю головой:

— Нет, там что-то еще. Я пока не добрался. Думаю, нам стоит сосредоточиться на имеющейся информации. Дом, портал должен вести в родовое поместье ди Алдо. Я почти уверен.

— Значит, мы можем просто пойти и отыскать его, — Райх, решившись, закуривает последний косяк. Дым срывается с его губ, уносимый ветром. Небо продолжает бурлить, но дождь все не начинается. Совсем стемнело, город внизу мерцает огнями, белым столпом горит колокольня собора. Я делаю глоток, жидкость обжигает горло.

— Нет. Дорога огня зачарована в непрерывную цепь. Нельзя войти со случайной точки. Нужно двигаться только от начала до самого конца, минуя все порталы. Отпечаток каждого накладывается на мага, и следующий портал без него не пропустит. Это старый прием, довольно простой: взломать пять порталов невозможно, а подбирать ключи, как видите — небыстрый процесс, так что в любом случае у наследников пламени была хорошая фора.

— Если только не расколоть кого-то, — парень пожимает плечами. — Я б с этого начал. На месте преследователей.

Айви хмыкает. Его глаза уже блестят от выпитого, губы растягиваются в ухмылке:

— Ты не думаешь, как маг. Маги все важные вещи перестраховывают заклятием тишины, хрен кто чего выпытает.

Прячу улыбку: знал бы Айви, что сам находится под такими чарами.

Глаза Райха темнеют.

— Любые ваши фокусы можно обойти. Всегда найдется маг посильнее.

— Много ты понимаешь, — дергает плечом блондин.

Райх ухмыляется:

— Воображаешь, открыл портал и теперь крутой? Ты даже не заметил, что это Эрлах сделал.

— Ч... что? — Айви смотрит на меня, на Триш. Девушка кивает — ее мне не удалось обмануть, а вот откуда знает Райх Ирве, пустой?

— Как ты понял? — Отставляю стакан. Райх встает, одним глотком допивает коньяк.

— Различаю, когда врут. Ты соврал. Зачем, кстати? — Райх склоняет голову набок, невозможные глаза блестят. Айви скрещивает руки на груди.

Я жалею, что выпивка кончилась. Глядя на Айви, подбираю слова:

— Мне было важно, чтобы вы поверили в себя. От вас зависит успех всей миссии. Прости, если задел тебя, Айви. Я... я похож на Раймонда: слабый колдун, — Айви хмурится, не понимая. — Знаю, слухи ходят совсем другие, но это — правда, — все равно заклятье не

даст растрепать ее по Университету. — В дальнейшем вам придется больше полагаться на собственные силы.

— Значит, мы в полной жопе, — смеется Райх и поворачивается к лестнице на улицу.

— Куда ты? — Не нравится мне его походка.

— Прогуляюсь. Надоело с вами киснуть.

Я тоже поднимаюсь и в два шага оказываюсь рядом. Парень кривится и отшатывается — странно, обычно это он нарушает мои границы. Трет затылок и глядит... неуверенно? Почему?

— Не стоит. Ты слишком набрался.

— И что? Заколдуешь меня? — Прищуривается. Шмыгает покрасневшим от холода носом. Я нахожу в кармане обморочную карточку и осматриваю полупустой бар.

— Почему бы и нет? Если это сделает тебя послушным мальчиком, — Райх белеет и подходит вплотную, шипит:

— Я никогда не бываю послушным, — раньше, чем я успеваю отреагировать, запускает руку мне в карман и дергает карты из пальцев, они веером разлетаются по крыше. Несколько, подхваченных ветром, сносит вниз. Райх смеется. Сжимаю кулаки, борясь с желанием врезать ему. — Попробуй, останови меня теперь!

Морщусь:

— Сильно ты мне нужен. Иди, можешь и не возвращаться, — к черту: мне в любом случае не избежать проблем, одной больше или меньше — какая разница? Райх, видимо, читает это в моих глазах. Сплюнув, резко поворачивается и уходит. Сбегает с лестницы.

Вдохнув поглубже и поймав тревогу за хвост, призываю ветер, чтобы вернул потерянное. Раз, другой, на третий он откликается — в протянутой ладони собирается колода. Обморочная карта, по иронии, оказывается сверху.

— Вот спасибо, — бармен провожает меня ошарашенным взглядом. Черт, кажется, последний бокал был лишним.

— Он вернется, — зачем-то говорит Триш, поглаживая набалдашник трости в виде змеи.

— Куда же он денется, — Райха очевидно тянет к магии.

Хотелось бы знать, почему.

Под утро, когда за окном уже распеваются птицы, открывается дверь в комнату, прямоугольник света ложится на стену. Тяжелые шаги останавливаются возле кровати. Я лежу отвернувшись, но все равно чувствую сладковатый запах травки: пополнил запасы. Райх стоит некоторое время, затем скрипит снимаемая косуха. Сбросив ботинки, парень забирается на верхнюю полку.

Я закрываю глаза, окутанный его запахом, и неожиданно засыпаю — впервые за много лет, засыпаю на рассвете.

Мне снится Висия и дождь.

Мы выдвигаемся в академию после полудня. Дорогой растягиваемся на целый квартал: Райх тащится последним, перед ним — Триш и Айви, первыми идем я и Тиу.

Парень нарушает молчание:

— Так... какой ключ к порталу? Раймонд... вернулся домой, да? Портал туда ведет?

— Почти наверняка, — поправляю оттягивающую плечо сумку.

— Он не был рад возвращению, я так понял. Его папаша сильно давил авторитетом.

— Да, все верно. Я пока слабо представляю, какая эмоция здесь выбрана ключом. Мне незнакомы подобные переживания, — даже назвать не получается. Слово вертится на кончике языка, но суть не ухватить.

— Повезло, — мрачнеет парень.

— Попробуешь открыть портал? — Тиу бросает на меня короткий взгляд. Жует нижнюю губу. — Если у тебя есть... похожий опыт. Попытка не пытка. У меня были хорошие отношения с отцом, а позже, когда они с мамой погибли на задании, меня воспитывал дед — он был строгим, но справедливым, и всегда во всем поддерживал. Поэтому мне сложно понять чувства Раймонда. Как бы ты их описал?

Тиу молчит некоторое время. Мы сворачиваем в район академии, где много зелени и мало домов. Под ногами — разбитый блестящий асфальт, голубое небо в лужах. Ржавые листья собрались у бордюров. Я пинаю камешек, отправляя далеко вперед. Впервые замечаю, как пустынно, как тихо здесь: ни одного прохожего, хотя до осевого места еще идти и идти.

Кажется, знак сильнее, чем я думал.

Нужно получше присмотреться к нему.

— Мой папаня всегда был недоволен, — осторожно начинает парень, глядя перед собой. — Хотел, чтобы я выучился на автослесаря, а не медбрата: я говорю, что работаю в больнице. С механизмами у меня не складывается. Сам-то папаня всю жизнь проработал продавцом на рынке, держит свою точку, а мечтал о собственном СТО, вот и пристал... Я разочаровал его. Даже раньше еще. Заметил, что бешу, лет в четырнадцать, когда он отправил меня работать к дяде на лето, трубы и вытяжки делать из жести. У меня так себе выходило, у меня все выходит... не очень. Дядя жаловался, а папаня смотрел так... — Тиу махнул рукой, невесело улыбнулся. — Да неважно. Но у меня правда все плохо получается, Гийот постоянно страшно ругается. Не думаю, что смогу открыть портал.

Качаю головой: Тиу рассказал много, но на сам вопрос не ответил. Ходить вокруг да около, избегая цели, — плохая привычка, особенно для мага.

— А ты не думай, это только мешает, — почувствовав чей-то взгляд между лопаток, оборачиваюсь. Райх, кто же еще. Хмыкаю. — Твоя задача — представить или вспомнить, как ты идешь домой к отцу с плохими новостями. Само предчувствие встречи, конфронтации. Это должно быть очень четкое ощущение. Неважно, если ты не можешь назвать его. Просто — проживи. Я думаю, у тебя может получиться.

— Почему? — Мы останавливаемся возле прорехи в заборе. За занавесью дикого винограда виднеется здание академии дель Пеллегрини, черное от времени. Пыльные, разбитые окна наблюдают за нами.

— В конце концов, ты поступил по-своему, как и Раймонд. Вопреки давлению, вы пошли по избранному пути, и оба оказались в Университете.

— Но я не такой страшно ученый и... целеустремленный, — едва ли не по слогам проговаривает парень. Хлопаю его по плечу:

— Расслабься. Я тоже не такой, но, смотри-ка, мы идем Дорогой огня. Как много людей смогли бы этим похвастать?

— Не знаю, — Тиу чешет затылок, — как много?...

Подходят Триш и Айви. Парень отчего-то раскраснелся, его спутница невозмутима, как всегда. Райх тащит ногу за ногу.

— Будьте внимательны: согласно местным новостям, в академии произошло девять убийств только за последние два года. Ось явно активна. Я не уверен, что дело только в портале. Возможно, здесь все же проводились удачные ритуалы призыва темных существ. Я хочу, чтобы все достали оружие и держались настороже. Охраняем Триш.

— В этом нет необходимости, — возражает девушка, пока маги собираются вокруг нее. Пропускаю слова мимо ушей и первым прохожу на территорию академии. Воздух здесь будто звенит от напряжения — странно, в прошлый дышалось легче.

— Открытие портала... что-то изменило, — Райх не то спрашивает, не то утверждает. Я стискиваю зубы и вновь задаюсь вопросом: какого черта, он же пустой? Неужели тоже ощущает давящий за грудиной страх, слабость в коленях и как взмокли ладони — перехватываю удобней пистолет. Он кажется необычно тяжелым. Под ботинками шуршит битый камень, эхо наших шагов далеко разносится по разрушенному зданию. В остальном тишина абсолютна. Когда Айви пинает пустую банку, и она с грохотом скачет вперед по коридору, я позорно вздрагиваю.

— Извините, — морщится парень.

— Как-то здесь... — вновь начинает Райх, сжимая ремень сумки. Осекается, встретившись взглядом со своим отражением в огромном и мутном, разбитом зеркале. Я моргаю, делаю судорожный вдох: его двойник на секунду неуловимо меняется, преломляясь, оскаливаясь чудовищной, нечеловеческой гримасой. Я рядом просто изломанный, Триш и Тиу вообще перепутались в месиве осколков, а далекий Айви уже подходит к нужной аудитории... и все портреты на стенах смотрят ему в спину.

Слова застревают у меня в горле. Тихонько, со свистом, выдыхает Райх. Тиу говорит севшим голосом:

— Страшно. Здесь дико страшно.

Из зеркала доносится стук.

Я отворачиваюсь и командую:

— К порталу! Быстро! — Стук повторяется, уже настойчивей. Вскрикивает Триш поднимая в защитном жесте трость. Цепляю за локоть и почти тащу девушку к дверям — как же они далеко! Обернувшись, вижу пятящегося Райха. Зеркало вздрагивает и идет трещинами, отражение парня превратилось в нечто черное, большое и многорукое, а я вдруг думаю, что зеркало разбили не вандалы, а то, что сейчас пробирается наружу. Под звон стекла кричу пустому и застывшему в ужасе Тиу:

— Бегите!

Райх рывком разворачивается, с силой толкает парня в плечо, и вот они наконец летят к нам. Все происходит будто в замедленной съемке. Белые лица магов перекошены страхом, а портреты вокруг глядят с ненавистью, раскрывая нарисованные рты сначала беззвучно, а потом по ушам бьет нарастающий крик. Я скидываю оружие, отправляя Триш вперед, рычу темное заклятье, ощетиливающееся черным, маслянистым барьером. Чары, неожиданно легко сработав, накрывают парней куполом, отрезают часть коридора. За переливающейся завесой зеркало взрывается осколками. Тиу рефлекторно пригибается, закрывая затылок, спотыкается и пропахивает несколько метров истлевшего паласа. Неуклюже поднимается на колени. Из разбитого носа течет кровь.

— Вставай! — Райх замер у двери и с ужасом смотрит на подобравшееся к барьеру чудовище. Лицами они похожи, как близнецы, только существо изломано, многоруко и явно мертво. Сизая кожа обвисла на костях, несколько скрюченных конечностей тянутся к нам,

второй рот открывается прямо в шею — продолжный, с несколькими рядами желтых зубов. Монстр рычит, бросаясь на тонкую защиту. Я стреляю, попадаю в грудь. Чудовище-Райх с ревом обрушивается на преграду. Оно будто не вполне владеет новым телом, но полно магии: по барьеру волной расходится дрожь, выступают мутные капли — падая дождем, с шипением разъедают пол.

— Тиу! К порталу! Сейчас! — Существо продолжает биться, слой за слоем истончая барьер, коридор начинает затягивать едкой дымкой ядовитых испарений. Я закашливаюсь, вдохнув, расстреливаю обойму — без видимого результата, — и тороплюсь в аудиторию, по пути хватая Тиу за шиворот, пихая Райха в спину:

— Барьер скоро падет! — Сердце колотится в груди каменной глыбой, шею сдавливает спазм. Горло ужасно дерет: стоило задержать дыхание. Перепрыгивая через ступеньки, мы бежим к пролому возле кафедры, где уже исчезает макушка Айви. Тиу снова падает, кубарем скатываясь вниз, я прыгаю последним. Сильно приложившись коленом о металл сигила, прикусываю язык и шиплю от боли. Хромаю на свет, согнувшись в три погибели: Триш нашла сердце заклинания и уже ждет нас.

— Тиу! Ты открываешь! Вы все, сосредоточьтесь, — в коридоре продолжают вопить портреты, а чудовище издает хриплый визг, ввинчивающийся в череп мигренью. — Черт! Абстрагируйтесь! — Легко сказать, сделать — почти невозможно. Колдовать тоже нельзя: любые чары могут войти в резонанс с порталом, и когда существо прорвет барьер, второго не поставит... нет, не об этом нужно думать:

— Вы едете домой, вам предстоит сложный разговор с родителями! — Перекрикивая все звуки, расставляю людей по сигилу, как шахматные фигуры перед боем: Айви рядом, ближе к дыре, чтобы помог сразиться с чудовищем, Тиу и Триш в тыл, Райха забываю посередине — черт с ним, не пропадет. — Вам важно отстоять свою позицию, но вы чертовски боитесь испортить отношения, а они и так хуже некуда! Вам страшно? Тревожно? Вы полны решимости? Я не знаю, какой ключ открывает портал, но он нужен срочно! Забудьте о твари, я и Айви позаботимся о ней! Представляйте!

Умолкаю, тяжело дыша. Кашель разрывает грудь, но я сдерживаюсь, чтобы не пугать ребят еще больше. Нашариваю в сумке заколдованный нож, как раз для встречи с темными существами — твою мать, лучше бы зачаровал патроны. На секунду зажмуриваюсь до белых пятен под веками, считаю вдохи-выдохи. Оглядываюсь на притихших магов: стоят на коленях, ладони замыкают знак, глаза закрыты. Белая футболка Тиу залита кровью. Перехватываю взгляд Райха — неожиданно темный, штормовой. Парень будто хочет что-то сказать, но прикусывает губу. Наверху раздается треск, с каким рвется бумажный пакет.

Крики смолкают. Сглатываю горькую слюну, задираю голову, прислушиваясь. Тихо, только хлюпает носом Тиу.

Но вот... скрипит дверь. Холод сковывает внутренности, волоски на затылке поднимаются дыбом. Неуклюжие шаги приближаются — существо из зеркала волочит ноги, спускаясь вниз по ступенькам. Шаг за шагом. Я стискиваю зубы, смотрю на сосредоточенных магов: скорей! Айви передергивает затвор пистолета. Шаги приближаются. Деревянный пол над нами тонко поскрипывает, сыплется пыль. Страх ледяными иголками пронзает позвоночник. Сжимаю нож, хочется кричать.

Давайте же, давайте!

Свет из пролома колеблется: существо наклоняется над дырой. Задерживаю дыхание.

— Это плохая идея, идем отсюда, — вдруг произносит высокий от ужаса женский

голос. Я вздрагиваю, быстро оглядываюсь. Не сразу понимаю, что говорит чудовище — вспоминает:

— Брось, боишься привидений? Здесь даже бездомных нет, пошли! На крыше самый кайф! — Уговаривает девушку парень, наверняка уже мертвый, сожранный существом. А теперь оно нацелилось съесть нас, чтобы позже заговорить новыми голосами. — Не бойся, все хорошо.

— Все хорошо, — чудовище переходит на шепот, а потом спрыгивает в подпол. Айви начинает стрелять в темный силуэт, заставляя его качнуться назад, но тут же существо несколькими рваными прыжками оказывается рядом и вцепляется Айви в горло. Одним движением отсекаю разлагающуюся руку — плоть расходитя под лезвием легко, распадается черными пузырями. Костей и мышц внутри не оказывается. Существо визжит, сильный энергетический удар приходится мне в висок, на мгновение выключая зрение. Трясу головой, взмахиваю ножом — тварь снова яростно взвизгивает и выплевывает магический импульс. Солнечное сплетение взрывается болью, меня отбрасывает на острые линии знака. Горячие линии! Гремят выстрелы. Я вижу размытого монстра, в лице которого затягиваются дыры, и Айви, зачем-то судорожно перезаряжающего пистолет. Дурак, не поможет же! Пошатнувшись, я встаю, ударяюсь макушкой о низкий потолок. Перед глазами пляшут круги, в ушах стоит надсадный звон. Существо открывает рот на шее и издает крик, сплетенный из множества — так кричали портреты, и люди, которых оно убивало.

Бросаюсь вперед, когда знак под ногами наливался красным. Чудовище уклоняется от удара, но я достаю его следующим — в сочленение рук, часть отваливается или повисает мертвым грузом. Тяжелый свет, мерцая, поднимается вверх, затапливая помещение. У нас получается! Нужно скорее убить существо или вытолкнуть с сигила!

Сбросив отрезанные конечности, оно опять бьет: волна ряби выстреливает в отползающего Айви, задевает меня — внутренности будто обращаются в камень. Я кричу от боли и, перехватив нож за острие, кидаю в голову чудовищу. В этот момент портал вспыхивает ослепительным белым. Закрываясь, пытаюсь разглядеть монстра, но не вижу ничего. Звуки тоже исчезают, стерты переходом, остается лишь мое тяжелое, хриплое дыхание.

— Айви? — Говорю я, чтобы что-нибудь сказать. Белизна вокруг колышется, поглощая слова. Медленно опускаюсь на колени. Мир кружится и пульсирует, горький на вкус. Зажмурившись, нащупываю пол — неплотно подогнанные доски, гладкие и явно новые. Я перенесся. Но где остальные?...

Беспощадный свет горит целую вечность. Несколько раз начинаю считать секунды, но сбиваюсь. Пытаюсь ходить в недостроенной реальности, но быстро возвращаюсь назад, шаг в шаг: вдруг материализуюсь в стене или зависшим в воздухе. Глаза пекут, пылает кожа на груди и лице, во рту — вкус крови. Сплюываю красную слюну, она исчезает в клубящейся белизне. Снова зову:

— Айви! Триш! — Никого. Тревога сжимает сердце. Я сажусь, вытягивая ноги, и считаю заново.

На двенадцатой минуте свет сереет. На двадцать восьмой появляются очертания стен, узкие арочные окошки. Купольный потолок — я понимаю, что нахожусь в круглой, абсолютно пустой комнате под самой крышей. Еще минуту спустя вижу крутые ступеньки вниз. Осторожно спускаюсь, цепляясь за перила. Внутренности полыхают огнем, а ноги подгибаются от слабости. Туман вокруг неторопливо рассеивается, и вскоре я нахожу себя

этажом ниже в похожем помещении, только здесь стоит старинная, высокая, украшенная резьбой кровать, несколько явно антикварных столиков и диванов, большой шкаф: спальня. Еще ниже располагается нечто вроде кабинета — рабочий стол в центре и пара кресел, полки, уставленные книгами. Здесь, на потертом ковре, я нахожу лежащего без сознания Айви. И только сейчас замечаю протянутые везде тонкие веревки, ограждающие мебель, таблички с номерами и подписями. Неуклюже роняю пару оказавшихся на пути столбиков.

— Айви, — распухший язык еле ворочается во рту. Диагностическое заклинание тоже никак не выходит, чертовы рычащие согласные! Плюнув, устанавливаю барьер — на всякий случай, — нащупываю пульс, слушаю ровное и хриплое дыхание. Нужно найти Тиу. Оставляю парня, спускаясь дальше.

В гостиной ниже никого, холл первого этажа тоже пуст. Оглядываюсь, не сразу замечая дверь под лестницей, явно для прислуги. Приоткрытую дверь.

Почти скатываюсь со ступеней, слышав голоса.

— Эрлах, — Триш склоняет голову набок. Из бледных глаз сочится кровь, бордовые дорожки протянулись от ушей по шее, платье безнадежно испорчено. Тиу выглядит еще хуже: нос сильно распух, и рассечение на лбу кажется довольно глубоким. — Тебе нужна помощь.

Отмахиваюсь:

— После. Айви наверху без сознания, я не смог его добудиться. Тиу, пойдем, осмотришь его. Вы все в порядке?

Триш пожимает плечами: более-менее. Невредимый на вид Райх кивает. Под нашими ногами мерцают искры в плиточном узоре. Портал выложен совсем на виду, посреди кухонного пола. Годами по знаку ходила прислуга, а потом — экскурсии, и никто и подумать не мог...

— Еще один шаг по Дороге огня, — улыбается Триш. Тиу уже топает вверх. Я прислоняюсь к стене. Боль пульсирует в горле, за ребрами, свернулась тугим комом в животе. Выдыхаю:

— Да. Осталось еще три.

Со стоном падаю на кровать в номере.

— Боже, наконец-то, — выдыхаю, неуклюже стягивая пальто. Райх глядит нечитаемо, достает самокрутку и отходит к распахнутому окну. Там — обжигающе-красный закат, крыши уходят к горизонту. Гудят машины, из ближайшего кафе доносится музыка. Мы на четвертом этаже, отсюда далеко видно — огненные реки уличных огней, черные лакуны парков. Рим. Говорят, все дороги рано или поздно приводят сюда, и наша не исключение.

— Ты живой? — Спрашивает Райх, опираясь на перила узкого балкона. Холодно, дует, но от меня воняет рвотой и мертвым чудовищем, поэтому пусть сквозняк ерошит волосы. Мотаю головой, хотя парень смотрит вниз: не особо, последние два часа меня рвало комковатой слизью от каких-то таблеток, а потом покрасневший пятнами Тиу принес новое снадобье и признался, что прошлое он выбрал неправильно. Теперь тошнота ушла, боль почти прекратилась. Отголоски еще покалывают внизу живота и в пояснице, но это привычно.

— Если б не он открыл портал, прибил бы к чертям, — отправил бы домой, вернее сказать. Райх хмыкает:

— Сомневаюсь.

— Почему? — Нам достался один на двоих номер. Наверное, лучший расклад из имеющихся: Райх молчалив и вполне благодушен, если под кайфом, а под кайфом он почти всегда.

— Ты добрее, чем хочешь казаться, — парень выдыхает дым. Белесые узоры на миг искажают лицо, накладываясь уродливой маской поверх. Я вздрагиваю, вспоминая похожее на труп существо. Надеюсь, оно сгнуло в портале. Мой нож вот исчез. Нужно будет изготовить замену.

— Сейчас не время для скандалов и наказаний. Тиу прекрасно знает свои слабые стороны, ему бы подумать о сильных.

Я поговорю с ним позже.

— Это каких? С порталом ему просто повезло.

Неправда — молчу. Некоторым не открыть портал никогда. Райх расценивает тишину иначе:

— Каждый маг на такое способен, — если он не пустой — повисает в воздухе. — Даже Раймонд Аваддон прошел Дорогой огня, а ты говорил, он был очень слабым.

— Я сказал иначе: его стихии находились в равновесии, а значит — спорили за главенство, и ни одну он толком не мог использовать. Подобных называют природно нестабильными. Им очень сложно колдовать, любые чары требуют невероятной концентрации усилий. Поэтому Раймонд достоин восхищения, как и Тиу: у парня хорошие показатели, но что-то в его голове расшатывает всю систему. Переступить через самое себя — настоящий подвиг.

— Тоже мне, подвиг, — Райх со смешком гасит окурок и отправляет щелчком вниз. Поворачивается, опираясь на перила локтями. Гаснущий свет блестит в металле сережек, пугается в растрепанных черных волосах. Обычно серебрянные, глаза кажутся фиолетовыми. Красивый, неглупый, семья открывает бесчисленные возможности — а туда же, зацепился за свою пустоту и страдает по несбыточному:

— Ты сказал: в пустых тоже есть магия, — его лицо застывает.

— Я слышал подобную теорию, — вот, что не дает ему покоя. Осторожно подбираю слова:

— Только теорию, — выдерживаю тяжелый взгляд. Выдыхаю:

— Я не знаю, как помочь освободиться твоей силе. Даже про свою не знаю. Но это не значит, что шансов нет, — тру виски, зажмурившись. Ужасно хочется спать, но в голове звенят слова Плутона: вина, Эрлах. Ваша главная слабость. Она парализует тебя. Заставляет искать силу внутри, а не снаружи. — Всегда есть единственный ключ, отпирающий волшебство. Сегодня Тиу нашел свой в отношениях с отцом. Ты отыщешь собственный в другом месте — или нет. Я бы хотел помочь, и если могу что-то сделать...

— Можешь, — Райх хмурится. — Перестать тогда нести чушь про скрытые возможности. Только бесишь. Перестань быть добреньким с этими придурками: так мы провалим всю миссию. Сегодня Айви конкретно облажался, вцепившись в бесполезный пистолет, и ничем тебе не помог, нас всех могли убить. А твой обожаемый Тиу открывал портал сраную вечность — вот ведь молодец! Триш... вообще не понимаю, зачем она здесь. Она...

— А ты? Зачем ты здесь? — Сощуриваюсь, рассматривая парня. — Ты можешь вернуться домой хоть сейчас, я лично куплю билет на самолет.

Райх кривится и отворачивается к потемневшему небу. Глухо отвечает:

— У меня дома... как у Раймонда было, наверное. Я часто ругаюсь с отцом. Лучше...

— Лучше быть сожранным темным существом?

— Вроде того, — с явной неохотой говорит он. Сейчас снова закроется, но пока откровенен, я спрашиваю:

— Ты злишься потому, что мог бы открыть портал сам, если бы владел магией?

Райх молчит. Тонкие пальцы вертят снятое кольцо. Все, откровения закончились.

Ладно.

Зевнув, отворачиваюсь к стене. Чувствую себя страшно, — о господи, опять это словечко, — грязным. Ужасно холодно, а вытянуть плед из-под себя нет никаких сил. Накидываю пальто на плечи и делаю глубокий вдох. Запах дождя наполняет легкие. Далекий уличный шум обволакивает. Засыпаю легко, стоит смежить веки. Шепчу в полудреме:

— Спокойной ночи, Висия.

— Спокойной ночи, Эрлах, — доносится в ответ.

На рассвете я долго смотрю в телефон, а потом сажусь, шипя ругательства.

— Что такое? — Растрепанная голова Райха приподнимается над подушкой. Воздух в комнате синий, сумеречный, и ледяной — меня бьет дрожь, руки покрыты мурашками. Запускаю пальцы в волосы и на секунду закрываю глаза. Черт!

— Эрлах! — Парень тоже садится, спуская босые ноги на пол. В растянутой футболке и шортах он выглядит младше и уютней.

— Нас не было месяц! Сначала я подумал, что дата сбилась, но проверил — нет. Портал сожрал двадцать восемь дней!

— Да ладно, — он тянется за смартфоном, а я уже обуваюсь. — Ты куда?

— Мне нужно позвонить, — вот, почему за окном несется мелкий колючий снег, хотя еще вчера ветер был только по-осеннему свеж! Вот, откуда первые рождественские украшения в витринах магазинов... твою мать!

Выхожу в пустынный коридор, натягивая по пути пальто. Сбегаю по лестнице, киваю сонному администратору на рецепции и выхожу на улицу. Сразу закутываюсь плотней: холод забирается под одежду, снежинки жалят лицо. Отойдя под защиту навеса ресторана через дорогу, опускаюсь на заснеженную скамейку и набираю Смуглянку.

Он берет трубку сразу, будто ожидал звонка. Голос спокойный и заспанный. Ловлю себя на улыбке: слава богу, они в безопасности.

— Все хорошо капитан. Ну, то есть, здесь умереть как холодно, половина ребят переболели, но зато это первые наши учения зимой. Вылезла куча проблем, которые давно пора порешать. Продуктивно выходит, так что почти никто не ноет.

— Из Университета есть новости?

Парень хмыкает:

— Гийот сказал, Моню там разорвало от злости. Орал на всю администрацию и даже уволил кого-то из своих. Охотники оборжались и злорадствуют, что нам прилетит по возвращении. — Смуглянка замолкает, продолжает осторожно, в голосе чувствуется горечь и непонимание:

— Говорят, мы труслили и сбежали, Эрлах... мы... мы звонили Гийоту потому, что волновались: ты пропал. Я рад, что нашелся. Скажи... все... идет по плану?

Тру переносицу:

— Считаю, что это я — трусил. Вы только выполняете приказ. Сейчас я приказываю

продолжать учения, какие бы слухи до вас не доходили. Это более важная миссия, чем умереть в Отрезке. Ты согласен?

— Да, — он отвечает не задумываясь.

— Хорошо. Передавай от меня привет ребятам и Олафу. У нас все нормально. Я могу снова пропасть — непредвиденные обстоятельства, но ничего опасного, — вспоминаю мертвое существо с лицом Райха и морщусь:

— Будь осторожен, — произносим одновременно.

— Буду, — обещаю, завершив звонок. И сразу же набираю Нину.

Волшебница звучит устало, тревожно. Пьяно тянет слова и путается, торопится рассказать:

— Они отправили первую... группу! Меня не взяли... чертов Адамон ни в какую...

— Ты обещала оставаться связным в Университете, — обрываю, плотней прижимая трубку к уху.

— Там мой брат! — Вспыхивает Нина. — Среди тварей Отрезка!

— Уверен, он в порядке, — не думаю, что Плутон решится начать знакомство с убийства. Тварь умнее. — Кого отправили?

— Энид, — выдыхает имя девушки Кана. Ну конечно же. Бедный влюбленный Смуглянка. — Рики Беата, шпион Совета. Из огненных — Илай и Ниль, его нянька. Карс Чесси и Давид из охотников, Хикан из техников, из наших Эйса — его папаша перехватил перед учениями и отправил.

Стискиваю зубы: что же Хайме за отец такой, посылать сына на верную смерть. Выродок.

— Они ищут тебя, — она срывается в шепот. — Считают, ты бросил вызов Совету. Тебя хотят сместить.

— Я знаю, — но в груди все равно холодеет.

— Если это случится... они будут рады стереть тебе память и выкинуть из Университета. Ты слишком сильный соперник Гофолии.

— Я знаю, — повторяю, растирая ноющую шею. Ветер путает волосы, бросает в лицо. Если я забуду магию... исчезнет пятнадцать лет моей жизни. Миссии, путешествия, чудеса. Созданные чары, покоренные заклятия. Исчезнут мама и папа, их сказки на ночь о жутких чудовищах и храбрых охотниках. Пропадут мои друзья — навсегда, будто и не было.

Висия исчезнет. Зарин и Наас, чертова тварь. Что останется без них?

Кривлю губы в улыбке: ничего. Какая ирония, без магии я даже более пустой, чем Райх Ирве.

— Эрлах? — Нина на том конце пьяно всхлипывает. Только этого не хватало.

— Все будет хорошо. Мы вернем их. И я никуда не исчезну, обещаю.

— Л-ладно, — ее голос дрожит. — Я... ко мне приходил Ульрих Пата вчера. Охотник, жених Сано. Ее отправят в Отрезок следующей группой, приказ уже подписан, — закрываю глаза. Сано. Я надеялся, Гийот спрячет девушку в лазарете. — Он будто что-то знает и хочет помочь нам. Я могу ему верить?

Хотел бы я знать. Качаю головой:

— Отправь к Гийоту, он разберется. Пусть сам решит — попроси его. Будь осторожна, тебя не должны заподозрить.

— Я осторожна, — хмыкаю:

— Ты пьяна. Завязывай с этим и с дурью, по крайней мере, сейчас. Ты нужна Кану

здесь.

Нина не отвечает, только дышит в трубку. Поднимаю глаза к синеющему небу и вижу силуэт Райха на фоне освещенного окна. Огонек самокрутки — еще один любитель смотреть на мир сквозь дымку забытья. Нину терзает огонь, а какие демоны мучают пустого?...

— Береги себя, Нина, — почти шепчу девушке. — Пожалуйста.

Закончив разговор, стремительным шагом возвращаюсь в отель, в номер. Переодеваюсь под пристальным взглядом Райха, забираю книги и дневник Раймонда Аваддона, бросаю:

— Спи, сегодня весь день свободен, — а мне нужно поработать. Страх исчезнуть вместе с памятью о магии заставляет сердце частить, а ладони — потеть. Я тороплюсь устроиться в кресле в пустой гостиной, перед панорамным окном. На улице появляются первые прохожие, усиливается снегопад. Люди бредут, пряча лица от ветра, а руки — в карманах. Под пальцами теплеют бумага и тонкие, летящие строчки, написанные давно ушедшим магом. Великим, не таким, как я — его будут помнить и после моей смерти, а обо мне забудут очень скоро...

— Если только я не стану Советником, — слово за словом, строится перевод. В комнате светлеет, тянутся на завтрак в открывшийся ресторан постояльцы. Возле локтя появляются чашка кофе и круассан. Улыбаюсь:

— Спасибо, — еще бледный Айви с ожерельем синяков на шее кивает и, разувшись, устраивается с ногами в соседнем кресле. Под глазами у него разлились чернильные тени, подбородок и кисти разбиты — ничего, заживет. Парень утыкается в телефон, и я быстро забываю о его существовании. Вскоре подходят и устраиваются на диване Триш с Тиу, угрюмый Райх опускается прямо на ковер возле моего кресла.

Я наконец чувствую, что начинаю согреваться.

— Скоро Рождество, — говорит Тиу.

Да.

— Давайте пойдем за пиццей? — Райх закинул ноги на подлокотник кресла и вертит в руках портсигар. Я думаю, что надо было выкрасть его для проклятия тишины: за последнюю неделю мне порядком надоел стойкий травяной аромат нашего номера — даже запах дождя перекрывает. Перелистываю страницу словаря и тру уставшие, пекущие глаза. Смотрю на часы: десять, пора сделать перерыв на ужин.

У нас сформировался определенный график. Встреча в холле отеля, прогулка и поиск кафе для завтрака — неизменно с долгими спорами, если только на улице не слишком холодно. После я сажусь продолжать перевод, Триш устраивается рядом с книгой для слепых, а парни уходят шататься по городу.

— Чего я там не видела, — отмахнулась девушка на предложение погулять в первый день. Айви густо покраснел и ретировался под залиvistый смех Райха.

Ребята подтягиваются ближе к вечеру и утыкаются в телефоны, в десять — ужин, обсуждение перевода. Переливание из пустого в порожнее, так как ничего внятного Раймонд о своей академии не писал:

— Поддерживаю пиццу, у меня скоро голова взорвется от адской смеси языков, которую он тут нагородил. И главное — ни о чем. Рассказывает, как важно нести знания в массы, как любит своих учеников и вести занятия. О нескольких самых одаренных подопечных расписал полторы страницы! Я уже понял, что ему было свойственно человеколюбие, но для ключа это — слишком абстрактно.

— Нужно пробовать, — дергает плечом Триш. — Если ты говоришь, что больше там ничего нет — значит, именно про чувства к ученикам нам и достаточно знать.

— Тебе не кажется это не особенно личным? — Но что-то, скрывающееся между строк, привело Раймонда в академию дель Пеллегрини, а мы уже выяснили, все нужные эмоции в дневнике: страсть отправила его в монастырь бенедиктинцев и запустила портал — из. Дальше, мальчик повзрослел и стал ученым. Сложные отношения с отцом вернули будущего мага домой и открыли путь к преподаванию, пусть вначале Раймонду пришлось вести ненавистную теософию. Постепенно из этого выросло нечто искреннее и сильное, чему даже набожная семья не смогла помешать: он все же защитил степень по философии и продолжил алхимические изыскания, вопреки воле стареющего отца. Был вынужден занять тесную университетскую квартиру, куда хуже собственного флигеля в поместье ди Алдо. Уверен, портал приведет нас туда.

— Я не знаю, — девушка утаскивает со стола переведенные страницы и закрывает глаза, касаясь губами листков. Уголок пергамента шевелится от дыхания, Айви забывает про игрушку в телефоне. Триш улыбается, гладит старую бумагу:

— Ему было тепло писать об этом. Я бы попробовала завтра... счастье, просто счастье. Он ведь был по-настоящему счастлив в академии.

— Вдруг сработает? — Соглашается-спрашивает Айви, глядя на девушку.

— Давайте завтра пойдем? — Выпрямляется Тиу. На широком лице — оживление. Надоел Рим или хочется снова открыть портал? Счастье — его стихия.

Моя тоже, но здесь я не помощник.

Все достаточно яркие воспоминания испорчены виной, а фантазии просто не хватает.

— Да, утром выдвигаемся, — и впервые собираемся быстро, никого не ждем. Наскоро перекусываем в ресторане при отеле и торопимся заскочить в ближайшее белое пятно — набивший оскомину Пантеон, — а затем едем до особняка, где раньше жил Лукреций ди Алдо, а сейчас открыли музей. Не особенно популярный, судя по пустоте залов. Конечно: ось портала всегда частично активна и отпугивает посторонних. Мне резко становится не по себе — стоит переступить порог флигеля. Ребята бледнеют, стихают разговоры.

Работники залов ходят по пятам, порываясь рассказать больше о представленных экспонатах. Приходится слушать и ждать новых посетителей, чтобы сбежать и добраться до флигеля, спуститься в подвал, в кухню. Идущий последним Райх плотно притворяет дверь. Мы зажигаем фонари: свет преломляется в медной посуде, путается среди развешанных трав и связок пластмассовых овощей. Опускаемся на колени перед очагом, в сердце знака, где обрываются-сходятся все линии.

— Итак: счастье. Скорее всего счастье, разделенное с близкими по духу людьми, — я наклоняю голову, чтобы волосы скрыли лицо. — Попробуйте все, это простое чувство.

Взгляд стоящего в отдалении Райха упирается между лопаток. Поежившись, закрываю глаза. Усилим переносим в первый день в Университете, когда все казалось по-настоящему волшебным, даже цвета были ярче, а звуки — чище, воздух пах отцветающими деревьям, надвигающимся летним зноем. Я тогда знал, чего ожидать: родители рассказывали, но все равно дыхание перехватило, стоило оказаться на площади возле бара. Сопровождающий мог и не показывать: громаду тренировочного корпуса сложно с чем-то спутать. А слева — учебные аудитории с балконами, откуда папа однажды неудачно слевитировал, выдвываясь перед мамой, и сломал ногу. По правую руку — склады, оружейные и продовольственные, а в баре позади разыгрывается местная группа с убогим,

переходящим из поколение в поколение названием "Чародеи". Я жил историями о волшебниках — настоящих волшебниках, с реальными именами и судьбами, — всю свою жизнь, и вот, наконец, Университет.

Под опущенными веками картинка — сумерки, высокие тополя метут небо, зажигаются первые звезды. Над зеленой площадью мерцают наколдованные огоньки, звучат смех и гитарные переборы. Расположившиеся прямо на траве маги собрались в большой круг и о чем-то жарко спорят. Меня тянут к ним — знакомиться.

Набираю полную грудь вечернего ветра и делаю шаг. Разглядываю счастливые лица, ощущая себя частью этого мира, этой семьи.

Понимаю: я дома.

Медленно выдыхаю, но ничего не происходит. Портал спит, и даже широкая, по-детски открытая улыбка Тиу не в состоянии его разбудить.

— Еще, — еле слышно просит Триш. Айви сводит брови на переносице. Я послушно вспоминаю вторые мои учения в роли капитана. Как блок искателей в полном составе шел за мной через лес, как гудели, предвкушая приключения, переправлялись вброд через ледяную речку, ставили палатки и разжигали костры... простые вещи, почти без магии — самые ценные. Я вижу своих ребят, склонившихся над картой и зачарованными предметами в попытке разгадать зону обитания искомым существ. В груди теплеет от гордости.

— Чувствую себя дураком, сидя на полу посреди кухни, — жалуется Тиу, и память подводит. Я возвращаюсь в реальность.

— Не получается, — констатирует Айви. Триш хмурится, растирает замерзшие от прикосновения к ледяному камню ладони.

— Значит, не счастье. Давайте попробуем гордость, — предлагаю, прислушиваясь к шагам наверху. Надеюсь, нас пока не ищут. Мы успеваем проверить еще удовлетворение, вдохновение, азарт и интерес — после идеи кончаются, и приходится покидать холодный подвал.

— Да уж, — говорит Райх, но выглядит вполне довольным.

— Радуюсь, что не один без магии сегодня? — Ехидно улыбается Айви. Неделя прогулок по Риму сдружила парней, и Райх в ответ вполне добродушно скалится, а Тиу фыркает от смеха.

— Лучше так, чем как в прошлый раз. Та сраная тварь нас чуть не угробила. Если б вы еще медленней запускали портал...

— Да ну тебя, — отмахивается блондин, — и это не тварь была, а темное существо.

— Не вижу особой разницы, — парень хмурится, прикусывая губу.

— Тварь — создается магами из огня и части души. Существа размножаются сами, даже если изначальные родились вследствие магического катаклизма, — автоматически перехожу на лекционный тон. Заправив волосы за уши, прячу руки в карманах. Сегодня солнечно, в блеклом небе летят птичьи стаи. Улица перед нами — сплошь рождественские витрины, праздничная музыка, блестящая мишура. Где мы встретим новый год?...

— А чем темные существа отличаются... от не-темных? — Покраснев, интересуется Тиу. Боже, за что его Гийот терпит?

— Я играю с его дочкой, — стискиваю зубы: черт, забылся, спросил вслух. — Она... с особенностями. Раньше с ней мама сидела, но когда ее не стало — вот я подвернулся. Мы хорошо ладим.

— Прости, — склоняю голову набок. Тиу пожимает плечами:

— Все нормально. Я страшно забывчивый, вон про существ — учил точно, но ничего не помню.

— Темные — значит, агрессивные. В основном такие живут у осевых мест, тянут энергию распада и смерти. Если встречают кого-то живого, более слабого — убивают. Пожирают его боль и страх. Не-темные существа чаще питаются от природных источников, вроде аномальных зон, где залежи колдовских минералов или растет что-нибудь волшебное; бывает, паразитируют на более сильных видах, у которых магии через край. Они редко атакуют, только в случае угрозы. Наше существо определено темное.

— Почему оно... так выглядело? — Кривится Райх, вспоминая. Натягивает капюшон черного худи, прячет ладони под мышки. С усилием отворачиваюсь и невидяще смотрю перед собой: он совершенно не похож на Висию, почему же меня так тянет — наблюдать, держаться рядом... чертов запах? Неужели так мало?...

— Что-то в тебе есть притягательное, видать, — пожимает плечами Тиу. — Кто их разберет?

Я чувствую, что краснею. Чтобы отвлечься, вспоминаю выдержки из Валентиновых книг:

— Обычно темные существа, подобно тварям, предпочитают атаковать огненных магов или проклятых. Возможно, на тебе лежит проклятье твари — Гийот разве не проверял?

— Откуда ты знаешь? — Подозрительно щурится парень. Прикусываю язык: тот дождливый день, когда я впервые увидел Райха Ирве. Гийот сказал держаться от него подальше, а потом увел в сторону лазарета.

— Просто знаю, — мы подходим к отелю, и я впервые жалею, что не живу в отдельном номере.

— Ты пробивал информацию обо мне? — продолжая разговор, Райх замирает посреди комнаты со скрещенными на груди руками. Запихнув сумку под кровать, останавливаюсь напротив. Райх чуть ниже и тоньше, и я думаю, что легко одолею его, если полезет драться — а выглядит, будто хочет. Глаза приобрели стальной оттенок, играет желваками.

— А что, я мог найти много интересного? Кроме проблем с наркотиками?

— Говоришь, как старик, — кривится. — Проблемы с наркотиками! Да что ты в этом понимаешь?

— Я управляю целым подразделением подобных тебе — бунтующих и отчаянных. Не воображай себя таким загадочным, — хмыкнув, вытягиваю из его нагрудного кармана портсигар. Пересчитываю самокрутки: хватит на пару дней. Щелкнув пальцами, зажигаю в ладони крохотный огонек. Райх глядит, затаив дыхание. Прикуриваю косяк и выдыхаю горький дым ему в лицо:

— Тебе нужно научиться расслабляться другими способами, если хочешь остаться в Университете.

— Остаться? — Завороженно смотрит мне в рот. — Я же пустой, как я могу...

— В моем блоке есть пустой, Сойт Роэн. Один из лучших. Если продержишься эту миссию, я вас познакомлю. Узнаешь, как быть магом без магии. Или папочка будет против?

Райх морщится: я попал в точку.

— Тебе необязательно зависеть от него, — в последний раз затянувшись, вкладываю самокрутку в яркие губы. Горячие. Весь он — будто пылает, и мне не странно, что существо выбрало Райха Ирве своим двойником.

Странно самому выбирать.

Они очень похожи с Висией. И — абсолютно разные.

— Мы попробуем открыть портал еще раз, завтра, — шагнув назад, отворачиваюсь к кровати, снимаю пальто и колючий шарф. — Рано или поздно у нас получится, как получилось у Раймонда Аваддона. Я собираюсь перечитать все переведенные записи, чтобы лучше понять его. Хочешь присоединиться?

Мы пробуем снова и снова — без результата. Работники залов и охрана уже знают нас как студентов, изучающих жизнь семейства ди Алдо. Приходится тратить часть времени на экскурсии по особняку, чтобы не вызывать подозрений.

Все сложнее сосредотачиваться на портале. Я чувствую раздражение и неясную тревогу от близости Райха, от невозможности побыть одному — даже во время одиноких прогулок по городу моя голова забита строчками из чужого дневника, вариантами переводов, неясными трактовками. Вот бы прийти с этими текстами к Валентину, спрятаться от назойливого мира в гудящей тишине его кабинета, выпить ягодного чаю с пирогом из кафетерия, и спокойно все разобрать. Расплести каждое чертово слово и найти ключ! Он кажется таким близким — уверен, мы даже пробовали, просто не дожали... Твою мать!

— Рассредоточимся, встречаемся через полчаса в подвале, — команду вполголоса, сворачивая вслед за Триш в зал, где собраны личные вещи Раймонда Аваддона — или Лукреция ди Алдо, как написано на табличках. Здесь много алхимических книг, гравюр и схем — боже, я надеюсь, он не Великое Деяние ключом зашифровал, это мы будем до окончания века пробовать все чувства от разочарования до триумфа.

— Последнее вряд ли, — улыбается Триш. Видимо, я рассуждал вслух.

— Тогда что? Я уже не знаю, — останавливаюсь возле старинного глобуса. Триш обходит помещение вдоль заградительных веревок. Застывшая у входа служащая музея следит за ее уверенными движениями.

— Ты как раз и должен знать, ты ведь тоже... своего рода преподаватель, — она останавливается возле стенда с работами самых юных учеников — сплошь рисунки, иллюстрирующие сцены из библии, и старательно украшенные вензелями псалмы.

— Раймонд очень много места уделил рассказам о благотворительной работе с детьми и устранению неграмотности у взрослых из низшего сословия. Он учил их чтению и правописанию, основам религии и философии. Посмотри на все эти стихи, прочитай: они выбирали самое доброе, что было в христианстве. Как мило, и довольно наивно. Я учу находить магию, охотиться — на людей, тварей, существ и сущностей, на самого дьявола, если он есть. Я встречал множество демонов, мелких и чудовищно сильных, но ни одного ангела, поэтому никогда не говорю о рае. Только об обитателях ада. Мои ребята совсем не похожи на этих детей, не напоминают и жадных до знаний студентов — скорее одиночек, согнанных вместе. Я помогаю им выживать, а не верить в чудеса. Поэтому не вижу общего.

— Если есть ад, то и рай существует, — возражает девушка.

— Совершенно необязательно, сама знаешь, — это несправедливый мир.

Я отворачиваюсь к окну. В темном небе тесно от грозовых туч. К вечеру будет метель. Снова. Как же осточертело. Не только мне: Айви тоже заметно стух, помрачнел лицом и даже перестал сыпать вопросами — все больше молчит, играет в телефон. Видимо, холодность девушки принесла плоды. Тиу завел неопрятную бородку и привычку бродить в одиночестве по Риму дни напролет, а Райх... слушает музыку, изучает прихваченный мной bestiary Люмьера, серебристый взгляд то и дело сверлит мне затылок. Нет, иногда я

совсем не люблю быть капитаном, куда уж здесь до благостного счастья, как у Раймонда.

— Ты прав, — Триш поднимает голову. — Это несправедливо, но вообще-то вся жизнь века назад была несправедливой. Жестокой, выматывающей, короткой. Раймонд пытался сделать ее чуточку светлее, показывая бедным людям доброго, сострадательного бога и расширяя знания об устройстве мира... и... вот это мы еще не пробовали!

— Что? — Не понимаю я.

— Сострадание, — на секунду она будто смотрит мне прямо в глаза. — Разве не это толкнуло тебя на Дорогу огня? Возможно, и его тоже.

Сжимаю кулаки:

— Я здесь ради мести, и справедливости. Свободы, — и чтобы превратить Университет в то прекрасное место из папиных сказок, где каждая миссия — приключение, любой волшебник — друг. Боже, как пошло звучит. Ни за что не скажу это вслух.

Отворачиваюсь и произношу чары невидимости. Триш говорит мне в спину:

— Ты ошибаешься, и если бы перестал врать себе, мы бы давно добрались до конца. Что, кстати, в конце? Ты станешь Советником — а дальше?

— Избавлюсь от Хайме и его свиты, — служащая музея, заморгав и рассеянно оглядевшись, выходит из комнаты. Потеряла нас. Можно идти. Пропускаю девушку вперед:

— Начну строить собственный Заповедник, в дикой природе. Около Братства Камня, где зона лимба. Людей там никогда не будет, можно устроить все условия для магических животных. Переселить туда уже пойманных и тех, кого придется перемещать в дальнейшем. Я хочу создать замкнутую систему, где магия со временем полностью восстановится.

— Эдемский сад, — Триш улыбается. Оценив иронию, фыркаю:

— Если хочешь.

— А что потом?

— Тебе мало? На мой век хватит, — мы спускаемся витой лестницей в подвал, где уже ждут парни. Сидящий на ступеньках Райх запрокидывает голову. Вздрагиваю: на мгновение его глаза по-кошачьи отражают свет моего фонаря.

— Долго вы, — парень неспешно встает, освобождая путь. Нет, что за чушь, показалось.

— У Триш появилась идея, — волшебница уже опускается на колени в главном узле заклинания. Спокойная и собранная, как всегда, она кажется равнодушной — если бы не напряженные плечи, поджатые губы. Дерганым движением убирает волосы за ухо, откидывает мешающую косу. Засмотревшись, забываю, о чем говорил.

— Сострадание, — девушка прикладывает ладони к знаку и опускает, прячет лицо. — Мне хорошо знакомо это чувство. Раньше я часто путала его с жалостью. Плохие были времена. Жалеющие никогда не смотрят на тебя как на ровню, только сверху вниз. Но знаешь, Эрлах, я поняла разницу, когда попала в Университет. Ты принимал мой экзамен. У меня плохо получалось драться, и остальные судьи, — пожалев, — позволили пропустить это испытание, но ты настоял, и сам вышел против меня. Я сначала испугалась, потом страшно разозлилась — когда ты победил в первые же секунды, а потом заставил встать и попробовать еще раз. Ты сказал: я знаю, ты можешь лучше. Ты достаточно сильная. — Она поднимает белесые глаза. Криво улыбается. — Ты был прав. Я смогла, благодаря этим твоим словам. И я думаю, Раймонд, несмотря на свое происхождение и образование, точно так же верил в учеников — что каждый из них может быть лучше. Что мир может быть лучше. Для этого чуда нужно только немного сострадания и безграничная вера. Все это есть у тебя сейчас. Давай, время открывать портал.

Под пристальным вниманием магов, подхожу к сердцу сигила и опускаюсь на колени. Камень отзывается на прикосновение, слой за слоем будто ворочается под руками: привет. Остальные окружают нас. Тиу зажмуривается, Айви, нахмурившись, глядит в завихрения линий портала. Я закрываю глаза, пытаюсь найти среди воспоминаний об экзамене Триш то самое чувство, что толкнуло меня выйти врукопашную против слепой девушки — сострадание? Серьезно?... Я помню смесь злости, разочарования и растерянности на ее лице, когда Максимилиан и Эванс Фили, тогдашний капитан охотников, поддержали Адамоново предложение пропустить испытание боем, помню собственную ярость: она прошла мою школу и способна постоять за себя. Я помню...

Плитка вздрагивает, линии знака со скрежетом выступают сильнее. Шелест расходится по кладке, поднимаясь стенами до потолка, осыпаясь пылью и мелкими камешками. Горло обжигает горячим воздухом — закашливаюсь, на глаза наворачиваются слезы. Триш напротив белее мела, из-под ее рук расходится золотистое сияние. Кисти алые напросвет, видны кости пальцев. Вздохнув, девушка говорит так тихо, что мне приходится наклониться ближе, чтобы расслышать:

— Ты поверил в меня и других, но никак не можешь поверить в себя. Почему, Эрлах?

Тьма падает между нами, спасая меня от необходимости отвечать.

Я пытаюсь коснуться волшебницы сквозь непроглядный мрак, но не нахожу, зато меня находят. Маг трогает плечо, садится рядом. Его рука горячая на ощупь, пальцы унизаны кольцами. Вдыхаю: Райх, конечно. Сердце колотится в горле, шею сковывает напряжением. Магия пульсирует в теле, проявляясь то болью, то удовольствием — будто невесомо гладят горящую кожу. Остальные исчезли, хотя наверняка по-прежнему рядом. Я просто не...

— Что ты чувствуешь? — Парень сжимает мою ладонь. Мне жарко и близко, его невыносимый запах кружит голову. Осторожно упираюсь лбом в жесткое плечо. Не отталкивает. Выдыхаю:

— Слабость, — и как носом начинает течь кровь. Ненавижу. — А когда сам открываешь, — наоборот, огромную силу. Слово горы можешь свернуть.

— Круто, — его голос звучит глухо, как сквозь толщу воды, то отдаляясь, то приближаясь. Примешиваются и другие звуки: далекие разговоры, пение птиц, шелест деревьев и тихое пение... — А мне просто... не по себе.

— Не бойся, я же рядом.

— Я не боюсь, — почти вижу, как он поджимает губы. Улыбаюсь. Спрашиваю:

— Тогда что?

— Просто... вроде что-то во мне хочет... вылезти наружу, — перед глазами мелькают огненные круги и точки, пульс частит все сильнее. Звуки наваливаются, мешая сосредоточиться. Стискиваю зубы, выдавливаю:

— Так позволь ему выйти.

— Нет, — Райх качает головой. — Оно убьет вас всех.

Фыркаю: какой бред. Отстранившись, шепчу в внезапно наступившей тишине:

— Это вряд ли.

— Что? — Спрашивает Тиу совсем близко.

— Твою мать! Откуда ты взялся?! — Пугается невидимый Айви. Почти невидимый — я различаю силуэт на фоне... ночного парка. Поднимаюсь, опершись на Райха, озираюсь. Мы стоим в темной ажурной беседке, вокруг шумят, волнуются деревья. Сорванный лист чиркает по щеке. Ветер прохладный, но не ледяной, а почти теплый — я ощущаю, как

расслабляется спина. Лезу в карман за телефоном и целую вечность жду включения. Спрашиваю, освещая Триш:

— Ты как?

— Порядок, — девушка — единственная, у кого не идет кровь, выглядит уставшей, но невредимой.

— Ты открыла портал, — она бледно улыбается. — Молодец.

— Сколько нас не было? — Айви щурится на свет. Мобильный показывает... четырнадцатое декабря. Черт! Опять эти фокусы!

— Нам нужно срочно найти белое пятно, эффект прошлого мог выветриться, и мы засветимся на картах Университета, — первым сбегая по ступенькам в густую траву.

Приходится порядочно поблуждать по парку прежде, чем удастся отыскать выход в город. Калитка закрыта, но мы перемахиваем через забор — предварительно вырубив камеры.

— Так а где мы? — Оглядывается Тиу. Мы стоим посреди типичной европейской улицы. Читаю табличку: испанский.

— Барселона, — сообщает уставившийся в смартфон Райх. Синеватый свет превращает его лицо в застывшую маску. — Неплохое путешествие выходит. Я думал, нас занесет в какую-нибудь жуткую дыру, маги ведь любят прятаться вдали от цивилизации.

— Это сейчас, — я нахожу на картах храм Святого Семейства. Мощное белое пятно, надолго хватит. Идти через полгорода, и по пути ничего осевого не встречается. Что ж, придется прогуляться. — Раньше маги предпочитали прятаться на виду. Нам направо.

— А где располагался прошлый Университет, после Братства Камня и до пожара-переезда? — Айви хмурит лоб, пытаюсь вспомнить.

— Где-то в Чехии, — вдруг блистает знаниями Тиу. Киваю:

— В Праге, да.

— Лучше б там и оставались, — морщится Райх.

— А мне нравится дома, — говорит Триш. — Да, хотелось бы жить в каком-нибудь красивом старинном здании, замке даже, но я привыкла к нашему заводу и нахожу его по-своему уютным.

Прячу улыбку: если все получится, то как раз в замке мы и будем жить. Надеюсь, он покажется Триш достаточно... комфортным.

Как там дела у Мары и Эда? Я не смог дозвониться им: наверное, находились в аномальной зоне. Нужно попытаться снова.

Отстаю от компании, поручив Айви вести нас к цели. Набираю Олафа — стучит зубами, жалуется на мороз и сломавшего ногу Смуглянку:

— Да еще так тупо, чисто выпендриться решил. Проскакал по бревну через реку, почти не глядя вниз — и вот. Наши его лечили всем отрядом. Оказалось, что большинство забыло чары от переломов, представляешь? Собирали сигил за сигилом... а в остальном все нормально, у нас еще хватит квестов на месяц вперед. Ты как, капитан? Помощь не нужна?

— Нет, все в порядке, спасибо. Мы продвигаемся, — то же самое я говорю хмурому Гийоту.

— Они отправляют вторую группу. Я не смог отбить Сано Тхеви, слишком ценный экземпляр. С ней пойдет Сойт Роэн, — стискиваю зубы. — Янни, огненный. Его брат, Мария. Первая группа отправила сигнал, что ситуация под контролем — что бы это ни значило.

Прижимаю телефон к горящему лбу и останавливаюсь. Господи. Что же происходит в Отрезке?

— Совет готовится к открытию драконьего портала в Отрезок. И они уже решили, что делать с пропавшими магами: огненные отправятся в Заповедник, будут содержаться там, как Мантикора. Остальным сотрут память об Университете. После допроса, разумеется.

Далеко впереди, будто почувствовав мое смятение, оборачивается Райх. Длинная тень хищно изгибается под фонарем. Внутренности сковывает льдом. Я знал, что таков будет вердикт, но, видимо, надеялся на лучшее...

— Их жизни в твоих руках, — говорит Гийот сквозь помехи. — Поспешите.

Гордо сдавливаю, я не могу ответить. Да и что тут сказать, — постараюсь не облажаться? Порталы съедают слишком много времени. Их не обойти, не обмануть.

Я не знаю, успеем ли мы.

— Эрлах? — Гийот продолжал говорить про Ульриха Пата, охотника и жениха Сано — парень присоединился к нашему маленькому заговору и будет на связи с Марой и Эдом. Ребята уже доложились Нине, что почти собрали необходимых для барьера ордена существ — хорошо, хоть у кого-то все идет по плану. Страх опоздать выбивает из реальности, я с трудом подбираю слова:

— Задержи их... если я опоздаю. Не дай стереть память, заставь подождать с этим. Я вернусь Советником, я обещаю, просто — возможно, — мне нужно будет немного времени, — дни, недели — сколько? Неопределенность сводит с ума. Привычно растираю скованную спазмом шею, убираю щекочущие лицо волосы за уши. Кожа горит нестерпимо, и я торопливо достаю таблетки, глотаю сразу две.

Твою мать!

— Я сделаю все, что в моих силах, — а это немного, к сожалению. Закрываю глаза. — И Валентин тоже. Сосредоточься на своей задаче и позволь нам позаботиться об остальном.

Его голос звучит сухо и уверенно, как всегда. Успокаивающе. Выдавливаю улыбку:

— Спасибо. Передавай привет Валентину и Нине. Мне пора.

— На связи, — Гийот отключается. Постояв мгновение, прячу телефон в карман и быстрым шагом догоняю ожидающих ребят.

— Все хорошо? — Неуверенно спрашивает Айви.

— Все... ожидаемо, — не вижу смысла врать. Триш хмурится:

— Нам нужно поторопиться, — не спрашивает, утверждает девушка.

— Да.

Я провожу бессонную ночь над переводом. Компанию составляют Райх и Айви. Последний растягивается на кровати рядом и даже берется выискивать слова в словаре — с переменным успехом, но все же. Райх развалился на софе и смотрит в окно. Там — дворик-колодец, одинокий фонарь и пальма в вазоне. Ничего захватывающего.

Дневники интересней.

— Розовые сопля, — не соглашается Райх, когда я зачитываю расшифрованный абзац. Раймонд пишет, как, приехав домой навестить брата, познакомился с его невестой, Сарой. Сара прибыла из Англии к родственникам, провести лето в жарком итальянском климате. Она была умна, воспитанна, смешлива и невыносимо прекрасна. Раймонд влюбился с первого взгляда.

— Поищи в его биографии, я видел там такое, — нужный том на столике рядом с

локтем Райха. Парень, раскуривая третий за вечер косяк, — сизый дым уже заполнил номер и клубится под торшером, — находит нужный раздел:

— Он отбил барышню у брата, того самого, с обожженным лицом. Мудила. Брат разозлился и прекратил отношения, несмотря на попытки Раймонда помириться. Вся семья была против свадьбы. Решили, что Сара неразборчивая или стерва. Как-то так, — Райх водит пальцем по строчкам. — Они укатили подальше от родственничков, в Испанию. Сняли дом. Поженились. Походу, беседка — это там. Фотки похожи. Лукреций устроился в местный универ читать свою обожаемую алхимию и наверняка был безбожно счастлив.

— И я тоже вполне доволен, — еще не рассвело, а уже знаю следующий ключ. Отодвинув записи, потягиваюсь всем телом, прячу зевок в ладони. Кожа горит, но я устало улыбаюсь. — Любовь. Вот, что привело его в Испанию. Завтра мы попробуем открыть портал.

Только бы не застрять в нем еще на один месяц.

— Или нет, дальше у них все хреново, — серебристые глаза Райха скользят по строчкам. — У нее рождались мертвые дети, три штуки. На четвертом она умерла в родах. Может, он ходил рыдать в ту беседку, чтобы никто не видел.

Стону:

— Черт, — снова утыкаюсь в пергамент. — Ладно, поехали дальше. Но любовь запоминаем.

— И кто из нас такой влюбленный будет открывать портал? — Райх скалится, разглядывая Айви. Блондин краснеет пятнами:

— Отвали.

— Я серьезно, или кто-то должен вспомнить прошедшую любовь. Эрлах, как насчет тебя?

Дергаю плечом:

— Мне не случалось влюбляться.

— А тебе? — Прищуривается Айви. — Уверен, за всем твоим ехидством должна скрываться нежная и влюбчивая натура.

Райх показывает язык и затягивается. Выдыхает с дымом:

— Не угадал.

— Все и правда может быть сложнее, — запускаю пальцы в волосы. — Раймонд очень переживал из-за ссоры с братом, это отравляло их отношения с Сарой. Когда первый ребенок родился мертвым, он решил, что такова расплата. Снова пытался достучаться до брата, но все впустую. И того: любовь, вина, страх. Кто-нибудь отбивал девушку у лучшего друга или вроде того?

— Надо спросить у Тиу, — хмыкает Айви, а Райх смеется. Да уж, Тиу меньше все похож на героя-любownika. — Ну а вдруг.

Повисает тишина. Продираюсь сквозь аккуратные строчки: у Раймонда была странная привычка сначала говорить по сути, а потом пережевывать с подробностями на пару страниц. Вроде и читать бессмысленно, и пропустить что-нибудь страшно. Рукопись оставлена для идущих Дорогой огня, а значит — все ключи в ней.

— Так что будет, когда мы вернемся? — Райх переворачивает страницу и бросает на меня короткий острый взгляд. Поджимаю губы.

— С кем? С тобой?

Он качает головой, откладывает книгу и смотрит всерьез:

— С тобой. Что-то происходит в Университете, что заставляет тебя нервничать. Что? Что случится по возвращении?

Айви настороженно хмурится. Массирую переносицу. Глаза печет от усталости, спина ноет, кожа адски полыхает, хочется есть — а не говорить о перспективах. Но они заслуживают знать:

— Если провалим эту миссию — меня выкинут из Университета.

Айви вздрагивает:

— Как это?! За что? Тебя?!

Оперевшись о стену, скрещиваю руки на груди:

— Я отправил весь свой блок на учения, обманув Адамона. Они не попадут в Отрезок... кроме нескольких человек. Совет вряд ли воспримет этот шаг снисходительно. Я нарушил прямой приказ: мой блок должен был помогать проложить портал к тварям. Поэтому если мы не найдем... дракона, — а вернее — его кровь, переплавленную временем в камень философов, — то мне конец. С вами ничего не будет: вы подчинялись приказам и, если честно, то никому не мешаете в Университете.

— А ты мешаешь, — понимает Райх. Мне становится неуютно под пристальным вниманием. В комнате будто сгустился запах грозы. Вот-вот хлынет ливень.

— Тебя выберут в Советники на ближайшем голосовании, — глаза Айви расширяются. — Это всем понятно. Как только кто-нибудь из нынешних умрет...

— Да, — только вопрос времени. — Тогда я стану Главой Совета по праву крови. Мои предки по материнской линии были драконоборцами и, согласно традиции, управляли орденом. Поэтому Совету нужен лишь повод, чтобы избавиться от меня.

— И ты сам подарил его, — Райх прикусывает губу.

— У меня не было другого выхода. Я не позволю отправлять моих ребят на верную смерть, — я молчу о Висии и экспериментах над огненными магами, о беглой твари и собственных амбициях. Им не нужно знать больше.

— Найденного дракона хватит, чтобы задобрить Совет? — Приподнимает бровь пустой. Склоняю голову набок, прячась за волосами:

— Помимо дракона, я рассчитываю разжиться еще кое-чем — но об этом вам знать необязательно. Если ничего не выйдет, не-знание — лучше.

Айви они не выкинут, пока парень демонстрирует редкие вспышки огненной силы. Райха — спонсорского наследника, — тем более не тронут. Разве что его родитель потребует. Но это — не моя проблема. Тиу отстоит Гийот, он слишком мелкая сошка, чтобы Совету нашлось до парня дело. А способности Триш им нужны, такими талантами не раскидываются.

— Мы близки к провалу, раз ты напрягаешься после каждого звонка туда, — Райх встает, прогибается в пояснице, потягиваясь.

— Порталы сжирают слишком много времени. Это редкость и не было предусмотрено, — я заглядываю в дневник Раймонда Аваддона и морщусь от набивших оскомину острых букв. — Нам нужно поторопиться. Айви, — блондин поднимает брови, — мы подшучиваем над тобой, но не со зла, и нам правда нужно проверить любовь. Боюсь, только ты способен помочь в данной ситуации.

— Так, я пойду в магазин, сейчас сдохну от голода. Возьму нам чего-нибудь, — Райх подхватывает куртку и ретируется с поразительным тактом. Только уже закрывая дверь ехидно замечает:

— До рассвета всего ничего, ты еще можешь попытать удачи. Номер двадцать два, — подмигнув, исчезает.

— Дебил, — беззлобно говорит парень.

— Это правда, — но я думаю, Райх мягче, чем хочет казаться. Ловлю себя на улыбке, на мгновение прячу лицо в ладонях, убирая волосы. — Послушай, я не буду лезть в ваши отношения...

— Да нет никаких отношений! — Вспыхивает Айви. — Она отшила меня, сказала — маленький! Всего-то шесть лет разницы, можно подумать! Я не считаю это проблемой...

— Очевидно, Триш думает иначе, — говорю осторожно, подбирая слова. — Но для чувства это неважно.

— Она мне правда ужасно нравится, — горько улыбается парень. — Не знаю, как это доказать...

— Очень аккуратно, — Триш видит лучше любого из нас, и давно прочитала сокровитое в сердце Айви. Она и меня знает до самых потрохов.

— Аккуратно не получается! Но я не могу просто сдаться! Ты бы стал?! — Айви краснеет, сжимает кулаки. По комнате пронесется сквозняк — заволновалась сила парня. Перевожу взгляд за окно, где в дворике заметно посветлело. Далеко отсюда еще ночь — в Университете спят Нина и Валентин, Гийот и Советники, ублюдок Хайме. А где-то в Отрезке может идти любое время. Там девочка-солнце Зарин, мой ветреный Наас, тонкая как кинжал тварь... Кан и Тони, Айяка, Илай и Янни, Сано и Соит Роем, и кто-то, о ком я уже и забыл... Еще мои парни мерзнут в палатках посреди леса... Люди раскиданы по миру и с надеждой, со страхом ждут новый день, а все, что у нас есть — дневник давно умершего мага и любовь, которой не случилось.

Отвечая на вопрос, понижаю голос:

— Я сдался. Давным давно. Я никому этого не говорил, но... — мне сложно произнести это даже в мыслях. Я должен, ради всех нас. — Я соврал Райху. Давным давно у меня был близкий друг. Лучший друг. В которого я был влюблен. — Чувствую, как теплеют щеки. — Я не сказал ему об этом, чтобы не разрушить нашу дружбу. Я... я просто отдалился, стал избегать. Поэтому и не заметил, что с ним стало происходить.

Я замолкаю, наново переживая события того утра. За грудиной тянет боль, кожа горит — с запоздалой тревогой вспоминаю, что не выпил таблетки.

— Что случилось? — Тихо спрашивает Айви.

Моргнув, возвращаюсь в реальность:

— Темные ритуалы. Лаборатории. Хайме. Они убивали его день за днем, а я не замечал, погруженный в собственные переживания. Однажды он... — я умолкаю, не в силах продолжить. Стискиваю зубы: нужно.

— Он покончил с собой, Айви. Я не успел ничего сделать. Эта вина уничтожает меня, и любовь тоже — она затмевает все, что было счастливого в моей жизни. Я по-прежнему думаю о Висии, когда запускаю чары земли. Только о нем. Теперь я вижу все в мельчайших деталях и поражаюсь, как был слеп раньше. Да слишком поздно...

Обнимаю себя за плечи. Смотрю на Айви:

— Я хочу сказать, пусть вышло путано и неочевидно: если ты правда любишь, перестань думать о себе, сфокусируйся на Триш. Посмотри на нее по-настоящему, заметь без пелены эмоций. Тогда ты сможешь понять, какой человек ей нужен рядом, и выстроить близость.

— И открыть портал, — хмурится он. В задумчивости глядит перед собой.

— Да, — я вновь беру в руки дневник Раймонда. — Да. От этого зависят многие жизни.

— Уверен, каждому из нас случалось любить, — я стою, опираясь на балюстраду. В ночной тишине шуршат о листву капли накрапывающего дождя. Темно, только вдалеке над выгнутым мостиком горят фонари. Над нашими головами железный потолок беседки украшен кованым узором с запрятанными среди вензелей сигилами. Точка схода всех линий — цепь, на которой низко висит светильник. Сейчас он погасший, заполненный водой и мертвыми насекомыми. Я поднимаю руку. Металл отзывается шершавым потаенным теплом. Портал дремлет, но знает о нашем присутствии. Я продолжаю, преодолевая морок:

— Не всегда любовь бывает взаимной, или долгой, или сильной — не всегда и драматичной, как у Раймонда. Уверен, он это понимал, и заклинание не требует чего-то эксклюзивного. Я хочу, чтобы сегодня вы вспомнили свое самое сильное чувство. Необязательно по отношению к противоположному полу — быть может, любовь к родителям или... другу. Неважно, чем закончились и случились ли вообще ваши отношения: любая любовь бесценна. Переживите ее заново, забыв обо всем лишнем.

Я закрываю глаза, успевая заметить внимательный, пытливый взгляд Райха. В памяти всплывает Висия, мимо тянутся руки — дотронуться, соединиться. Я вспоминаю, как давило за грудиной каждый раз, когда он касался меня. Сердце стучит как сумасшедшее: чьи-то пальцы накрывают мои и легонько гладят. Тишина вдруг наполняется звоном, воздух становится жестким и плотным. Больно дышать. Накатывает облегчение: портал пробуждается! Еще немного... Но следом я чувствую страх. Вину. Отчаяние.

Вздвигнув, отнимаю руку. Волшебство рассеивается. Секунда — возвращаюсь в холодную, дождливую ночь. Ребята непонимающе оглядываются:

— Мне показалось, что-то начиналось... — говорит Тиу. У него красные уши и щеки. Угрюмый Айви прячет ладони в карманы и дергает плечом:

— Мне тоже, но не сработало.

— Нужно еще, — Триш кусает нижнюю губу и выглядит неуверенной — впервые за все наше знакомство.

— У нас вся ночь впереди, — шучу, чтобы разрядить обстановку. Не получается. Все не получается. Портал остается неподвижным, а воспоминания — дырявыми, наполовину выдуманными. Я вдруг остро ощущаю, сколько лет прошло, и как трудно продолжать... жить вот так, колдовать — гадать, выйдет или нет, на крупицах почти забытого счастья.

Думай о живых — говорила мне Триш.

Легко сказать. О ком?...

— Не выходит, — признаю час спустя. Руки затекли от неудобного положения, замерзли. Сырость пробралась под одежду, и теперь меня бьет мелкая дрожь. — Хватит на сегодня.

— Ну наконец-то, — вздыхает болтавшийся без дела по беседке Райх. Тут же устремляется прочь, в темноту аллеи.

— Куда-то торопишься? — С плохо скрываемым раздражением бросаю ему в спину. Парень оглядывается, взлохмачивая черные волосы:

— В клуб. У меня встреча.

— Опять? Ты не очень-то в нас верил, да? — Блекло шутит Айви, натягивая рюкзак.

— Когда дело касается любви — вы те еще чурбаны, — скалится пустой.

— А ты — видимо, нет, — прищуриваюсь.

— Получше некоторых шарю, — подмигивает, скалится. — Поэтому у меня сейчас свидание, а вы идете спать.

— Я тоже хочу в клуб, — хмурый Айви облизывает губы.

— И я, — вставляет Тиу.

— Будете мешать — прибью, — легко соглашается Райх.

— Избегайте неприятностей, — говорю, перемахивая через ограду. Помогаю перелезть Триш. Минута, скомканные прощания, — и мы остаемся вдвоем.

— Да уж, — смотрю вслед удаляющейся троице. Надеюсь, у них не сопрут все вещи: парни отправились на поиски развлечений прямо с походными сумками. — Я ожидал успеха.

— А я — нет, — девушка поджимает губы. — Любовь — сложное чувство, легко спутать с влечением.

— Черт знает, что там было у Раймонда, — я и в своей скучной жизни не могу разобраться.

— Вряд ли он скрывал разочарование за бессмысленным кутежом. Не припоминаю такого в биографии, — трость тихонько постукивает по тротуару, шуршит дождь. Водяная взвесь оседает на коже. Я вдруг жалею, что иду в отель, снова корпеть над текстом. Чувствую себя стариком вроде Валентина, пленником собственной жизни.

— Мне тоже нужно выпить, так что здесь я понимаю ребят, — выпить, сменить обстановку. Ощутить себя живым — как на мгновение ощутил в портале, когда чьи-то горячие пальцы коснулись моих. Райх? Весьма вероятно.

Какого черта — хотелось бы мне знать.

— Буду рада составить компанию.

— Прости, но я хочу побыть один, — девушка не отвечает, оставляя меня в холле отеля. Закинув вещи в номер, иду в ближайший бар — с книгами, но все же.

— Мне не нужна компания, — говорю, открывая дверь в шумный темный зал, и сам себе не верю.

Все, что мне сейчас по-настоящему необходимо — любовь.

Снова вспоминаю осторожное прикосновение и наглые глаза Райха.

Глаза Висии тоже были светлыми, полными огня. Иногда и он смотрел на меня так, что казалось... качаю головой: это воображение играет с памятью. Я уже не узнаю, что сделал бы Висия в ответ на мое признание.

Я всегда считал, что это положило бы конец нашей дружбе, но молчание окончилось его смертью.

— Лучше бы я сказал, — отпиваю коктейль. По горлу растекается тепло. Устроившись у окна, слепо гляжу в ночь. Позади переключаются огни, танцуют и веселятся, грохочет музыка.

Внутри меня — пустота. Звонящая тишина. Страх. Вина. Самое сильное чувство и главная слабость, сказала о ней Плутон. Но как перестать винить себя? Думать: что если?... Если он тоже... любил меня? Если смог бы опереться, не сгореть?

— Чушь, мечты, — глупая надежда — как последнее слово из дневника Висии, который мне передал его отец. Дневника, полного обрывочных воспоминаний и страхов, осколков веры, что все может наладиться, что я спасу его... Запускаю пальцы в волосы, зажмуриваюсь до белых пятен под веками. Хочется выпить. Найти Райха, схватить за воротник и встряхнуть: какого черта?! Мало мне портала, завязанного на любовь, а теперь еще

прикосновение разбередило душу. Зло повторяю в тысячный раз то, что обычно говорю другим магам:

— Ты боялся, и это нормально. Ты не смог бы поступить иначе: тогда. Мне жаль, что так вышло. Но ничего не исправить, — только я все еще пытаюсь. Поэтому я здесь.

Залпом допиваю бокал, сжимаю холодное стекло. Завтра мы попробуем снова, и я должен найти подходящее воспоминание о любви.

О смехе Висии, хриплом и тихом — будто нужно таиться. О ямочках на щеках, длинных ресницах, его загорелой коже и золотистом ежике волос, который я изредка мог подружески взъерошить. О привычках разбрасывать вещи по комнате, торчать вечность в душе, есть шоколад плитками и никогда не дочитывать книги: перескажи мне конец, Эрлах, я больше не могу.

Я больше не могу. Я закончился — растираю грудь, где сильнее всего жжется кожа. Ловлю официанта и заказываю еще порцию.

— Чертов Райх. Мы ведь почти перешли.

— Возможно, завтра, на свежую голову, снова повезет?

Очень надеюсь.

Но удача не улыбается нам, ни на следующий похмельный день, ни ночью позже. Мы пробуем раз за разом без всякого результата трое суток подряд. И все чаще молчим, после расходимся по своим углам. Айви утыкается в телефон, Тиу уходит гулять. Триш устраивается в ближайшей кофейне с книгой. Райх будто прописался в местном клубном квартале. Приходит только под утро, обжигает серебряным взглядом и заваливается поспать. Я снова склоняюсь над дневником, уточняя значения слов и шифуя перевод до мельчайших деталей — вдруг ключ прячется в игре смыслов? Я уже ушел далеко от начала романа с Сарой. Прочел про мертвых детей и смерть девушки в очередных родах, про горе и одиночество — семья не сменила гнев на милость и не поддержала Раймонда. Обида Алессандро оказалась слишком велика.

Я нашел и строки о той самой беседке, выделил красным: поцелуи, игра на гитаре, тихое пение. Они любили проводить там вечера. Голая романтика — тоже не сработала, портал не отозвался.

— Какого лешего тебе от нас надо, — бездумно вода пальцем по строчкам, отпиваю кофе с изрядной долей коньяка. День выдался холодным, и в беседке я промерз до костей, поэтому — отогреваюсь. Ветер бьется в окна кофейни. Триш читает неподалеку на диванчике — атлас магических растений, что за скука. Тиу, увязавшийся за нами, гоняет в чашке травяной чай и косится на меня.

— Что? — Не выдерживаю и поднимаю голову. Парень теснее сжимает посудину:

— Можно с тобой поговорить?

— Да, конечно, — отодвигаю записи почти с облегчением. Массирую виски.

— Я... — Тиу мнется. Плохой знак. Нахмурившись, делаю еще глоток.

Парень наконец выдыхает:

— Я хочу вернуться в Университет.

Моргаю: что?

— Почему? — Парень краснеет и отводит глаза.

— Я... связывался с Гийотом, спрашивал — как там Мия... ну, его дочка. Она нормально, — вставляет быстро. — Но Маре и Эдварду нужен помощник. Они отправляются в лимб со всеми пойманными тварями или что там у них, и сами не дотащат. Гийот хотел

отправить Ульриха, но я... я сильный, и там буду полезней, чем здесь. Я пробовал с этой любовью, но ничего не выходит — наверное, мои чувства не похожи на Раймондовые. Мне кажется, будет лучше, если я помогу Маре... и Эдварду. Как думаешь? — Смотрит на меня наконец. Красный как рак.

Тру переносицу: черт, совершенно не вовремя. Все и так деморализованы, уход члена команды может ухудшить ситуацию.

— Сейчас не лучший момент, Тиу. Давай мы поговорим об этом снова после открытия портала...

— Но Гийот отправит Ульриха! Я опоздаю, — пара за соседним столиком обращает на нас внимание. Залпом допиваю остывший кофе:

— Твоя помощь в любом случае пригодится нам в Университете.

— Я хочу к Маре и Эдварду, — парень упрямо хмурится.

— Почему?

— Мне... это важно. Быть там.

— Почему? — Повторяю с нажимом, начиная злиться. Тиу выдыхает, оглядывается на Триш, но девушка уткнулась в книгу.

— Мне... мы много говорили о любви в последние дни, и я... я подумал, подумал о твоих словах, что любовь бесценна, даже если не случилась или как там было.

Киваю: наверное, я говорил нечто подобное.

— Продолжай, — подбадриваю замолчавшего мага.

— Я всегда считал, это глупо — когда нравится тот, кому на тебя плевать. Та, вернее. Я ее вообще раздражаю, но... — Тиу кривится, почесывая бровь, — но я все же хочу стать ближе, хочу хотя бы попробовать. Я много думал, и решил, что мне это надо.

Прикрываю глаза. Вот оно что.

— Это может выйти больней, чем ты представляешь, — осторожно начинаю я. — Ты уверен, что справишься при... самом плохом раскладе?

Тиу сжимает губы и качает головой. Пожимает плечами:

— Я должен попытаться. Не прощу себе, если ничего не сделаю.

Твою ж мать. Вроде мне одного Айви с разбитым сердцем мало. Выдыхаю, шею сковывает спазмом, а чертово жжение усиливается. Все будто разваливается на части, а я не знаю, как это остановить.

— Ладно. Скажи Гийоту, что я согласен. Но если он может дать нам еще хоть день — пусть, — Тиу благодарно кивает, расплывшись в улыбке:

— Да! Конечно! Прямо сейчас ему позвоню! Спасибо... капитан! — Хмыкаю отмахиваясь: иди. Он торопится выйти на улицу, прямо без верхней одежды, прижимает телефон к уху. На лице написаны радость и возбуждение — грустно улыбаюсь: когда в последний раз я чувствовал себя так же?... Впрочем, на самом деле парню не позавидуешь: Мара и Эд вместе целую вечность, и их отношения кажутся незыблемыми. Лучше бы Тиу держаться от нее подальше.

Опускаю подбородок на скрещенные руки и наблюдаю, как парень, кутаясь в толстовку, дрожит под ледяным ветром и договаривается с далеким Гийотом. Тот наверняка в своем кабинете, греется у камина и разбирает бумажные завалы на столе. Хотел бы и я оказаться там. Поговорить с другом, рассказать, как все достало. Погасить ворочающуюся в груди тревогу хоть на мгновение. А еще — пройтись солнечными коридорами в наш корпус, через осыпающийся мост и пустые аудитории, вдохнуть ставший родным аромат старого

пожарища... дома, где за рутинными делами можно забыть о любви и о Райхе, страхе и вине. Где все понятно и спокойно, а каждый шаг ведет к ожидаемым результатам.

Ненавижу неизвестность.

И сюрпризы — спасибо, Тиу.

Райх приходит в беседку последним — неохотно, нога за ногу. Пахнет спиртным и сигаретами, но взгляд неожиданно трезвый, цепкий.

Я выпрямляюсь, отлепившись от колонны, и жестом созываю всех в круг.

— Раймонд немало времени провел здесь со своей молодой женой. Тихие вечера с музыкой и настольными играми, душевной беседой и тому подобным. Он вспоминает это как самое счастливое время в своей жизни — и самое романтическое, волнующее.

— Вряд ли они только болтали, — перебивает Райх. — У меня есть идея, которую вы еще вроде не пробовали. Я подумал... — он заминается, но быстро продолжает:

— Они ведь здесь поженились, в Испании. До этого особо на романтику времени не было, больше с родственниками Раймонда срались и договаривались с семьей Сары о свадьбе. Первые поцелуи и все остальное — возможно, случились именно здесь.

— Ты предлагаешь вспомнить подобный опыт? — Склоняю голову набок, волосы падают завесой. Райх облизывает губы:

— Да. Необязательно по любви, просто — первый раз.

— Но мы уже пробовали, — говорит Тиу. — Ну... я пробовал.

— Я — нет, я в первый раз просто так целовался, — говорит Айви. — Но почему бы и нет? Вдруг Раймонд до свадьбы ни с кем... хотя странно, на портрете вроде нормальный, не урод какой.

— Он воспитывался в монастыре, неизвестно, с какой моралью оттуда вышел, — пожимаю плечами. — Мне нравится, давайте. Спасибо за идею, — Райх прячет руки в карманы. Я оглядываюсь. Парк пустынен. Неудивительно: солнце спряталось за деревьями, и аллеи затянуло холодными тенями. Морок давит на плечи, запугивая и силясь прогнать. Поежившись, вхожу в центр круга и первым трогаю свисающую со светильника цепь. Следом подходят остальные. Ребята закрывают глаза, сосредотачиваясь на вдохах-выдохах и воспоминаниях. Я тоже пытаюсь, но память подводит: мои первые поцелуи были с охотницей из Университета — ничего серьезного, лишь ее симпатия и мой интерес. Хотел бы я ощутить волнение. По крупцам собираю в памяти редкие моменты близости Висии, его запах и тепло, сильные пальцы. Как замирало сердце, а потом пускалось вскачь, когда он разминал мне плечи после тренировок... горько улыбаюсь: не сейчас. Я чувствую себя вымотанным и виноватым. Хочется сбежать, вернуться в номер, забыться сном и отдохнуть от этой гонки со временем. Вздыхаю: никакого романтического настроения. Нужно постараться сосредоточиться и... прикосновение к щеке заставляет дыхание сбиться. Открываю глаза. Райх. Осторожно отводит выбившиеся из хвоста пряди, направляет мне за ухо. Шагает вперед, подвигая Тиу — тот зажмуривается сильнее, поморщившись.

— Не вспоминается, Эрлах? — шепчет парень. Яркие, искусанные губы изгибаются в улыбке. Но сейчас в ней нет обычной насмешки. Ладонь ложится на грудь. — Хочешь, помогу?

Я собираюсь ответить, но не отвечаю. Потому, что мне любопытно. Как далеко он зайдет?...

Потому, что меня давно — будто никогда, — никто не касался. Потому, что от его

пальцев расходится тепло, а я — ужасно замерз, не сегодня и не вчера.

А еще он пахнет Висией — которого я не решился поцеловать.

Райх гораздо смелее.

Горячий рот прижимается к моему, язык проникает внутрь. Рука стискивает ворот пальто и притягивает ближе, вплотную. Я забываю о Висии и портале, обнимая парня за талию и отвечая на поцелуй.

Сила во мне тоже отвечает, поднимаясь удушливой волной жара. Секунда — и металл цепи приходит в движение. С лязгом над нашими головами перестраивается знак, проносится порыв ветра. Воздух уплотняется, как перед бурей. Что-то неуловимо меняется вокруг, пространство будто схлопывается, обрастает новыми запахами — сквозь дождливый, пробиваются ароматы земли и сырого, замшелого камня. Я отпускаю Райха, отодвигаюсь. Серебрянные глаза с расширенными зрачками почти светятся в наступившей темноте. Я чувствую тепло его тела, мимолетно касаюсь подбородка губами.

Невероятно.

Получилось.

Облегчение после перехода огромно. Голова еще кружится, магия пульсирует за ребрами и разгоняет пульс. Райх чуть улыбается, — больше чувствую, чем вижу. Мы стоим в густом мраке, только впереди робко сияет прямоугольник двери.

— Как круто, вышло! — Радуетя Тиу. Шорохи расходящихся шагов, одежды: ребята ищут фонарики. Нужно достать и включить телефон, проверить дату, но я медлю:

— Спасибо, — выдыхаю едва слышно.

— Обращайся, — хрипло отвечает Райх.

— Двадцать первое января, — говорит подсвеченный мобильным Айви.

— Пропустили Новый год, — огорчается Тиу, а у меня сердце пропускает удар. Нас снова не было почти месяц! Внутренности скручиваются узлом. Тороплюсь зажечь огонек — Райх зачарованно следит за вспыхнувшим в моей ладони пламенем, облизывает губы. Отвернувшись, чтобы скрыть смущение, осматриваюсь: каменный мешок; расколотый, украшенный спящим ангелом саркофаг.

— Это склеп, да? — Тиу никто не отвечает. Подойдя к железной двери, отыскиваю карточку взламывающего заклятия. Выдыхаю дополняющие чары, замыкаю линии. Взвизгнув, замок раскрывается металлическими лепестками и выстреливает обломками механизма. Грубая работа, но мне плевать.

Я должен позвонить.

Кладбище затянуто молочным туманом. Солнце пробивается сквозь плотные облака раскаленной монетой. Старые кресты и надгробные камни, статуи и склепы — будто декорации в фильме, вырастают из белизны. Под ногами путаются невидимые травы и выюнки, плети плюща свисают с облетевших деревьев. Холод пробирает до костей. Я отхожу дальше по дорожке, набираю номер Гийота.

— Вторая группа уже в Отрезке, — вместо приветствия, как удар под дых.

В памяти всплывают имена и лица: щуплый и вечно растрепанный Янни, бледный как призрак Мария, розововолосая, яркая Сано Тхеви и угрюмый Соит Роэн с неизменной сигаретой в уголке рта.

Команда исследователей, поскольку первая группа сообщила, что в Отрезке безопасно. Можно подготавливать почву для прибытия Совета и установки драконьего портала, который раз и навсегда решит проблему с нехваткой тварей для темных ритуалов.

— Как много времени у нас есть? — Мой голос звучит ровно, а кожа горит. Задержав дыхание, жду ответа.

— Я не знаю, — наконец роняет Гийот. — Неделя? Две? Что бы ты ни делал, нужно поторопиться.

Я не успею, — сжимаю телефон.

— Ты пришлешь мне Тиу? — Нарушает тяжелое молчание целитель. Выдыхаю:

— Да. Сегодня. Сейчас пойдем, где мы, и найдем ближайший портал.

— Хорошо. Эрлах... — закрываю глаза. — Мы проигрываем.

— Я знаю, — в груди холодеет. Не верю, не хочу верить! — Если есть хоть какой способ задержать Совет — сделай это. Что угодно. Прошу тебя, — почти умоляю, хотя что он может — без риска для жизни, памяти?... Черт!

— Я подумаю, что можно сделать, — осторожно обещает Гийот. Киваю: хорошо.

— Спасибо. Мне нужно идти.

— Будь осторожен. Ходят слухи, что тебя ищут, да пока не могут найти.

— Сейчас же идем к белому пятну, — отвечаю Гийоту и говорю застывшим возле взломанного склепа магам. — Действие прошлого могло уже выветриться.

Почти бежим узкими улочками. Я держу Триш под локоть, помогая лавировать среди гуляющих туристов. Девушка тихо командует:

— Налево. Еще немного.

Все еще Барселона — сообщает Айви. Плевать. Нам нужно убираться отсюда как можно скорее: остался всего один шаг по Дороге огня! Один единственный!

Каков же ключ?...

— Вон там! — Триш указывает на собор, втиснутый между домами. Готические шпили нависают над переулком.

— Красиво, — Тиу улыбается, предвкушая возвращение домой. Встречу с Марой — и Эдом, ему стоило бы помнить об Эде. А наше маленькое путешествие, наоборот, придется забыть. Я нахожу в кармане прохладную тяжесть непенфа, который стирает воспоминания. Нужно незаметно подсунуть парню. Проклятие молчания — прекрасная штука, но лучше перестраховаться.

Случай подбросить камешек представляется скоро. Покружив по собору, мы отправляемся к ближайшему portalу — теперь ведет Айви, используя карту переходов. Тиу на ходу достает термос. Отвлечь вопросом, подойти чуть ближе, обходя девушку с фотоаппаратом, незаметно подкинуть в еще горячий кофе, произнести тихонько заклинание — готово.

— Скучная миссия вышла, — даю последнюю установку. Тиу рассеянно пожимает плечами. Щурится, силясь возразить — но память уже стирается, разглаживаются морщины на лбу, и парень скалится своей клыкастой улыбкой:

— Да... я ожидал чего-то более захватывающего.

Райх глядит на него странно, но быстро отвлекается:

— Мы пришли, — говорит Айви. Блондин трет затылок, оглядывается. — Только я не вижу...

— Вот, — киваю на старинные ворота перед садом. В ажуре решетки проглядывают сгилы. Створки наглухо заварены, в одном месте зияет дыра: металлические линии разорваны, и нужно соединить прикосновением. Сам знак портала лежит глубоко под землей, где столбы ворот встречают камень саркофага.

— Что ж, пора, — ребята обступают Тиу. Прощание выходит скомканным: нас ждет Путь, Тиу ждут дома. Мне хочется сказать что-то особенное, но слова не идут, поэтому просто выдыхаю:

— Спасибо, — пожимаю широкую ладонь. — Удачи тебе.

— И вам, — он хмурится, озадаченно смотрит на каждого по очереди. Особенно долго на Райха — наверное, пытается вспомнить, кто это.

— Иди, — киваю и отхожу. Парень осторожно трогает место разрыва, зажмуривается и облизывает губы. Шепчет чары один раз, другой... на третьем я моргаю — и Тиу нет.

— Круто, — оценивает Райх. Тяну Триш за руку:

— Пошли искать гостиницу.

Мы находим забитый приезжими хостел в нескольких кварталах от старого кладбища. Свободных комнат всего две, и я выбираю жить с девушкой: не оставлять же ее с Айви или Райхом. Последний сумрачно смотрит на нас и отворачивается, первым скрываясь за дверью.

— Увидимся в кофейне через дорогу, — говорю блондину.

— Хорошо, мы быстро, — Айви бледен и выглядит встревоженным. Как и девушка, только она еще и недовольно поджимает губы, роняет в номере:

— Зря.

— Что? — Я думаю, она говорит о Тиу и непенфе. Триш останавливается посреди комнаты спиной ко мне:

— Райх Ирве. Ты. Зря.

Ощущаю, как теплеют щеки:

— Сам разберусь.

— Я в этом не уверена, — девушка кидает вещи на ближайшую кровать. — Он странно на тебя влияет. С ним что-то не так, но я не...

— Ты не видишь, что именно, — а Триш видит все.

— Это отсутствие магии мешает разглядеть, — она наконец поворачивается ко мне. Кривится, сцепляет руки на набалдашнике трости. — Я различаю только мутный силуэт, как у прочих пустых, но... есть что-то еще. Что-то внутри. Темное. Ненасытное.

Сжимаю кулаки, силясь унять раздражение.

— Ты и сам знаешь, о чем я говорю. Он забивает это травой и алкоголем, но все равно Райх... не так пуст, как кажется.

— Не вижу здесь проблемы, — отвечаю резче, чем собирался. Девушка хмурит тонкие брови. Молчит. Достая из сумки дневник Раймонда и словари, растрепанные листы перевода. Отворачиваюсь уходить, когда она наконец отмирает:

— Ты торопишься. Ты ничего о нем не знаешь.

— Я не буду обсуждать это, — хлопаю дверью громче, чем следует. В коридоре встречаюсь с Райхом и Айви, последний скрестил руки на груди.

— Милые бранятся? — Ухмыляется пустой. Очень хочется отвесить ему затрещину.

— Пойдемте. Мне нужна ваша помощь.

Время поджимает. Записи Раймонда после смерти жены — путанные, повторяющиеся, многословные, не ускоряют процесс работы. Маг погряз в своем горе на долгие пять страниц, и только в конце шестой мы приблизились к чему-то важному:

— Пишет, была годовщина смерти супруги, и он пришел на кладбище с букетом ее любимых садовых роз, которые... так, это неинтересно.

Пробежавшись по строчкам, прошу ребят отыскать в словаре несколько непонятных

слов. Растираю уставшие глаза:

— Он предавался воспоминаниям о разном, говорил вслух... много говорил... тут вроде обычные воспоминания... ага, вот! В какой-то момент Раймонд зарыдал и ударил по саркофагу, и тот вдруг раскололся. Раздался грохот, вздрогнула земля. Раймонду показалось, что склеп сейчас обрушится, поэтому он бросился наружу. И с удивлением увидел, что все статуи и надгробия рухнули со своих пьедесталов, многие разбиты на части неведомой силой. Все кладбище превратилось в руины. Испуганный и оглушенный, маг поспешил уйти восвояси, но через несколько часов в дверь постучали.

— Пришли из Университета, — говорит Айви.

— Да. Его отвели в орден, и дальше... — я перелистываю последние страницы. Осталось всего две. Тревога сворачивается тугим комом за ребрами. Все, что нам нужно — здесь, среди убористых колючих строчек, на ветхой бумаге. Раймонд выводил каждую букву, пряча подсказки и расставляя ловушки, чтобы запутать вероятных преследователей. Отнять драгоценное время.

Сейчас он играет против нас.

— Что уже есть? — Смотрю на салфетку, где Айви выписывает возможные ключи. Жирным обведено горе, под ним — вина, грусть, боль, потеря, ярость, обида.

— Он скучал по ней, давайте добавим... скучание, — предлагает и сразу дописывает блондин. Райх поднимает голову, когда в кафе входит Триш. Недобро прищуривается. Я в два глотка допиваю остывший кофе и встаю, собирая бумаги, не глядя на девушку:

— Не будем терять время, пойдем за вещами и давайте сразу на кладбище, — парни тоже вскакивают.

— Зачем вообще заселялись, — бурчит Райх.

На улице давно стемнело. Холодный ветер задувает под одежду, треплет волосы и бросает в лицо. Пляшут оставшиеся с праздников гирлянды. Свет и тени дрожат на стенах, шелестят на балконах пальмы. Магазины закрыты, редкие прохожие торопятся домой. Я прячу руки в карманы и ускоряю шаг. Думаю о Тиу — уже в Университете? Его допросили? Конечно, допросили. Только ничего не узнали.

Тиу и сам не знает, за каким чертом отправился с нами и почему решил вернуться. Я чувствую укол вины: он ведь решил добиваться Мары, а теперь и не вспомнит.

Впрочем, у парня все равно ни единого шанса.

Старое кладбище уже виднеется вдалеке, когда Триш останавливается:

— Там группа магов, это наши, — девушка обхватывает себя за плечи. — Охотники. Я знаю... видела раньше их силу. Они довольно далеко от склепа, но...

Замираю. В желудке — лед. Нас засекли: видимо, магии белого пятна не хватило. Можно просто уйти — сейчас-то чары активны и надежно сокроют от врагов, но... время. У нас нет времени. Нахмурившись, командую:

— Проведи нас к склепу так, чтобы они не увидели.

— Эрлах? — Удивляется Айви.

— Ты слышал.

У Райха азартно блестят глаза:

— Если нас заметят — то что?

— Нападут, — Триш сворачивает в темный переулок. — Тихо.

В молчании мы обходим кладбище по широкой дуге, проникая через калитку с другой стороны.

— Ого, — выдыхает Айви. На каждой могиле горят красным лампадки. Сотни огоньков сияют среди плющей и мха, старого камня. Я сжимаю карточки в кулаке, нахожу подходящую для атаки.

Осторожно, прячась за шумом ветра в кронах дубов, двигаемся по аллее между вечнозеленых кустов. В черном небе над головой летят серые облака. Плачущие ангелы смотрят нам вслед.

— Что ты хочешь сделать? — Шепчет Айви. Тихонько огрызаюсь:

— Молчи.

Возле нужного склепа пустынно, но на открытой местности шансы попасться возрастают. Волоски на затылке поднимаются дыбом, острый край карточки до боли врезается в ладонь. Морщусь, отпуская. Все хорошо. Мы одни.

— Пригнулись и тихонько идем к порталу. Айви, ты первый.

Бледный как призрак, он кивает. Опускается на корточки и, прячась за надгробиями, пробирается к усыпальнице. Спотыкается о ступеньку и прикладывается коленом — морщусь, оглядываюсь. Тихо. Толкаю Райха в спину: твоя очередь. Парень медлит, но подчиняется. Следом перебегаем мы с Триш, взявшись за руки. Я тихонько шепчу:

— Надгробие, осторожно, — помогаю преодолеть лестницу и притворить тяжелую дверь. Хриплый скрип разносится по кладбищу. Черт.

Оказавшись в крошечной темноте, зажигаю фонарь, спрятав в кармане, чтобы свет оставался тусклым и невидимым снаружи. Страх бьется в горле: накатывает порталный морок. Указываю на начертанный в мраморе пола знак:

— Мы будем пробовать, сколько нужно и пока они не уйдут. Магию не применять, — Айви застывает с занесенной для чародейства рукой. — Спящий портал же, до активации нельзя, только после. И охотники заметят колдовство, найдут нас. Знаю, тут холодно, — дыхание вырывается паром изо рта, — но нужно потерпеть. Давайте, что там первое.

— Горе, — брови Триш сходятся на переносице. Киваю: хорошо. Знакомо.

Первым опускаюсь на колени. Ледяной пол обжигает сквозь брюки. Закрыв глаза, вспоминаю день смерти Висии, день похорон, многие дни после — одинаково черно-белые, будто мир лишился разом всех красок. Как тяжело было дышать, как горела кожа — даже после заживления ожогов. Как хотелось кричать, как кричал — в подушку, наскоро начаровав ватную тишину. Как клеил фотографию на стену в красном свете барных ламп, среди сотен похожих снимков погибших парней, и запоздало писал: я люблю тебя. Прости.

Прости, что струсил, не заметил, не спас. Прости — наворачиваются горячие слезы. Опускаю голову, чтобы никто не увидел. Внимательный взгляд Райха ощущается кожей. Против воли возвращаюсь в холод портала, ощущая жгучий стыд: я давно должен был пережить горе, отпустить.

Я не могу даже этого. Горько усмехаюсь. Куда уж метить в Советники.

— Вина, — предлагает следующий ключ Триш.

Да, это моя вина. Его смерть, исчезновение Нааса и Зарин, все, что произошло или произойдет в Отрезке — из-за моей самоуверенности. Страх, поселившегося в позвоночнике. Тщательно оберегаемого одиночества.

Вина соленая на вкус, и слишком похожа на горе — сплелась так тесно, не отличить. Грусть, боль, потеря, ярость, обида, дурацкое Айвино скучание — все называемые девушкой чувства напоминают друг друга.

Обреченно открываю глаза.

Я варился в этом слишком долго, чтобы оставаться сильным. Я не могу.

— Не получается, — резюмирует Айви. Мне хочется застонать.

— Мы что-то упускаем, — ровно отвечает Райх.

— Нам нужно найти это сегодня, — сейчас. Портал отнимет еще месяц, и что будет, когда мы вернемся? Есть ли еще смысл в спешке? Я прогоняю мысль. Есть, и не смей думать иначе.

Так, словно все потеряно.

— Отчаяние, — сжимаю руки в кулаки. — Вот, что мы забыли.

Но и это не открывает портал. Одиночество, предложенное Триш — тоже. В наступившей тишине слышно, как завывает ветер и тикают, отсчитывая секунды, часы у Айви на запястье.

— Что будем делать? — Блондин смотрит на дверь. Я сажусь на рюкзак, опираясь спиной о расколотый широкой трещиной саркофаг. Прослеживаю кончиками пальцев ее ветвистый изгиб. Растираю скованную спазмом шею.

Хмурюсь:

— Давайте подумаем. Факт в том, что следующая остановка в жизни Раймонда Аваддона — Университет. Магия. Некое чувство привело его туда. В прошлый раз портал открылся от первого поцелуя, — я опускаю взгляд на линии знака, чтобы не видеть наглых серебристых глаз Райха и осуждающих — Триш. — Возможно, теперь нам поможет воспоминание о первом волшебстве.

— Но у всех это было по-разному, — Айви непонимающе хмурится. — Кто-то испугался, кто-то был в восторге...

— Должен быть общий знаменатель, — не сдаюсь я. — И мы отыщем его вместе.

— Тогда расскажи про свой... первый раз, — Райх, следуя моему примеру, устраивается на рюкзаке, подается вперед. Садятся Айви и девушка.

Я прикусываю губу.

Я рассказывал об этом только Висии, но... сейчас не до смущения.

— Мне... было лет семь. Лето я проводил на даче, и однажды ушел гулять в поля. Дальше обычного. Я хотел добраться до леса, маячившего вдаль. Никто из моих друзей там не был, и я собирался впечатлить их. Взял фотоаппарат, чтобы сделать подтверждающие снимки, прихватил воды и пару бутербродов... моя первая миссия в роли искателя, — усмехаюсь, вспоминая то утро. Я поднялся перед рассветом, надеясь вернуться до полудня, когда летнее солнце висит в небе белым кругом, а бабушка решает разбудить соню-внука. Она бы ни за что не отпустила меня так далеко, поэтому операцию следовало проверить втайне. Я вышел из дому впотьмах, и скоро уже шел напрямик полями, пробираясь сквозь жесткие колосья. Позже меня обступили подсолнухи, дальше вокруг сомкнулись шепчущиеся ряды кукурузы.

— Тогда я и испугался, — улыбаюсь: сейчас произошедшее кажется глупым, но маленький я был по-настоящему в ужасе. Кукуруза не кончалась. Солнце немилосердно жгло. Никакого леса я больше не видел, и деревни тоже. — Куда бы я не шел, полю конца-края не было. Я плутал до самого заката и совершенно выбился из сил. Когда тени удлиннились и остыли, впал в полное отчаяние.

Райх хмыкает, представляя.

— Помню, я страшно хотел увидеть больше, чтобы чертова кукуруза исчезла и не заслоняла собой весь мир. Я разозлился, и стал рвать ее, кричать, топтать. Тогда вдруг и

вспыхнул огонек.

Он занялся на куче сорванных стеблей — крохотный, почти невидимый в еще ярких лучах заходящего солнца. Тонкий дымок змейкой скользнул к небесам, а я замер, наблюдая. Протянув ладонь, тронул лепестки пламени, собрал в горсть. Было жарко, но не больно. Огненный цветок раскрылся ярче, пролился сквозь пальцы и заплясал рыжими язычками по сухой земле и мертвому разнотравью. Вскарабкался по кукурузе и вспыхнул факелом, выплевывая снопы искр. Минута — и все вокруг горело.

— Я испугался, хоть сам оставался невредимым. — Лишь задыхался от дыма, кашлял, упав на колени, давился горячим едким воздухом. — Свернулся калачиком, обхватив голову руками, и ждал, пока все закончится. Одежда тлела, волосы и брови тоже. Я лежал, пока пламя не отступило, а на небе не зажглись первые звезды. Тогда поднялся и огляделся. Поля до горизонта пылали. Жирный черный дым поднимался столбами, в зареве стал виден совсем близкий лес — я почти дошел. Повернувшись к нему спиной, отправился домой. Мне дико влетело тогда, хотя я так и не признался, что начал пожар: оно само, говорил, хотя понял по папиным давним рассказам — это я. Мое первое чудо.

Огненное. Значит я — наследник пламени. Таких папа называл чудовищами, что рождают чудовищ. Их держат в лабораториях, потому что они опасны. Поэтому я никому не сказал. Я не хотел, чтобы меня заперли вместе с тварями. Но вместе с тем, отчаянно стремился в Университет: жил мечтами о нем с самого детства.

Годами позже стал магом и узнал свою формулу стихий, огня в ней оказалось на четыре процента — смешно, а я так долго боялся. Помню чувство невероятного облегчения, когда Валентин сказал мне результат тестов.

А еще горечь — вкус того дыма во рту, мою силу и власть, расходящуюся огненным кольцом. Тогда я впервые подумал: я больше, чем кажусь самому себе.

И это было прекрасно.

Встряхнув волосами, прогоняю воспоминания и возвращаюсь в стылую реальность. Маги смотрят на меня, ожидая продолжения. Дергаю плечом:

— Итого: страх, злость, восторг. Примерно так. Вряд ли Раймонд чувствовал то же самое, но...

— Я чувствовала, — вдруг говорит Триш. — Именно это. И еще — облегчение, после.

— Что случилось? — Спрашивает Айви, переплетая пальцы. Я прислушиваюсь к свисту ветра в трещинах и щелях, всматриваюсь в темноту позади ребят. Триш, ссутулившись, обхватывает себя за плечи:

— На меня напала собака. Огромный черный ротвейлер. Налетел с лаем и бросался, не давая пройти, норовя укусить. Я растерялась и испугалась, заслонилась от него руками, закричала изо всех сил, стараясь прогнать. Тогда вдруг поднялся ветер, вокруг нас закрутился небольшой смерч — подхватил пыль, палые листья и белый пакет, пакет я особенно запомнила. Мне на секунду показалось, что я сильная, очень сильная, и могу победить эту собаку. Тогда я снова закричала и толкнула воздух. Он сместился вперед, целый пласт, вместе с застывшим внутри пакетом — плотный, как бетонный блок. И обрушился на пса. Собаку просто... раздавило. Внутренности вылезли, череп раскроило надвое, кровь плеснула на тротуар и растеклась ручьями из-под тела. Я была в ужасе, но и торжествовала. Я...

— Подожди, ты могла видеть? — Спрашивает Айви.

Триш морщится:

— Да, я не от рождения такая. Зрение пропало уже в Университете. Неудачная миссия.

— И ничего нельзя было сделать? — Айви глядит на девушку, будто впервые видит.

Сжимает кулаки. Триш качает головой, мягко роняет:

— Нет. Иногда даже магия бессильна.

— Неужели Гийот... — я поднимаю ладонь, и парень осекается. Широкие брови сходятся на переносице.

Его чертовы часы продолжают отсчитывать секунду за секундой. Райх прочищает горло, спрашивает:

— А ты? Что испытал во время первого колдовства? — Луны его глаз горят в приглушенном сиянии фонаря. Лицо бледнее обычного, только нос покраснел от холода. Спутанные волосы ложатся на щеку — хочется дотронуться, проверить, каковы наощупь. Триш сказала, в нем живет тьма, но я не чувствую страха. Я...

Засмотревшись, пропускаю начало Айвиного рассказа:

— ...шел быстро, но шаги приближались. Я уже знал, кто это: по давящему ощущению в затылке. По запаху, кислому и тяжелому. Он давно умер, я видел его в гробу, и как гроб опускали в землю тоже видел. Но дед все равно возвращался за мной снова и снова. Позже я узнал, что это твари примеряли его образ — утащили из моей памяти, ведь мертвого тела на похоронах я испугался страшно. С тех пор он преследовал меня во снах и наяву. Он... она — тварь, одна и та же. Годами. Я наконец решил пойти к психиатру: рассказал про кошмары, но галлюцинации скрыл — побоялся, что запрут в дурку. Мне дали таблеток, от которых я стал сонным и расслабленным, и море казалось по колено. Обычный морок твари почти не подействовал, поэтому, услышав ее присутствие, я решил попробовать... встретиться со страхом лицом к лицу. Вместо того, чтобы убежать, развернулся и пошел деду навстречу. Он остановился посреди темного коридора — сгорбленный силуэт, провалы вместо глаз. Ухмылялся. А я, под кайфом, внезапно разозлился: подумал, что мой дедушка никогда так мерзко не хихикал. Он вообще был хорошим, и часто гулял со мной маленьким. Я любил его. Это все было нечестно. Я так и подумал: нечестно! И попер на призрака.

— А он что? — спрашивает Райх, когда Айви останавливается перевести дух. Блондин криво усмехается:

— Завизжал! Я чуть не обделался, но все равно попытался кинуть рюкзаком. Он пролетел насквозь и сшиб зеркало со стены, разбил плафон. Призрак пошел на меня, и я начал пятиться к ванной, по пути швыряя всем, что попадало под руку. В один такой бросок вдруг стены... они как бы взорвались, выстрелили камнями и обрывками обоев, вылетело окно в кухне и все попадало с полок, рухнули тяжелые картины, лопнули банки с соленьями-компотами в кладовке. Дед дрогнул и отступил на шаг, а потом я моргнул — никого. Только соседка завозилась у себя в комнате, потопала проверять, что за шум — мы в коммуналке жили. Боже, как я оттуда убежал! Меня потом все равно подозревали, но я отперся: маг из Университета помог, дал непенф, который я подмешал в бутылку с питьевой водой... — Айви улыбается воспоминаниям и выглядит совсем мальчишкой. Опускает глаза к сигилу, трогает носком ботинка мраморный узор:

— Моя история тоже подходит под эту формулу. Страх, злость, восторг победы.

— Чудо, — в склепе будто стало немного теплее. Разделенные истории повисают тишиной между нами — уютной тишиной, в которую хочется завернуться. Я смотрю на ребят, и впервые за долгое время на сердце спокойно: я уверен, мы нашли ключ. Остался всего один шаг до цели. Последний переход...

— Что ждет нас на выходе? Ты говорил, мы идем к Первичному порталу? — Поднимает голову Айви. Взгляды обращаются на меня.

— Да, хотя я не представляю, каков он или каков его ключ, — и больше не вижу смысла скрывать. — Возможно, мы перенесемся в Темные земли — как знать.

— Темные з-земли? — Голос блондина надламывается, падая на октаву ниже. Парень бледнеет, хотя казалось бы — куда дальше.

— Мы не пойдём туда. Нам нужен Первичный драконий портал, — говорю мягко, успокаивающе поднимая ладонь. — Я должен активировать его и добыть Камень Силы: все девять камней Советников были взяты оттуда, и новый даст мне власть войти в Совет без голосования.

— А право крови позволит возглавить Университет, — Триш невидяще глядит перед собой, тонкие пальцы тесно переплетены — будто кости вот-вот прорвут кожу. Я беру ее руки и растираю, согревая:

— Верно. Моя мать происходила из рода драконоборцев, наша кровь несет следы драконьего проклятья — они ведь темные существа, как и твари, поэтому от природы расположены помечать обидчиков. Это нечто вроде защитного механизма. Метка дракона обладает невероятной силой и передается из поколения в поколение. Традиционно драконоборцы обучались тайным чарам лучшими магами клана, развивали свои магические и интеллектуальные способности до невероятных высот: ведь сражаться с драконами непросто. И неудивительно, что такие маги рано или поздно оказывались в Совете, становились во главу ордена. Со временем это переписали в закон: когда Братством Камня правили драконоборцы из семьи Верини, мои предки. Они как раз попали в удачный момент, ведь книга законов Университета открывается для правок раз в тысячу лет: так было заложено Мерлином, чтобы политика ордена оставалась консервативной. Артефакт, подпитываемый кровью Советников, следит, чтобы написанные правила не нарушались. Поэтому Совет всячески препятствует мне, надеясь протянуть в полном составе до следующего открытия книги — через два года, — и избавиться от неудобного закона.

— Нихрена себе ты скрыл от нас, — после непродолжительного молчания произносит Райх. Кусает нижнюю губу, крутит кольцо. — Я думал, мы хотим задобрить Совет драконом, чтобы они не наказывали тебя за нарушение приказа... а выходит, у нас тут революция.

Айви переводит взгляд с меня на него.

— Это так, Эрлах? Я... я запутался, не понимаю... — Блондин запускает пальцы в волосы, трет затылок. Смотрит на наши с Триш сцепленные руки.

— Да, — отвечаю просто. Время недомолвок закончилось. — И сейчас самый удачный момент выйти из игры, если нет желания участвовать. Дальше мы можем отправиться вдвоем с Триш. Она нужна мне, чтобы отыскать портал. Вы уже невероятно помогли, и безопасней будет, если...

— Нет, — вздергивает подбородок Райх. — Я иду с вами.

— Я тоже, — быстро вставляет Айви.

— Советую подумать еще немного, — отпустив потеплевшие ладони девушки, поднимаюсь. Ребята тоже встают.

— Я иду, — повторяет Райх, шагая вперед. Айви только кивает: да.

Прислушиваюсь к стонам ветра за притворенной дверью, скрипу старых деревьев. Где-то неподалеку рыщут охотники — вижу по напряженным плечам Триш. Ищут точку, в которой мы проявились после белого пятна. Стоит активировать чары — найдут.

Но медлить нельзя.

Нам пора на другую сторону Дороги огня, где лежат легендарные Темные Земли и спит первый из драконов.

Ощущая, как горит кожа, бегут мурашки по позвоночнику, выдыхаю:

— Тогда давайте открывать портал.

Замираю на границе знака с пистолетом наготове. Моя задача — остановить охотников, если они успеют появиться до перехода.

— Ты будешь стрелять? — Айви смотрит на оружие в моих руках. Взвожу курок — вздрагивает, широкие брови сходятся на переносице.

— Если придется, — надеюсь, что нет. Блондин нервно кивает и отходит в центр знака, оглядывается. Жестом показываю: начинайте.

Райх приближается и останавливается рядом. Хмурюсь:

— Здесь небезопасно.

— С боевой подготовкой у меня все отлично, — задрал черную толстовку, парень достает из-за пояса пистолет. Едва сдерживаю рычание: вот засранец! Таскал с собой все это время?!

— Не снимай с предохранителя, — выдыхаю, прицеливаясь в закрытую дверь. — Не смей стрелять раньше меня. Попробуем договориться.

Волоски на затылке поднимаются дыбом. Приступ головокружения заставляет покачнуться, во рту появляется металлический привкус.

— У них получается, — Райх оборачивается к соединившим руки на знаке. Триш склонилась так низко, что волосы лежат на полыхающих холодным огнем линиях, голова касается головы Айви — маг с усилием отрывает ладонь от камня и сжимает плечо девушки, поддерживая. От него рябью расходится энергия: значит, воспоминание о призраке деда работает. Мир за пределами портала сереет и смазывается, подергивается дымкой помех. Я выдыхаю, когда слышу резкий скрежет отворяемой двери.

— Стоять! — Кричит незнакомый охотник, вскидывая руки в боевых перчатках. Сигилы на них вспыхивают и выплывают ветвистые молнии. Двое позади наставляют на нас пистолеты. Лица неузнаваемы среди неровного света и меняющейся реальности: я уже вижу вечерний лес, лунное сияние, переплетение ветвей вместо людей напротив. Запах озона путается с ароматом хвои. Кричу:

— Не стреляйте!

— Остановите портал! — Требует парень с перчатками.

— Не останавливайтесь! — Медленно опускаю оружие. — Мы сегодня же вернемся в Университет, нет нужды...

— Остановите портал! — Повторяет маг. — Или умрете!

— Каков приказ? — Говорю, когда маги позади чуть меняют позы, сжимая пистолеты, чтобы открыть огонь. Я уже знаю ответ: доставить живыми или мертвыми...

Вскидываю оружие.

— Назад! — Вдруг рычит Райх, стонет и сгибается, будто от удара в живот — а через мгновение выпрямляется... нет, падает на колени, а то, что встает — даже не человек. Черный морок разливается по помещению, удушливая волна страха заставляет меня и охотников оцепенеть и просто смотреть на песьеголовое существо, шагнувшее вперед.

— Тварь, — задушено сипит парень в перчатках, а чудовище бросается вперед. Кто-то стреляет. Звук теряется, сожраный порталом, за ним следует второй — тогда я тоже нажимаю на курок, целя в создание. Мощная электрическая вспышка озаряет склеп, направляясь ко мне — выставляю блок. Кости до плеча прошивает ослепительной болью.

Еще один выстрел и снова свет, будто моментальная фотография: парень в боевых перчатках отшатывается, хватается за грудь. Второй лежит на спине, тварь сидит сверху и рвет его шею. Взлетающие капли крови зажигаются красным в зареве портала. Третий охотник кричит и стреляет в меня, но слишком поздно: он исчезает, пуля исчезает, стираемая границей перехода — монстр бросается назад к Райху, но не успевает: нас уже обнимают синие сумерки, шум листвы и неожиданно теплый ветер.

Лес. Вечер.

Мы перешли.

Рывком оборачиваюсь к пустому, хватаю за плечи, поднимаю на ноги. Парень дрожит, роняет оружие, шепчет:

— Я... не удержал ее внутри, — глаза белые от страха. Отпускаю. Отшатываюсь.

Покачнувшись и стерев бегущую из носа кровь, преодолеваю несколько шагов, падаю на колени перед лежащим ничком на земле Айви. Триш растянулась рядом. Пугаясь в одежде, достаю фонарь. Луч выхватывает бледное лицо девушки, скользит по пальто — один рукав вспорот у локтя и почернел от крови, но рана явно несерьезная.

— Айви, — говорит нависший над нами Райх. Склоняюсь над блондином, переворачиваю на спину. Стискиваю зубы, торопливо расстегиваю его китель, задираю футболку. Отверстие от пули зияет в груди, из него толчками вытекает кровь. Черт!

— Прижми! — Сдернув с парня шарф, закрываю рану, ловлю ледяные руки Райха и показываю — как. Рассыпая карточки с заклятиями, отыскиваю останавливающее кровотечения. Помедлив — опасно колдовать в незнакомой магической местности, но выбора нет, — читаю формулу и с шестой попытки активирую чары, касаюсь Айви. Шепчу по памяти заживляющее, восстанавливающее, сплетаю стазис из последних сил. В висках стучится мигрень, мелькают вспышки перед глазами — словно молнии еще продолжают гулять в теле.

— Все, отпускай, — Райх неуверенно убирает шарф. Красная рана оказывается затянутой целлофаново-прозрачной кожей. Хорошо, правильно. Разжав кулаки, — ногти до боли впились в ладони, — запускаю пальцы в волосы, стискивая раскальвающуюся голову. Дышать тяжело, слова даются с трудом. — Нужно... привести их в себя. Я... сейчас поставлю барьер, здесь небезопасно.

— А ты? Ты цел? Тебя здорово приложило молнией. — Райх находит мою окровавленную руку и сжимает, переплетая пальцы:

— Прости... я не... — вырываю ладонь. Меня бьет дрожь:

— Ты убил их! Мы собирались договориться, но ты убил двоих человек — просто так!

— Она защищала меня, я не смог помешать, — глухо роняет Райх.

— Черта с два, ты даже не пытался! Я ведь мог...

— Ничерта ты не можешь! — Пустой зло прищуривается. — Ты даже не понимаешь: она всегда чувствует угрозу! Всегда! Они не стали бы разговаривать! Они сразу хотели...

— Остановить нас, — очевидно.

— Любой ценой! — Рывкает парень. — Лучше подумай — почему? В Университете ведь не знают про Дорогу огня и наши цели! Тебе собирались стереть память и выгнать, разве не так? Зачем тогда сразу...

Я чувствую липкий страх и как холод сковывает плечи:

— Кто-то проболтался, — Валентин или Гийот, Нина или жених Сано, Ульрих Пата.

Боже мой. Что с ним сделали?!

Что сделали с остальными?!

— Тиу? — Предполагает парень, глядя на меня с опаской. Считаю вдохи-выдохи, в попытке прояснить мысли. Холодно командую:

— Неважно. Сейчас необходимо позаботиться о ребятах. Попробуй разбудить Триш, нашатырный спирт в аптечке, большой карман моей сумки. Я наколдую барьер.

— Ты сможешь? — Райх переступает на месте. Обещаю больше себе:

— Смогу, — начертить шилом на расчищенном от листьев клочке земли сигил защиты, дополнить вторым, третьим уровнем — мелкие камешки повисают в воздухе, образуя сложный трехмерный узор. Сжать кулак, заставляя чары съежиться, и отпустить одним колючим словом — засветившись голубым, камни разлетаются широким кругом.

— За границу света не выходи, — Райх, доставая нашатырь, кивает. Ублюдок! Прятал внутри себя тварь — и ни словом не намекнул! Вот, что почти разглядела в нем Триш... Что видел я сам — в неровном движении теней, бликующих зрачках... точных догадках... Черт, а я не поверил девушке, не захотел верить!

Рваными злыми движениями создаю поисковые заклинания. Знаки выходят густо засеянными точками волшебных существ и созданий. Скопление роящейся тьмы впереди — сердце пропускает удар, — наверняка Темные Земли. Боже мой, карта протянулась во мрак, и конца не видно! Справа от обители тварей раскинулась обширная волшебная зона — лес демонов, если верить записям Тлалока. За ним лежат руины Братства Камня, первого ордена магов. Туда направлялись Эд и Мара, должен был пойти Тиу... когда? Я лезу за телефоном, встряхиваю, ожидая включения. Скорей же! Сколько дней забрал портал?

— Пятнадцать, — пересчитываю дважды. Тихо стонет, приходя в себя, девушка. Райх поддерживает ей затылок, помогая сесть. Говорю:

— Давай заживлю локоть.

— Не нужно, я сама, — она рассеянно ощупывает рукав и поворачивается к лежащему парню.

— Что с ним?

— Жить будет, — но дальше не пойдет. С такой травмой нужно несколько дней постельного режима и заклинаний. Кстати о последних: вычерчиваю еще одни поисковые чары, завязанные на людей. Нужно отыскать Мару, Эда и Тиу. Сосредоточившись, вспоминаю острое чувство потери — приходит при взгляде на пустой угол, где раньше стояла кровать Висии. Сейчас я вижу только одинокую точку в предполагаемом Братстве Камня. Где еще две?!

Ощущение, будто меня ударили под дых.

— Эрлах? — Спрашивает Райх. Торопливо ищу номер Гийота. Говорю скороговоркой, услышав в трубке знакомый голос:

— Эд и Мара, Тиу — что с ними?

— В Братстве Камня, — коротко отвечает мужчина.

— Я смотрю на карту и вижу одну точку.

— Прости, я забыл, — целитель шумно выдыхает. — Тиу в Братстве, Мара и Эд на каникулах в Риме. Ты уже... там?

— Нас нашли и попытались убить. Почему? — отвечаю вопросом на вопрос, до боли прижимая трубку к уху. Гийот молчит целую вечности прежде, чем сказать:

— Валентин. Администрация проверила всех, с кем ты был близок, и он раскололся. К счастью, никого больше не сдал, но сам... он лежит у меня, Эрлах. Инсульт. Не первый, и

следующий может стать последним.

Повисает тишина. Триш и Райх напряженно прислушиваются. Я закрываю глаза.

— Портал откроют утром, — чуть мягче продолжает Гийот. — Полагаю, ты успеешь.

Киваю, качаю головой — наверное. Не знаю. Мне бы чувствовать облегчение, но есть лишь злость на Райха и страх: за Валентина, Айви, мой блок — каждый из ребят теперь в опасности. Я...

— Я должен успеть. Позаботься о Валентине. Свяжись с Олафом и Смуглянкой: пусть приготовятся к возвращению, ждут у ближайшего портала и скинут координаты. Мне потребуется их поддержка, — с Камнем или без, теперь, когда мы убили двоих охотников, Университет не сдастся без боя.

— Хорошо.

— Спасибо, — выпрямившись, осматриваюсь. Над нами шепчут высокие дубы, лунный свет дырявит листву. Под ногами — земля с проступающими камнями, замшелыми узлами корней. В черной чаще поет соловей.

— Триш, ты видишь портал? — поворачиваюсь к девушке. Она сидит, слепо уставившись на Айви. — Триш?

Вздрагивает:

— Да... да, я вижу его. Два портала, но в одном смерть.

— Это портал на костях магов, он расположен в Братстве Камня. Мара и Эд должны были активировать его.

Волшебница зябко обхватывает себя за плечи.

— Он активен. Второй, драконий, лежит там, — она указывает в темноту под деревьями, где голубыми искрами сияет барьер.

— Далеко?

— Нет.

— Тогда исцеляйся и пойдём.

— А Айви? — Она непонимающе хмурится.

— Останется здесь. Райх о нем позаботится.

— Ни за что! Я не оставлю его с этим... — она запинается, на щеках появляются пятна злого румянца. — Я никуда без Айви не пойду!

— Тогда будешь левитировать его до портала! — Рывкаю, размашисто рисуя пылью знак и толкая в сторону девушки. Триш неловко цепляет земляное плетение, добавляет наощупь несколько воздушных сигиллов и встает, опираясь на заклинание. Ее рука продолжает кровить, но я не вмешиваюсь. Смотрю, как произнесенные слова поднимают Айви в воздух на метр и тащат вперед, между деревьев. Подхватываю чары барьера, сдвигая защитное кольцо, чтобы ни одна беглая тварь к нам не подобралась.

— Она ведь найдет тебя? — Спрашиваю сухо. Райх сразу понимает, о ком я:

— Всегда находит.

— Какого черта ты не сказал?! — Мне хочется взять его за шкуру и хорошенько встряхнуть, приложить о ближайший ствол и...

— Когда мне стоило это сделать? — Ехидно интересуется пустой. — На каком этапе, чтобы ты не отправил меня потом в лаборатории?

— Я похож на человека, который сдаст тебя ученым? — Глаза Райха колюче блестят. Парень привычным жестом ощупывает карман в поисках травы, но не находит портсигара и коротко матерится. Выдыхает:

— Не знаю, ты вообще ни на кого не похож! Как я должен был определить?

Мне нечего ответить. Сплеываю кровавую слюну и отворачиваюсь.

— Тебе стоило поделиться с Эрлахом своей проблемой, — выдыхает Триш. — Он любит такое: проклятых, сломленных. Чудовищ. Ради них он готов пожертвовать всем. Мы здесь как раз поэтому, поэтому трое человек мертвы, а Айви ранен. Из-за мести, из-за любви. — Я сжимаю кулаки, сдерживая ярость. Каждое слово Триш задевает за живое. — Я надеялась, что он оставит давние чувства позади, но Эрлах дышит только прошлым, где нет места для живых. Ты тоже долго не продержишься. Тебе далеко до святого мученика Висии.

— О, заткнись, — огрызается Райх. — Смотри под ноги.

Воцаряется гнетущая тишина. Лес вокруг непроглядно черен. Луна спряталась за бегущими облаками и роняет редкие лучи сквозь густые кроны. Под ботинками пружинит ковер из листвы и хвои, причудливо изгибаются мощные корни и россыпи камней. Пахнет землей и цветущей акацией — после зимней стужи, воздух кажется сладким как мед.

Слышны лишь треск веток и шорох наших шагов. Впереди путеводным созвездием сияют камни барьера, а сердце заклинание бьется в моей руке — удерживать тяжело, вот-вот рассыплется. Мигрень давит в висках, кожа нестерпимо горит. Механически переставляю ноги, всматриваюсь во мрак — он глядит в ответ, ощущаю лопатками. Тихо, будто в могиле. Даже ночные птицы умолкли.

— Темные Земли, — вдруг шепчет Райх. Указывает в темноту справа, куда ведет узкая тропка. Она оканчивается... калиткой. Никакого забора, только два столба и покосившаяся, приоткрытая железная дверь между вековых елей, едва различимая в синеватом свете защитного контура. Я останавливаюсь, чувствуя, как холодные пальцы страха прикасаются к затылку. Триш тенью скользит мимо. Происходящее кажется сном. Усилием воли заставив себя отмереть, делаю знак Райху: пойдём.

Нам нужно дальше.

Вскоре плотная тьма остается за спиной, вместе с лесом демонов и далеким Братством Камня. Я пытаюсь представить его по карте поисковых чар: небольшой замок, отдельные строения раскиданы среди мощных стен — целых ли? Пригоден ли орден для жизни? Какой она будет — завтра?... Скашиваю глаза на Райха и безмолвную Триш, медленно плывущее над землей тело Айви. Кто уйдет, кто останется рядом?

Я знаю ответ, хотя будущее представляется далеким и зыбким: будто нет ничего вне этого мрака, злой тишины и неровного кольца моей магии — хлипкой преграды между нами и хищным миром.

Мы движемся вне реальности, в зоне лимба, где время течет по неведомым законам: мимо проходят секунды или годы? Мне почти все равно. Я дышу чистой силой, что пропитывает каменистую почву, возносится к черным небесам; борюсь со страхом — древний морок не отступает, гонит прочь из запретных земель. Пугает мысли. Лишь одна звучит четко: нам здесь не рады.

Нужно сделать привал, но я ускоряю шаг. Портал рядом, энергия разлита в воздухе — теперь я чувствую и без подсказки Триш.

— Нужно обновить чары, — она останавливается, склоняется над Айви. Колдует бережно, ловко сплетая заклинания — выходят куда чище моих, где накручено усиливающих сигиллов. Чувствую укол зависти: хотел бы я так. Без карточек, без сложных расчетов, а как получается в первые минуты после открытия портала, когда драконье проклятие в моих жилах берет свое, стирая неуверенность, вину, одиночество.

Легко. Хочется, чтобы было — легко.

Но мне сложно. Идти, заставляя расступаться густой подлесок, ощущать затылком серебряный взгляд Райха, думать об Университете, магах в Отрезке, Советниках — людях умных и хитрых, талантливых и сильных, которые только и ждут возможности уничтожить меня. Убить. Невесело хмыкаю: вот оно, Триш, теперь только и волнений, что о живых. На мертвых меня уже не хватает. Даже Раймонд Аваддон со своими полными любви и боли записями остался по ту сторону портала — чем бы ни закончилась его история.

Лес редет вместе с ночью. Ноги гудят, ноет поясница, но впереди синий свет туманом просачивается между стволов — наконец-то.

— Пришли, — Триш опускается на поваленную сосну. — Мы останемся здесь, мне нужно передохнуть. — Обхватывает себя за плечи, прячет белесые глаза за отросшей челкой. Медленно приблизившись, опускаюсь на колено и оставляю рядом сердце защитного контура. Закрепляю волшебство кровью, порезав ножом запястье. Говорю:

— Скоро вы будете в безопасности.

Девушка кривит губы:

— Ты не можешь этого обещать. Никогда не мог.

— И тем не менее, ты здесь, — сама выбрала, устав от бесконечных опытов в лабораториях: дар Триш, редкий и сложный, будоражит умы ученых который год. Волшебница качает головой, вплетает пальцы в растрепанную косу:

— Я была дурой, что пошла с тобой.

— Почему?

Райх трогает мое плечо:

— Времени в обрез.

Девушка молчит, и я со вздохом поднимаюсь.

— Прости, если разочаровал.

Мы в тишине минуем барьер — светящиеся камешки раздвигаются, освобождая путь. Лес редет, и вскоре я выключаю фонарь. Не выдерживаю:

— Что? — Райх фыркает.

— Да ты ей нравишься, вот что. Идиот. И сам же подпитываешь ее чувства этой своей заботой. Руки вон растирал в склепе, вечно рядом мнешься...

— Заткнись. Это не так, — но что-то в его словах беспокоит меня.

— Я знал, что она увидит нас тогда, в портале, — прячу ладони в карманы. Не смотрю на Райха. Щеки теплеют от воспоминаний о поцелуе. — И догадывался, что психанет. Так же и было, да? Вы поссорились?

— Перестань, — остановившись, поворачиваюсь к парню. Бледный, встрепанный, руки сжаты в кулаки. Глаза отражают утренний свет. Он кажется хрупким без твари внутри — и как я не заметил раньше? В два шага оказываюсь рядом, притягиваю за отворот куртки вплотную. У Райха сбивается дыхание. Его невозможный запах запятнан кровью убитых охотников — медная нота повисает между нами. Вглядываюсь в бледное лицо. Только он и остался рядом в конце, кто бы мог предположить.

И я вдруг понимаю, что мне достаточно.

— Забудь о Триш. Ты хотел увидеть дракона? Оно здесь, твое настоящее чудо. Пойдем. Остальное — потом.

— Потом, — повторяет эхом. Вдруг легко касается моих губ поцелуем. Не даю отстраниться, отвечая, прижимая к себе. Мне это нужно.

Мне зачем-то нужен он — непонятный, избранный тварью, вечно под кайфом.

Как странно. Выходит, Триш была права... К черту! Не сейчас.

Она, Дракон, Совет и весь мир могут немного подождать.

Я спускаюсь с гребня котлована. Позади — Райх и сумрачный лес, впереди — голубые горы с заснеженными вершинами, светящее небо, лента реки сбегает в долину. Озеро розового льда раскинулось под ногами. Холод пробирает даже сквозь подошву ботинок.

— Это оно? — спрашивает Райх, не решаясь ступить на поверхность в кровавых разводах.

— Да, — просто отвечаю я. Сюда мы шли по линии жизни Раймонда Аваддона, отсюда сможем отправиться... куда угодно. Горло перехватывает спазмом.

Я здесь.

— Смотри, — срывающимся голосом говорит парень, сбегая ко мне, указывая вниз. Прищурившись, не сразу различаю в темной глубине очертания исполинского гребня, отблеск чешуи в первых лучах встающего солнца. Отступаю: прямо подо мной — гигантская лапа с изогнутыми когтями тянется к поверхности, будто силясь сломать ледяную ловушку.

— Он огромный, — Райх опускается на колени, прикасаясь ладонями к поверхности озера. Его руки окрашиваются алым, словно кровь зверя только пролилась.

Или это кровь Айви?

— Первый из драконов, породивший всех прочих. Он все еще жив там, подо льдом.

— Невероятно, — Райх широко улыбается и выглядит совсем мальчишкой. Следом за мной идет над спящим чудовищем. Озеро разлеглось широко, на многие километры. Морок лимба истаял, сменившись леденящим спокойствием — будто это я замер в сонном оцепенении. Без тревожного страха под сердцем сложно вспомнить, зачем я здесь, что ищу.

— Камень Силы, — в сознании всплывает образ пульсирующего алым минерала. — Мне нужно получить его, но я не знаю, как.

— Что это такое? — Теплый ветер треплет волосы Райха.

— Свернувшаяся кровь дракона. Вернее, законсервированная чарами, ведь каждая капля, будучи пролитой, оборачивается ядовитым гадом — согласно преданиям. Все существующие девять камней связаны между собой через этого зверя. Соединившись с ними, я обрету силу и власть Советника: согласно закону Мерлина, всякий, прошедший Первичный Портал, имеет право управлять орденом. Говорят, здесь особенный ключ, который повернет лишь достойный.

— Как же мы его узнаем?

— У меня есть одна идея, — достаю тщательно упакованный в целлофан клочок ваты со следами крови Зарин Аваддон. Я уже смог вызвать тварь однажды. Надеюсь, она явится и сейчас. — Подожди меня здесь, пожалуйста.

Райх дергает плечом и останавливается, вновь оглядывает кровавые глубины. Я иду вперед. Стискиваю стучащие зубы: холод проникает под одежду и сковывает мышцы. Страх возвращается, мурашками по позвоночнику, дрожью в кончиках пальцев — медленно вычерчиваю сигил призыва на поверхности портала. Линии выходят кривыми, и колдовать здесь опасно, но... я просто устал перестраховываться. Позвать ее прямо сюда кажется правильным. До тех пор, пока Плутон не возникает напротив, взъерошенная и напряженная, готовая сбежать при малейшей угрозе. Выдыхаю: портал и не дрогнул.

Коротко осмотревшись, тварь скалит стальные зубы в улыбке, рокошет:

— Так вот, каков твой замысел.

— Мне нужна твоя помощь, — сжимаю кулаки.

— Ключ, — она склоняет голову с тонкими рогами.

— Ключ, — Тлалок, ее создатель, еще жил во времена, когда Советники проходили инициацию здесь. Нынешние лишь отдают Камень преемнику, поскольку путь к Первичному Порталу исчез в лимбе вместе с Братством Камня, но Тлалок...

— В последний раз я была здесь еще с ним, — тварь переступает на льду. Тень пробегает по чешуйчатому лицу. — Не думала оказаться вновь...

— Ты поможешь мне? Если я стану Советником, то изменю порядки в Университете. Упраздню Заповедник и...

— В этом больше нет нужды, — тварь оскаливается. — Мы заставим ваш Совет подписать перемирие с тьмой. Нас больше, мы сильнее, и, впервые за многие столетия, готовы выступить против людей единым фронтом.

— Я не понимаю, — хмурюсь.

— В Отрезке Совет ждет ловушка. А в Университете, по возвращении — сюрприз. Теперь мы знаем, где он расположен. И вынудим прекратить охоту на нас. Подписать пакт Серафима, который однажды уже заключался между людьми и волшебными созданиями. Тогда мир стоял двести лет. Посмотрим, сколько люди продержатся в этот раз, — тварь вновь неприятно улыбается. Я вспоминаю, какой резней окончилось шаткое перемирие и кривлюсь:

— Амбициозная затея. В случае успеха, вам тем более понадобится человек в Совете, не желающий войны.

— Зарин станет этим человеком, — Плутон вздергивает острый подбородок, враз становясь выше. Я сдерживаюсь, чтобы не шагнуть назад.

Я не сразу понимаю.

Медленно складываю слова, глядя на замершую тварь:

— Она может стать Советником лишь одним способом, не считая Первичного Портала. Если поклянется тебе в верности, объединяя души. И если ты умрешь после.

Налетевший порыв ветра ерошит черную шерсть, оглаживает впалые бока. Тварь прикрывает полные глаза, соглашаясь:

— Я умру. Очень скоро. Только смерть выведет их из Отрезка.

Смотрю на нее, будто вижу впервые. Не знаю, что сказать.

— Впрочем, — тварь оценивающе прищуривается, — Зарин понадобится поддержка. Если ты поклянешься на крови, что станешь ей верным соратником — я, пожалуй, скажу тебе ключ. Сможешь ли ты им воспользоваться — другой вопрос...

— Я прошел Дорогой огня, чтобы оказаться здесь, — и чувствую, как наваливается усталость, сворачивается болью в пояснице. — Я смогу.

— Посмотрим, — тварь подходит ближе. Рычит:

— Руку.

Закатав рукав пальто, протягиваю ей порезанное предплечье. Плутон прикасается кинжальным когтем, проводит новую линию, вскрывая кожу. Вырезая сигил, который останется со мной пульсирующим шрамом, произносит заклинание клятвы и связующие слова:

— Ты всегда будешь защищать и охранять Зарин Аваддон, даже ценой собственной жизни.

— Клянусь, — холод расползается по руке, каплями крови срывается вниз. Морщусь: теперь я связан с девочкой-солнцем до конца своих дней.

Если только она переживет встречу с Советом.

— Когда увидишь Зарин... — тварь на секунду отводит взгляд. — Меня уже не будет рядом. Передай ей это.

Она протягивает лапу, на которой из воздуха сплетается... цепочка с серебристыми звездочками. Украшение.

— Что это? — Осторожно беру ледяной металл, блестящий в ярких лучах показавшегося из-за гор солнца.

— Звезды, в которые можно поверить, — тварь отступает. — Она поймет.

— Почему ты поверила в нее? — Быстро спрашиваю, сжимая ожерелье в кулаке. Острые грани впиваются в ладонь.

— Она... — Плутон медлит с ответом, но вдруг улыбается — словно бы нежно, если подобное возможно для твари:

— Она спасла меня. И тебя тоже. Посмотри, как далеко мы зашли, вырвавшись из плена Университета. Зарин — будто ось, меняющая мир вокруг. К худу или добру, будет видно в конце. Сделай так, чтобы он был хорошим, Даниель Эрлах. Иначе клятва уничтожит тебя.

— Ты обещала мне ключ взамен.

Тварь фыркает, рассыпая искры смеха:

— Величие! Что еще могли зашифровать Советники? Ты когда-либо чувствовал себя великим, Эрлах? Самое время припомнить.

— Величие, — я стою в центре озера и смотрю под ноги, дальше выбитого во льду знака портала, в кровавую темноту. Отсюда не разглядеть дракона, лишь тень исполинского зверя. Подошедший Райх останавливается рядом. Хмыкает:

— Еще одна загадка. Будто продолжение дневника.

Соглашаюсь:

— Раймонд Аваддон был великим магом, — наверняка ему несложно было бы пройти обряд посвящения в Советники.

— Ты тоже: мы же здесь. Об этом когда-нибудь напишут в книгах. Или ты оставишь собственный дневник. И те, кто будет читать его, наверняка подумают: нихрена себе они крутые были. А мы ведь обычные, я так вообще пустой.

Райх отворачивается к далекому лесу, где остались Триш и Айви.

— Предлагаешь представить? — Усмехаюсь, запуская руку в волосы. От тревоги перехватывает дыхание. Парень касается моего плеча.

— Нет. Я просто... хочу сказать, что мы уже — история.

— Хорошая или плохая — будет видно в конце, — повторяю слова Плутона. Только где он, конец? История Висии, его надежда, привела нас сюда, а Зарин и других — в Отрезок. История Раймонда Аваддона тоже не закончилась со смертью. Его страсть, сострадание, любовь и первое колдовство продолжают жить в дневниках, и как знать, сколько еще людей пройдет Дорогой огня вслед за великим магом:

— А чем все закончилось у Раймонда? — будто читает мысли Райх. — Там всего страница или две оставались, давай глянем.

Морщусь: зачем? Но Райх не уступает:

— Давай. Читай. Вдруг там подсказка. Или у тебя есть другие идеи?

Сдавшись, лезу в карман за рукописью. Налетевший порыв ветра едва не вырывает листки. Добравшись до последних, прочитываю по диагонали, пропуская непонятные слова и чересчур сложные предложения. Чувствую себя глупо: стою посреди Первичного Портала и роюсь в прошлом давно мертвого мага. Райх подглядывает из-за плеча, будто может что-либо разобрать. Вздохнув, пересказываю:

— Он пишет о первых годах в Университете. Магия казалась ему ответом на все вопросы, недостающим звеном между наукой и богом. Раймонд обрел новый смысл: захотел понять природу чуда, найти его истоки в структуре заклинаний. И поиски привели сюда, поэтому и Дорога огня ведет — сюда. Магия родилась в Темных Землях, считал Раймонд. Через Первичный Портал вместе с первыми чародеями она проникла в наш мир... — переворачиваю последнюю страницу. В груди нарастает жжение и ощущение потери: пришла пора прощаться, но за долгие недели я привязался к острым летящим буквам и вычурному слогу, научился различать между строк эмоции старого мага. Сейчас это печаль. — Только люди использовали силу для получения власти и богатств, развлечения и войны. Они уничтожали тьму, которая их так пугала — забывая, что сами вышли из мрака. В конце... он призывает вернуться к истокам. Раймонд оставил выбор прошедшим Дорогой огня, но сам собирался открыть ту калитку.

— Темные Земли, — почти шепчет Райх.

— И это — цель его пути? Умереть среди тварей?

— Ты же не умер, хотя носил в себе одну.

Парень хмурится:

— Я хотел умереть. И захочу снова — когда она вернется, а она всегда возвращается. Я думал... — облизывает яркие губы, привычным жестом ощупывает карман в поисках портсигара. Серебряные глаза слепо глядят вперед. — Читал, твари почти не живут в пустых, и надеялся, что во мне есть нечто особенное... спрятанная сила, которая проснется однажды. Поэтому и попросился в миссию, решил стать искателем. Найти... ответы. А теперь выходит, за ними нужно пилить в логово тварей. Можно было даже не убегать от своей. Только зря траву переводил.

— Это правда, тебе придется встретиться со своим страхом на трезвую голову, чтобы победить. Или договориться.

— Договориться! — Фыркает парень. — Опять ты?...

Я смотрю на знак портала. Под сердцем ворочается мой собственный страх, страх сдвинуться из нашей точки равновесия, где время будто остановилось, и ничего никогда не произойдет. Страх вернуться в бесконечную войну — как и писал Раймонд, я сражаюсь за власть.

— Тварь, с которой я разговаривал только что — воплощение кошмаров Советника Тлалока. Теперь у нее новый хозяин. Они договорились. С тьмой можно поладить. И знаешь... — опускаюсь на корточки. — Мне нравится эта мысль Раймонда: примириться со своими демонами. Принять. Именно перемирия сейчас собираются добиваться ребята в Отрезке, — Райх непонимающе сводит брови, — долгая история, потом. Я тоже хочу попробовать.

— Да? Ты что-то понял? — Он пятится назад, выходя за границу знака.

— Возможно.

Улыбается — диковато и широко, говорит:

— Удачи!

Опускаю глаза к сигилу. Выуживаю из кармана и роняю карточки с чарами — ветер подхватывает, разносит широко. Прослеживаю пальцем линию портала, останавливаюсь в точке обрыва. Здесь начинается колдовство: в пустоте. Внутри меня тоже будто ничего нет, ни памяти, ни ожиданий. Я не знаю, каким будет мое завтра.

Мне плевать.

Мне бы подумать о других — живых, мертвых. Не выходит. Нащупываю лишь пустоту и страх, всегда только они и были. Гнали вперед.

И вина.

Она парализует тебя, — сказала тварь, и оказалась права. Даже сейчас мне сложно рискнуть. Просто начать — будто не имею права.

— Ты больше, чем кажешься себе, — беспомощно шепчу, накрывая разрыв ладонью. — Вспомни... вспомни то кукурузное поле, расходящееся кольцом пламя.

Дым в высоком небе, зарево пожара на краешке горизонта — вот, как далеко завел тебя страх. Твой ужас быть отвергнутым уничтожил Висию, запустил эту цепь событий — Плутон, Отрезок, Дорога огня, дракон в ледяной ловушке.

— Не страх ли управлял Раймондом Аваддоном — великим магом, метавшимся между религией и наукой?

Зажмуриваюсь, вцепившись в обжигающий лед. Позволяю страху затопить сознание до краев — холодному, беспощадному, заслоняющему весь мир. Грандиозному.

— Нет ничего более сильного, целостного и... великого, — ярче протухшей вины, страх собрал нас вместе и отправил в путешествие. Позволил найти силу друг в друге и опереться. Пусть сейчас все разваливается — мы дошли.

Память рождает огонь в руках, жаркий и солнечный, — первое мое колдовство, последнее — Висии.

— Страх зажег нас. И, спустя годы, я продолжаю гореть. Смерть Висии сияет сквозь время, освещая нам путь. Разве это не величие?

Или надежда — слово из его дневника, слово твари, заключенное в звезды украшения.

По позвоночнику бегут мурашки, голова становится тяжелой, а реальность смазывается. Под пальцами — тает кровь дракона, жжется. Ватная слабость и покалывание ползут по рукам, волна жара оглаживает лицо. Оглянувшись, замечаю дым и алые искры в линиях портала. С усилием делаю вдох, зажмуриваюсь. Величие или надежда — неважно, нужно удерживать чувство.

Нащупываю в кармане цепочку, которую дала мне Плутон. Звезды впиваются в кожу. Сегодня она умрет, древняя тень, умрет ради человека — людей, ради будущего, а я останусь сдерживать данную клятву. Защищать Зарин Аваддон.

— Еще один огненный маг, нуждающийся в моей помощи. Как далеко это заведет? — Братство Камня? Темные земли? Пусть. Я вдруг перестаю бояться.

Я плаю.

Из глубин льда поднимаются скрежет и гром. Дракон поворачивается в заколдованном сне. Поверхность ловушки раскалывают глубокие трещины, и прямо мне в руку толкается камешек. Маленький, острый осколок насыщенно-бордового цвета, золотистый на сколах. Мой Камень Силы.

— Привет, — трогаю зубчатый край, надрезаю палец. Перед глазами вспыхивают тысячи огней, близких и далеких, давних и живых — души прошедших порталом. Где-то среди них наверняка Раймонд Аваддон и Тлалок, создатель Плутона. Теперь буду и я.

Нужно только позволить Камню забрать одно воспоминание. Одно единственное, но важное — теряюсь, не зная, какое выбрать. Встаю, шагая назад в розовом мареве. В висках шумит. Оглядываюсь на стоящих за границей портала Райха, Триш и Айви — все-таки пришли, а я... что я могу отдать? Кем стану, лишившись части себя?

Сжимаю кулаки. Нет, не сейчас. Я должен оставаться собой полностью, когда вернусь в Университет.

Позже. А пока...

Первичный портал достаточно мощный, чтобы выбрать любую точку мира и перейти. Может, навестить Совет в закрытом зале для собраний? Я вижу его строгое убранство в кровавом тумане. Забавно. Думаю: не очутиться ли в лабораториях Хайме? И портал показывает мне знакомый белый зал, с начерченным на полу сигилом. Охотники — добрая сотня человек, — почетным караулом окружают знак. Лаборанты собрались возле главного монитора и обсуждают показатели, сам Хайме склонился над столом, изучая записи... Последние приготовления. Они вот-вот отправятся в Отрезок.

Мне рано вмешиваться.

Сделав глубокий вдох, оказываюсь в проекции своей комнаты. Потрясенно моргаю. Она куда реальней предыдущих двух. Здесь нет ветра — и неожиданно тихо. Пыльный свет квадратами ложится на пол. Оборачиваюсь к стене, где стояла кровать Висии, а теперь — перечеркнутое трещиной мутное зеркало отражает меня, бледного и растрепанного, с сжатыми кулаками. Наверное, так же я выглядел для него в тот последний день: уставшим, перепуганным. Слабым. Он не мог попросить о помощи.

Он тоже боялся.

— Прости меня, — коснувшись прохладного стекла, почти различаю лицо Висии в надтреснутой глубине. Говорят, зеркала ловят души умерших и сохраняют, поэтому я оставил его после пожара: темными ночами отражение напоминает окно в другой мир, где я не один.

— Я скучаю, — но не могу — остаться. Больше нет. Сейчас не время для вины, и я должен думать о живых прежде мертвых. Повторяю:

— Прости, — достаю из кармана клочок бумаги с координатами, которые отправил мне Смуглянка. Вокруг поднимается заснеженный лес. Между высоких деревьев горят костры, растянуты палатки. Лагерь пробуждается: вон кто-то готовит завтрак, а рядом ребята возятся с рюкзаками. Улыбаюсь: я скучал.

Помедлив и сосредоточившись на цифрах, картинке, — делаю знак Райху, Триш и Айви: мы уходим. Они торопятся войти в портал.

Произношу стандартное заклинание перехода. Знак под ногами наливается алым светом, который быстро расходится по лесу, озеру, скрывая берега и горы, утреннее солнце. Скоро я оказываюсь среди красной взвеси один. Сердце колотится будто прямо в горле. Налетает ледяной, с колкими снежинками, ветер, остужает пылающую кожу и бросает волосы в лицо. Застегиваю пальто. Опустив глаза, нахожу под ногами заметенную снегом землю. Лес проявляется вновь, четче и ярче, со всеми запахами и звуками: потрескивание ветвей, удивленные и радостные возгласы, гулкие металлические удары — кто-то колотит ложкой по котелку, чтобы разбудить лагерь. Из ближайшей палатки выбирается Смуглянка, следом за ним — Олаф. Парни улыбаются, но выглядят встревоженными, подобравшимися. Я оборачиваюсь проверить Райха и натываюсь на нечитаемый взгляд Триш. Поежившись, откашливаюсь, чтобы поприветствовать ребят:

— Надеюсь, вы хорошо провели время, — отвечают смехом, подходя ближе. Я вспоминаю тесные ряды охотников в лаборатории: нас гораздо меньше. Хмурюсь, ощупываю острую грань Камня в кармане. Вдох-выдох. Пора выложить все карты:

— Сегодня я намерен сместить Гофолию с поста Главы, — по толпе ползет ропот. Повышаю голос:

— Я планировал это давно: со смерти моего друга, Висии Фредерика, которого уничтожили темные ритуалы. Я поклялся прекратить их. Остановить изуверские исследования, проводимые Рамоном Хайме над тварями и огненными магами, свернуть миссии по добыче или уничтожению темных созданий — если только они не угрожают людям. Создать новый Заповедник — в лесах, вдали от человеческого жилья, где магия сможет жить, развиваться, восстанавливая былое разнообразие и могущество. Мы все знаем: время чудес заканчивается, и только в нашей власти продлить волшебство. Разве не для этого мы пришли в Университет?

Олаф кивает, Смуглянка скрещивает руки на груди и говорит:

— Мы пришли спасти людей от чудовищ.

— И мы продолжим, — склоняю голову набок. — Если все пройдет гладко, сегодня у нас появятся неожиданные союзники. Мы заключим перемирие с тварями, как уже было однажды. Пакт Серафима.

Все заговаривают разом, пораженные и испуганные. Я поднимаю руку, призывая к тишине. Не сразу, но постепенно люди смолкают, напряженно глядя на меня.

— Высшие твари мало отличаются от нас, что не удивительно: в них заключены души создателей. Они станут гарантами мира со своей стороны, а Совет — с нашей.

— Совету невыгодно. Ты, только ты, — хмурится Смуглянка. Соглашаюсь:

— Я.

— Мы перестанем охотиться на тварей? — Кричат из задних рядов. — Что же мы будем делать?!

Вопрос поддерживают шумом. Зажатый в ладони камешек впивается в кожу. Выдыхаю, чувствуя, как горит лицо:

— Охранять волшебный мир. Защищать слабых. Я предлагаю созидание вместо разрушения. Или вы хотите продолжить искать существ, которых убьют, и артефакты, которые спрячут? Разве это делает вас счастливыми?

Я смотрю в знакомые лица, глаза, слушаю неуверенную тишину. Айви за спиной хрипит:

— Нет.

Триш роняет:

— Нет, — спасибо.

Соглашается и Олаф:

— Нет.

— Но твой план — слишком невероятный, — отвечает Смуглянка.

— С вашей поддержкой он воплотится в жизнь, — в сознании мерцают души прошедших порталом, звучат голоса. Поднимаю Камень, алый напросвет, горячий. — Я готов отдать часть души ради перемен в Университете. Свою память, разум, силу. Я ставлю все на кон, потому что верю: нельзя иначе. Мне нестрашно проиграть. Мне страшно отступить. И необходимо знать: вы со мной?

Вокруг — ослепительно белая лаборатория, я прислонился спиной к стеклянной стене и удерживаю чары барьера. В стекло бесшумно вгрызаются пули. Позади охрана, выставленная у зала, пытается проникнуть внутрь и схватить меня — приказ Адамона. Запоздалый: мои люди уже берут под контроль безоружный Университет, занимают посты, периметр барьера и ключевые точки — Заповедник, склады оружия и хранилища артефактов.

Это легко: на позициях пусто, почти все маги в Отрезке. Горстку охотников, что подчиняется администрации, не трогают: пусть стреляют, не хватало нам снова кого-то убить.

Я жду возвращения Совета и выбираю воспоминание.

Что я готов отдать за власть?

Чары не обмануть, это должно быть нечто важное, одно из самых ярких. Только я не могу расстаться с Висией. Не могу попрощаться и с первым колдовством. Мысли сворачивают в привычную колену: что бы сделал Раймонд Аваддон? После долгих дней изучения дневника я привык думать за него и теперь знаю: он бы выбрал воспоминание, которое привело в Университет.

У меня найдется подходящее.

Рассматриваю застывших у мониторов ученых. Напряженные плечи, деревянные позы. Наверное, мечтают, чтобы нарисованный черной кровью знак пришел в движение и выплюнул обратно их покровителя, Рамона Хайме. Усмехаюсь: не поможет.

Оглядываюсь на охотников: продолжают дырять барьер. Лица бледные и сосредоточенные. Не понимают, что происходит. Подмигиваю перепуганному мальчишке в совсем новеньком кителе: добро пожаловать в Университет. Он плотней сжимает губы и стреляет поверх моей головы. Боится попасть. Совсем зеленый.

У него и не выйдет — барьер устоит. После перехода моя сила расправила крылья, и чары подчиняются с поразительной легкостью. Я еще чувствую во рту металлический вкус драконьей крови, а кожа будто хранит прикосновение утреннего солнца.

Прикрыв глаза и упершись затылком в толстое стекло, думаю о Триш, Айви и Тиу — где они сейчас? Уже вместе, в Братстве Камня? Получилось пройти порталом мертвых, координаты которого передали Мара и Эдвард? Сами ребята ждут неподалеку от Университета, у еще одной точки входа. Если нам повезет, маги из Отрезка вскоре встретятся с ними.

Если.

Привычный страх скручивает внутренности. Я не сразу понимаю, отчего, а в следующую секунду сигил под ногами изменяется, обрастая новыми связками, перестраиваясь и увеличиваясь в размерах — свежие линии почти касаются моих ботинок. Истеричный писк компьютеров ввинчивается в мозг. Мониторы на стенах вспыхивают графиками и столбцами цифр; ученые и лаборанты вскакивают, торопятся отойти подальше. Я сжимаю в кулаке Камень — на удачу.

В воздухе разливается пламя. Заслонившись рукой, пропускаю момент их появления. В просторном зале сразу становится тесно от людей в черной форме, и трудно дышать — от ужаса, продравшего позвоночник. Я быстро нахожу его источник: Высшие твари дымной взвесью застыли между Советом и магами огня. Стискиваю зубы. Желание шарахнуть прочь, подобно ученым, нестерпимо. Но мне некуда отступить.

Встречаюсь взглядом с золотыми глазами Зарин Аваддон.

— Привет, — лицо девушки в крови и не разобрать выражения. Она с силой трет

покрасневшие веки, сжимает испачканные алым растрепанные страницы — условия мира? Рассматривает людей за моей спиной. Вокруг висят обломки камня, старого камня из старого мира — я чувствую их время и смерть, пропитавшую насквозь. Втягиваю холодный металлический аромат, когда из глубин Университета поднимается утробный вой, наполняя тело вибрацией. Я морщусь, а Зарин вдруг зажмуривается, как перед прыжком в пустоту, и выдыхает едва различимо:

— Хватит. Все правильно, — успокаивая сирену и взбесившиеся от присутствия тварей чары барьера. Звук стихает. Я поднимаю брови:

— Неплохо, — киваю. Значит, Плутон умерла, и девушка теперь обладает властью Советника — покойного создателя твари. Живые же хранят молчание и ледяное спокойствие: Высшие твари в сердце Университета присмирят любого, голодная тьма за периметром — тем более.

Даром, что великие маги.

Страх куда сильнее.

— Я так понимаю, ничего еще не окончено, — перед Советниками висят в воздухе листки с соглашением. Зарин неопределенно дергает плечом. Отворачивается к врагам, продолжая неоконченный разговор:

— Что вы выбираете, — я не узнаю голос Нааса — глухой и надломленный, серый. Парень стоит над лежащей неподвижно темноволосой девушкой. Сердце пропускает удар.

Нет.

Рядом с ним у тела Айяки Корнелиус останавливается Сано, баюкающая изрезанные руки. Подходят Эйса и Хикан Гели, маг технической службы. Эйсандей почти висит на парне, по его бедру под наспех наложенным жгутом растеклось кровавое пятно.

Чуть поодаль лежит еще один труп. Советник Гофолия уткнулся лицом в бледнеющий знак. Мертвым он не похож на себя — обычно нервного, подвижного. Облизываю губы, испытывая смесь облегчения и тревоги.

Главный противник мертв.

Кто будет бороться за главенство? Серхи? Байра?...

Над трупом возвышается наследник пламени, Илай Мназон. Его сила тлеет алым в глазах. Напирающие от тесноты охотники вынужденно приближаются к парню, и тот скидывает ладони, приготовившись защищаться.

Я вижу еще людей из Отрезка: Мантикору и Янни, Марию и стискивающего рану в животе Сойта Роэна. Эти сидят в стороне, им явно досталось в портале. Янни без сознания... или... нет, не хочу и думать...

А где же Кан, брат Нины? Где друг Нааса, Тони? Где Энид?...

— Какое будущее вы хотите: новое или старое? — Тихо говорит Зарин Аваддон. Слова гулко звучат в мерцающей пискот тишине. Я замираю — как час назад, когда ждал ответа искателей. Мгновения тянутся, а пульс частит, сбивается дыхание. Я применю власть, если они откажутся — но тогда друзей у меня в Университете не останется.

Я не хочу быть Советником такой ценой — понимаю. Сглатываю, сжимаю кулаки. Выбирайте же, выби...

— Подписывайте! — Раздается из толпы. Нервно озирается Советник Коди — самый молодой и несдержанный. Старики же в своих серебристых одеждах напоминают мраморные статуи.

— Давайте! Что мы теряем? — Кричат в задних рядах.

— Хуже не будет! Некуда! — Вторят слева.
— Вдруг получится! Стоит рискнуть.
— Так обереги не нужны станут, да? Вообще?
— Мир!
— Твари все равно освободятся! Надо подпи..
— ...сывайте! Я дома полгода не был!
— Мир! Я за мир!
— Давайте!
— Мир!
— Мир!

— Мир! — Звучит отовсюду. Я чувствую, как расслабляются плечи. Слишком рано — покачнувшись, Зарин вдруг хватается за горло, царапая кожу. Вытягивается, пойманная в ловушку. Подаюсь вперед, едва не отпустив барьер — нет, нельзя, еще опасно. Обшариваю взглядом толпу: кто? Не разобрать! Илай бросается на помощь девушке, но враг прямо в ее теле, и я не вижу... я должен защитить ее! Иначе клятва убьет меня!

Зарин расслабляется, отнимая пальцы от шеи. Борется с мороком. Хорошо, молодец девочка! Я понимаю, что могу сделать:

— Зарин! — Медленно, как во сне, оборачивается. Я кидаю украшение, что дала мне Плутон: звезды, в которые можно поверить, — так сказала тварь. Девушка машинально перехватывает цепочку и сжимает, перебирая. Вот так, давай же! Ты сильнее! Надежда открыла первый из порталов, поможет и здесь!...

Клятва горит на предплечье, разгоняя жар по венам. Меня начинает бить озноб, под закрытыми веками прыгают черные пятна. Со стоном вырываю руку из барьера, чтобы прекратить отток силы. Раздается звон битого стекла. Удар в спину едва не ставит на колени. С трудом удерживаю крик и стискиваю запястье с пульсирующим шрамом, почти оседаю на пол, когда все неожиданно заканчивается.

Трясу головой: что произошло?

Мне помогают выпрямиться — Смуглянка. Благодарно киваю. Нахожу Зарин в объятиях Илая, живую. Вокруг волнуется море людей, кто-то вскрикивает:

— Советник! — Коди. Лежит сломанной куклой. Вот, кто напал...

— Ты в порядке? — Спрашивает Смуглянка, отступая. Выдавливаю:

— Да. Мне просто... не по себе после Первичного Портала, — мой голос теряется в новых звуках: сквозь шум толпы, я слышу стук трости и шаги. Шорох бумаги. Поднимаю голову.

Советник Серхи подписывает соглашение о мире. Следом подходит прямой как палка Байра. Сглатываю, разглядев ярость в его лице. Остальной Совет, не теряя холодного достоинства, также оставляет свои подписи.

Это конец и — начало. Стоит тварям убраться восвояси, и старые маги... что они сделают?

Как мне остановить их?...

— Пакт Серафима должен быть подписан Советом в полном составе, иначе документ можно оспорить, — говорит Сано Тхеви. — Необходимо избрать девятого Советника и провести инициацию.

— Да вон же Эрлах, — кричит кто-то из моих, пробравшихся за спины охотников. — Считай, выбрали.

Ему вторят другие:

— Дани в Советники!

— Даниеля! Эрлаха!

— Едва ли данный вариант голосования можно назвать всеобщим и честным, — обрывает их по-стариковски дребезжащий голос. — Особенно, когда речь идет о главенстве в Совете.

— Да наплевать, — рычит Наас. Зарин подходит к нему, трогает за плечо.

— Допустим, — ухмыляется Советник Нотория. Серхи шепчет ему на ухо, вынуждая склониться. Выслушав, старик продолжает:

— Церемонию инициации не провести без Камня, — который никто не собирается отдавать.

— Значит, война, — спешит Наас. Воздух вьется вокруг него, плавится от жара. Вздрагиваю: так же было с Висией перед...

Выдыхаю:

— Как удачно, что я позаботился об этом. — Байра вздергивает серебристую бровь, когда я показываю свой Камень. С трудом удерживаюсь от торжествующей ухмылки. Меня бьет дрожь: пришло время отдать часть души. Взгляды охотников обращаются на меня. Вгоняю осколок в порез и закрываю глаза, облизываю пересохшие губы. Вызываю в памяти образ отца, сидящего на краешке моей кровати. Он в черной форме, боевых перчатках. Только что проверил мой шкаф: чудовищ нет, и можно ложиться спать. Папа уходит на миссию — вместе с мамой, собирающей рюкзак в коридоре. Дед недовольно выговаривает ей из своей комнаты. Горит звездный ночник. За окном сквозь ночь летят снежинки. У меня слипаются глаза, но я хочу услышать еще одну историю:

— Завтра, когда мы вернемся, я расскажу тебе обо всем, что случится, — обещает папа. Я хмурюсь: нечестно.

— Короткую! Ну пожалуйста!

Улыбается, гладит по голове:

— Я уже рассказал все, что знал.

— Придумай! — Не сдаюсь я, теснее кутаясь в колючее одеяло.

— Ты уже взрослый мальчик, чтобы слушать сказки на ночь, — отец качает головой. — Скоро станешь магом Университета, и будут у тебя собственные, настоящие истории, куда интересней моих.

— Почему интересней?

— Потому, что ты их проживешь. Только прожитое меняет человека изнутри и помогает расти. Ты же хочешь вырасти?

— Конечно, и хочу самые крутые приключения!

— Обещаю, так и будет, — отец смеется, поднимаясь уходить. Я вдруг замечаю, как подрагивают его пальцы, и вздутые вены на фалангах. Впервые думаю: папа уже очень взрослый. У него седина на висках, морщинки в уголках губ, глаз... и скоро он станет как дедушка — слишком старым, чтобы уходить в зимнюю ночь. Сажусь на кровати и ловлю его за руку, тоже обещаю:

— Я буду рассказывать тебе все-все, что случится! Каждый вечер! — Я не мог выразить тогда, но хотел сказать: я буду сильным и смелым, как ты, и наживу миллион невероятных историй, чтобы разделить на двоих.

Я улыбаюсь, ощущая, как блекнет свет того вечера. Последнего вечера, когда мои папа и

мама были живы. Об их смерти мне рассказал уже дед — худшую историю на свете. Сейчас я едва ли смогу ее вспомнить: память растворяется в алом камешке, оседает на золотых сколах. В обмен я чувствую, как начинает покалывать кончики пальцев, как магия жарко растекается по венам, наполняя тело пружинистой легкостью. В сознании вспыхивают огни-души, яркие и бесчисленные, как звезды. Двигаясь среди них, подхожу к самым сильным, к Советникам. Протягиваю свой Камень, — в голове светлеет, дыхание сбивается. Серхи и Байра глядят с нескрываемой ненавистью. Легко улыбаюсь: плевать. Я будто снова в том кукурузном поле и центре бушующего пожара — моего пожара.

Я способен сжечь любого.

— Клянусь беречь и защищать орден и всех его членов ценой своей жизни. Клянусь управлять Университетом со всей возможной справедливостью. Клянусь служить магии каждым своим действием, — мои слова далеки от вычурной и устаревшей клятвы, и Серхи поджимает тонкие губы. Нотория за ним морщится и скрещивает руки на груди.

Байра выходит вперед, небрежно поддевает ногтем горячий осколок на моей ладони.

— И это все? — Хмыкает он.

— Этого достаточно, — пожимаю плечами.

— Увидим, — обещает старый маг и цедит чары связи. Впившись в меня глазами, наклоняется ближе — чувствую сухой травяной аромат его одежды, — выдыхает в ухо:

— Вы пожалеете, Даниель.

— Эрлах, — склоняю голову набок, волосы скользят по щеке.

— Вы пожалеете, — повторяет он и отходит, уступая место Серхи. Тот обдает ледяным презрением, как и Амертат. Остальные смотрят нечитаемо, но послушно произносят волшебные слова. С каждым моя сила обретает новое звучание, окутывая теплом и ветром, шелестом ночи, далекими песнями и каменной тишиной. Ощущения множатся, словно я одновременно — в тысяче мест и времен. Так легко потеряться, и только вырезанная на коже клятва удерживает меня в реальности: Зарин Аваддон здесь. Я тоже должен быть — здесь, пока ей ничего не будет угрожать.

От этого зависит моя жизнь.

— Совещание Совета через два часа, — говорю Советнику Мадлен, самому юному и последнему. — Передайте остальным, — сглотнув, кивает и торопливо отнимает руку от Камня. На его пальце остается порез, и я думаю, что мой осколок сильно отличается от гладких, округлых Камней Совета: он крохотный и острый, кровожадный. Это увидел Первичный Портал в моем сердце? Я — такой?

Теперь — оставить подпись на документе. Скрепленные темным колдовством листки впиваются кровью, высасывая каплю за каплей. Когда я отрываю палец, до локтя простреливает боль и приходит понимание: все изменилось. Так сильно, что в голове мутнеет, мир смазывается на секунду, принимая новый порядок. Я ощупываю шершавые имена, холодные строки нового закона. Оборачиваюсь вслед уходящим магам — охотники поспешно расступаются перед, — и встречаю серебристый взгляд Райха. Хмурюсь: пробрался-таки в эпицентр событий. Я просил подождать в кабинете Адамона, пока все утрясется и приедет его отец, но... стоило предположить. Пустой засунул руки в карманы черной толстовки и уже зачарованно смотрит на дымных тварей, по-прежнему защищающих своих хозяев. Вздыхаю и подхожу к Зарин:

— Пора, — протягиваю обе копии документов девушке. Она пристально всматривается в мое лицо:

— Спасибо, что вернул мне... — замолкает, не в силах назвать. Улыбаюсь:

— Долг.

— Долг?

— Я расскажу после.

Кивает и прикладывает ладонь с глубокой раной к документам.

— Мир заключен, — и в тот же миг гаснут стены, замолкают компьютеры. Нас окутывает непроглядный мрак. Тишина. По спине бегут мурашки, а в живот сжимается от страха. Твари неслышно движутся в наступившей темноте, просачиваясь между оцепеневшими людьми, занимая новое место среди них.

Зарин говорит ломким голосом:

— Заберите всех и уходите. У вас пять минут. Не дайте им кого-либо ранить, — моей щеки касается невидимый коготь, проводит черту. С шорохом и скрипом чудовища собираются из дымной взвеси в собственные изломанные формы. Кто-то тонко выкрикивает:

— У нас огненные маги! Источник вашей жизни! — И в этот момент морок, сопровождающий тварей, сходит.

— Они в курсе, — раздаётся нервный смех, вспыхивают слепящими пятнами фонари. Оглядываю потерянных, раненных магов, лежащие в каменном крошечке трупы. Горло сжимается, и сложно вытолкнуть хоть слово... я должен. Позвать медиков — Гийот появляется так скоро, будто ждал за дверью. Безразлично кивает и устремляется к неподвижным телам. За ним сквозь море охотников проскальзывают другие лекари и ребята моего блока. Эти улыбаются, переглядываются заговорщицки. Я команду:

— Разбиться согласно протоколу Б45, — группы по шесть человек, из них двое главных — искатели. — Обойти периметр и убедиться в прочности связок. Просканировать прилегающую территорию. В девять общий сбор на центральной площади. До этого момента — удвоить патрули.

— Но барьер... — пытается спорить кто-то.

— Восстановится через несколько минут. Поспешите занять позиции, — толпа споро делится на команды, люди тянутся к выходу, забирая с собой свет. Хрупают под ногами битое стекло, размазываются остатки портала. Единственный вход в Отрезок стремительно исчезает. Я чувствую, как после ухода тварей расслабляются плечи, растираю задеревеневшую шею. Пробираюсь к Сойту Роэну и опускаюсь на колени. Футболка на его животе черная от крови. Мужчина, скривившись от боли, удерживает рану руками. Кричу:

— Сюда! — Секция за секцией, зажигаются потолочные панели. Медики застывают, не решаясь приблизиться. Чертовы трусы! Рывкаю:

— Это приказ!

— Но они уже не... не люди, — выдавливает один из целителей. Верно. Подписанный пакт Серафима — древний документ, и согласно нему маги огня и отмеченные чудовищами приравниваются к тварям, а их жизнь обретает неприкосновенность. Небольшая цена: перестать быть человеком — за свободу.

— И что? Вы работали вместе много лет, а теперь это больше не имеет значения? Пусть он умрет, да, Руни?

— Нет, я не это имел в...

— Ну так думай прежде, чем говорить, — убираю волосы с лица и опираюсь о землю. Голова кружится, язык кажется неповоротливым и распухшим. Усталость наваливается

неподъемной глыбой, и страшно хочется оказаться в своей комнате, в тишине и одиночестве — хоть не надолго. Медленно подбираю слова, а в висках стучит: осторожно, ты теперь Советник. Ты не имеешь права на ошибку, особенно сейчас:

— Послушайте, я знаю: вы сбиты с толку. В девять я все объясню и отвечу на любые вопросы. Но сейчас просто помогите им. Если вам плевать на общее прошлое, подумайте вот о чем: неизвестно, как чары Бози расценят его смерть.

Сжав плечо мужчины, в наступившей тишине разглядываю побледневших медиков. Они кажутся неуверенными даже когда отмирают и подходят наконец к раненым. Глажу Камень: ничего, все получается — видишь? Требую:

— Принесите протезы Мантикоры. Одно... два инвалидных кресла, — для Сойта Роэна и раненного в бедро Эйсы.

— Этому необходимо в операционную, — говорит осматривающий искателя маг.

— Тогда одно кресло. Эй, Картер! Томас и Пвин! — Перехватываю троих парней моего блока. — Вы отвечаете за него передо мной лично. Никого, кроме врачей, не допускать. Иные приказы не рассматривать. Понятно?

— Да, сэр! — Сойт Роэн сдавленно вскрикивает, когда его перемещают на носилки.

— О тебе позаботятся, все будет хорошо, — мужчина горестно ухмыляется:

— Навестишь меня в лазарете?

— Непременно, еще сегодня, — обещаю, поднимаясь. И Валентина тоже навещу.

Вокруг колдуют, убирая завалы битого камня, левитируя тела, зачаровывая раны. Жизнь Университета входит в привычное русло. Скоро о случившемся будут напоминать лишь свежие фотографии погибших на стенах бара и пустые кровати в некоторых комнатах.

Новый капитан блока охотников.

Чистые камеры Заповедника.

Там уже никого — прикрыв глаза, я вижу структуру ордена как на ладони. Учебные аудитории, секции общежитий, переходы и залы, каморки подсобок, зачарованные пятна хранилищ артефактов, сияющий главный контур — великолепный, мощный каркас из древних сигиллов с кружевом современных надстроек, укутывающий Университет серебристым облаком защиты.

Тьмы внутри нет — истаяла, разбежалась. Вернулась домой, если у чудовищ есть дом.

Я оборачиваюсь к Зарин. Рядом с ней Наас и Илай, Сано и обнимающий девушку высокий блондин с перечеркнутой шрамом щекой — Ульрих Пата, о котором говорила Нина. Он выведет ребят к Маре и Эду.

— Пора восстанавливать барьер, — обещанные Зарин минуты истекли. — Я провожу вас к выходу. На всякий случай.

Киваю Ульриху:

— Пойдешь с ними. Поможешь перенести погибших.

— Так точно, сэр, — сероглазый маг понимающе улыбается.

Я жду, пока цепляют протезы безногому калеке Мантикоре — дикий крик на мгновение перекрывает иные шумы, — пока Зарин уговаривает его пойти с ними. Пока заканчивают колдовать целители, пока уносят тела. Замираю над каждым, всматриваясь в изуродованные смертью лица. Нахожу девушку Кана Энид, укутанную серой пылью как саваном. Знакомых охотников — но не их капитана. Мне не нужно спрашивать, что с ним случилось.

Я понимаю.

Нина тоже понимает: столкнувшись с нами в коридоре, читает что-то в моей лице.

Беспомощно оглядывает раненных магов, тело Айяки на руках Илая и держащего мертвого брата Марию. Девушка сдавленно всхлипывает и зажимает рот, шарахается прочь. Шагаю к ней, но она сбегает раньше, чем я успеваю что-либо сказать. Стыскиваю зубы и Камень — до боли, до теплой крови в ладони. Мне хочется кричать.

— Она тоже маг огня, — говорит подошедшая Зарин. — Слабый, но ученым хватит. Она должна уйти с нами. Принять печать.

— Ей потребуется время, чтобы примириться с этой мыслью, — криво усмехаюсь. Много времени.

— Пусть поторопится, — проходит мимо Хикан.

Мы минуем лестницы и решетки, бесконечные линии защиты, что мерцают узорчатым плетением перед моим внутренним взором. Сознание будто раздваивается, я одновременно среди черно-белых коридоров и — внутри огромного магического организма, где каждый сигил связан с другим, живет и дышит, непрерывно меняется, взаимодействуя. Чары опутывают каждый камешек, струятся под ногами, мерцая в такт шагам. Разливаются в вычурный знак, когда мы достигаем холла. На нем столпились люди: ученые в белых халатах, бледные как мел пустые из администрации. Я нахожу Адамона, он выглядит постаревшим и очень усталым. Вздыхаю: в ближайшее время его ожидает много работы. Я об этом позабочусь.

Толпа поспешно расступается перед нами, и в лицо дует холодом. За стеклянными дверями ждут сгущающиеся сумерки. И воробьи — замерли на ветвях и карнизах, укрыли залитые последним алым светом крыши. Я вздрагиваю, когда несколько птишек перелетает возле самого лица. Зарин рядом заметно напрягается. Обхватывает себя за плечи: она в легкой рубашке и шортах, остальные тоже одеты совсем по-летнему. Наверное, в Отрезке было жарко. Я отдаю девушке свое пальто.

— Спасибо, — рассеянно благодарит, не сводя золотистых глаз с неподвижных птиц.

— Пойдем, — касаюсь между острых лопаток.

С темного неба падают колючие снежинки. Дыхание клубится паром. Выдыхаю облако: люди рядом — замерзшие и серые в наступающей мгле, — последние искры гаснущего пламени, обломки великой Огненной эпохи, теперь в безопасности. Пусть в переулках скользят силуэты охотников, провожающих нас к барьеру, пусть следом поворачиваются камеры — все это скоро останется в прошлом. Темные ритуалы, ужасы Заповедника... Висяя — останется в прошлом. Глаза печет, и я шепчу призраку среди теней: прощай. Я исполнил свое обещание.

Все поменяется.

Даже раньше, чем я предполагал: за очередным поворотом нас встречает группа магов. Воробьи с шумом взлетают к низким тучам, стая описывает круг и улетает в сторону парка. Машинально тянусь к пистолету, но узнаю выступившего вперед Олафа. Он медленно расстегивает китель и, свернув, кладет на асфальт. Остальные повторяют за ним и быстро отходят, исчезая под деревьями.

— Идем, — хмыкаю, устремляясь вперед.

— Подожди! Это может быть ловушкой, — предостерегает Сано Ульриха, который наклонился поднять подарок. — Чары...

— Нет, — подхватываю сверток, на всякий случай проверяю на колдовство — знак сплетается из снега легко, по первому желанию. Улыбаюсь, чувствуя тепло в груди. — Это благодарность.

Укутываю кителем Нааса, ободряюще сжимаю плечо. Парень смотрит мимо, заледеневший в своем горе.

— Все равно проверь, — сомневается Хикан, но форма, как и висящий дальше на ветвях пуховик, не проклята. Мы находим оставленными шарфы и шапки, кофты и толстовки, одеяла и свитера — больше, чем нужно, больше, чем я мог представить. Горло перехватывает спазмом, и я отворачиваюсь, чтобы никто не увидел потрясения на моем лице.

— Ненормальные, — шепчет Эйса. — Камеры же работают! — Красные глазки смотрят на нас с забора периметра.

Останавливаюсь у калитки:

— Я попрощаюсь с вами здесь, — прячу руки и Камень в карманах подобранного пиджака. — Не оставайтесь в городе. Уходите как можно дальше прямо сегодня, воспользуйтесь альфа-порталом.

— Спасибо, — рассеянно отвечает Зарин.

— И вам. Надеюсь, в следующий раз мы увидимся при менее трагичных обстоятельствах.

— Позаботься о Нине, — хрипит Наас. — Пока на ней нет печати, она считается человеком и попадает под власть Университета.

Она уязвима.

— Жаль, что нельзя обратиться без спросу, — хмурится Хикан.

— Я поговорю с ней, — обещаю. — Свяжусь с Ульрихом, как только станет известно состояние Сойта Роэна. А теперь...

— Барьер, — Зарин задерживается, пропуская остальных вперед. Прижимает к груди листы соглашения. Илай ждет ее по ту сторону стены. Облизав губы, девушка говорит повернувшимся камерам, невидимым наблюдателям. Совету и мне:

— Я сожгу ваши души дотла, если придется.

Соглашаюсь:

— Договорились.

Она шагает за барьер и оборачивается. Глаза горят лунами, словно у дикого зверя. Что-то шепчет, не разобрать, но я вижу вторым зрением, как наполняется светом защитный контур, как вспыхивают узловые сгилы и плетения связок. По позвоночнику бегут мурашки, а волоски на затылке поднимаются дыбом. Втягиваю запахи палой листвы и близкого болота, зимнего ветра в соснах, улыбаюсь на прощание, когда калитка с грохотом захлопывается — вздрогнув, ежусь от холода и неприятного ощущения, что за мной наблюдают.

Мельком посмотрев на камеры, оглядываюсь, нахожу темный силуэт в начале аллеи. Сутулые плечи, растрепанные волосы — Райх.

Ну конечно.

Чувствую, как теплеют щеки.

Он здесь, мой пустой. Неслышный — подходит ближе, останавливается напротив. Кончик носа покраснел от холода, румянец заливал скулы. Я дергаю рукой, сплетая сгил помех, и вырубаю все наблюдение. Хватит, насмотрелись.

— Все получилось, — говорит он. Блекло улыбается и впервые выглядит неуверенно. Я склоняю голову набок и подхожу ближе, трогаю холодную ладонь. Ответное касание жесткое и крепкое, у Райха расслабляются плечи.

— Все получилось, — а сколько еще предстоит. При мысли о скором заседании Совета

шею сводит спазмом, желудок сжимается.

— Что дальше? — Мягко спрашивает, поглаживая мои пальцы.

— Примирить всех с новым порядком. Организовать по-новому функционирование Университета. Много работы и мало магии.

— Жаль, я уже привык, — серебристые глаза отражают свет гаснущего дня.

— Хочешь остаться? — Наклоняюсь к нему, мои волосы ложатся на бледную щеку. Райх прикусывает губу. Хмурится:

— Да. Отец против, и пойдет к Совету, но... ты ведь не позволишь им стереть мою память? Выкинуть из Университета?

— Не позволю, — еще одно обещание слетает с губ, теряется в клубящемся дыхании. — Даже если тварь вернется — не позволю.

Он дрожит, и я обнимаю, притягиваю вплотную.

— Я... боюсь, что не справлюсь. С ней, с собой. Как всегда. Не найду своего места здесь.

— Быть может, оно и не здесь. Мы прошли длинный путь, и магический орден в нем оказался лишь частью цепи. Чудеса — еще не главное.

— А что же? — Хмыкает парень.

— Оставаться собой, — жить прошлым, если нужно. Думать о мертвых, о живых, дышать ради мести или любви. Идти вперед, преодолевая страх, вину... ради надежды на новый, лучший день. — Ты же был там, в порталах, и видел: память мага, чувства — одинаковые сквозь века... существо из зеркала, дракона, Темные Земли. Что это огромный, невероятный, грандиозный мир. В нем найдется место для каждого. Мы обязательно отыщем свое. Сейчас оно здесь — но кто знает, что будет завтра?

Райх улыбается и целует. У него шершавые, ледяные губы. Пахнет грозой, и я больше не различаю горечи в этом аромате. Не чувствую груза ответственности и боли.

Мне легко.

Больше книг на сайте - Knigoed.net